Максимов Анатолий Борисович
Главная тайна ГРУ

Москва, 2012

<maxan000.jpg>

От автора....2

Предисловие....4
Рабочая гипотеза....4

Глава 1. «Большой блеф» Хрущёва....11
Война после войны....11
Операция «Центр»....19
Карибский кризис....21
Непризнанная победа....36

Глава 2 «Краеугольные камни» мастерства разведки....42
Разведчики, агенты, операции....42
Трактовки от разведки....50
1918. Операция «Заговор послов»....55
1921-1927. Операция «Трест»....59
1923-1927. Бюро дезинформации....63
1940-1941. Операция «Снег»....65
«Красная капелла»....67
1941-1945. Операция «Монастырь» - «Березино»....70
Чекистская легенда для Гейне-Макса....72
Состав легендированной организации «Престол»....72
Хроника операций «Монастырь» - «Березино»....72
1967-1971-1978. Операция «Турнир»....74

Глава 3. «Феномен» - место и время задано....77
«Феномен Пеньковского»....78
Встреча с «Феноменом»....82
Трактовка «Феномена»....91
«Феномен» - подстава....98
По следам «Феномена»....112
«Феномен» против СИС и ЦРУ....127
Слово о разведке госбезопасности и военной разведке Министерства обороны....142
«Феномен» - явление положительное....143

Заключение. Выиграло человечество....149

Приложение....152
На страже кубинской хунты....152
Записка КГБ при СМ СССР по созданию общественного движения в защиту Кубы. .153
Факты, воспринимаемые западными спецслужбами в пользу честного сотрудничества О.В. Пеньковского («агент Запада»), говорящие в пользу имитации О.В. Пеньковским «честного» сотрудничества с западными спецслужбами («подстава Востока»)....156
Из протокола следственного эксперимента....159
Из выступления защитника Пеньковского О.В. Апраксина А.К....162

Послесловие....168
Жизнь после смерти....168

Библиография....197

От автора

В который раз вчитываюсь я в хорошо знакомое мне обращение советского гражданина к американскому и английскому разведчикам:

«Как стратег, выпускник двух академий, я знаю многие слабые места. Я убеждён, что в случае будущей войны в час «Х» такие важные объекты, как Генштаб, КГБ на площади Дзержинского, ЦК партии, должны быть взорваны…»

Это обращение к противнику потрясало своей чёткостью сформулированной цели. С трудом верилось, что автор этого изуверского «послания» - участник финской войны и боевой офицер Отечественной, а на тот момент, в 1961 году, действующий сотрудник ГРУ - военной разведки Генштаба Минобороны СССР. И вот - предатель Родины…

Первая «встреча» с этим поразительным по своей циничности документом произошла в 1967 году за рубежом, в Канаде. Тогда мне попалась в руки книжица карманного формата «Записки Пеньковского». Но почему «в который раз»? Потому что из года в год, казалось бы, предельно понятное его содержание для меня наполнялось всё более новым оперативно-значимым смыслом и потому что…

Впрочем, всё по порядку.

…Декабрьским морозным утром 1991 года в доме на восточной окраине столицы за письменным столом сидел профессиональный разведчик, несколько месяцев назад ушедший в запас. В эти дни моё сорокалетнее прошлое - флот, контрразведка, разведка властно приковывало внимание, требуя осмыслить пройденный путь. Я переворачивал листок за листком, с каждой страницей уходя в глубь прожитых лет.

Затерявшийся между страницами сложенный вчетверо кусочек бумаги с неровными краями обрыва привлёк моё внимание. Машинально взглянул на помеченную на нём дату - февраль 1974 года. Без особого труда вспомнил: в это время в разгаре была операция по проникновению в агентурную сеть западных спецслужб. В этой акции я выступал в качестве «московского агента» Запада под личиной предателя Родины.

Так скромный листок из отрывного календаря возвратил меня почти на двадцать лет назад, когда готовился очередной этап игры внешней разведки нашей госбезопасности с одной из западных контрразведок.

Тогда для исполнения роли «предателя» я искал опору в делах реальных предателей моей Отчизны, коим, например, был Пеньковский, полковник военной разведки - агент английской и американской спецслужб в начале шестидесятых годов. Как разведчик, я понимал, что преданные гласности сведения по «делу Пеньковского» могли кое-что «подсказать» в моей тревожной игре.

На листочке были проставлены латинские буквы и цифры. Это были ссылки на американское издание книги «Записки Пеньковского», которую

я приобрёл ещё в 1967 году за рубежом. А цифры - это страницы книги, привлёкшие моё внимание лет двадцать назад.

Но почему на листке сделана крупная запись: «предатель - непредатель» и ещё «?!». Значит, уже тогда, во времена занятости текущими делами была отмечена в словах решительным почерком мысль, посетившая тогда меня.

Я нашёл томик «Записок». Там на нескольких страницах увидел свои пометки разными цветами - синим, зелёным, красным. Возвратившись к столу, я снова взглянул на развёрнутый пожелтевший листок, на котором скорописью было выведено:

синим - мотивы работы Пеньковского с Западом;

зелёным - разведывательные возможности по добыванию материалов;

красным - условия связи и безопасность.

Листок из семидесятых годов заставил меня неоднократно возвращаться к мысли: а было ли предательство советского офицера, боевого артиллериста, военного разведчика полковника Пеньковского? Некоторый свет на это «дело» пролили книги, изданные в России после событий августа 1991 года. В них говорилось о «деле», в сведениях о котором я искал робкие пока доказательства в пользу моих возникших неясных предположений о том, что предательства не было.

Поражала строгая последовательность появления Пеньковского в поле зрения Запада, которая в определённой степени один к одному повторяла путь меня самого при «работе» с западной спецслужбой: заинтересовать собой - инспирировать мотивы возможного сотрудничества - показать наличие доступа к информации - выдвинуть условия получения гражданства на Западе - поставить требования по безопасности.

И я стал пополнять пока скромное личное досье по «делу Пеньковского».

* * *

Подбираясь к семидесятилетию, представляется, что с самого детства мне удалось сохранить трепетное отношение к каждой новой книге, за обложкой которой скрыто ещё не познанное её содержание. И по сей день меня огорчает, если в книге, брошюре или статье весьма слабо, а иногда вообще отсутствуют сведения об авторе.

В краткой справке о пишущем я ищу ответы на вечный вопрос: по какому «моральному праву» он взялся за перо и представил на суд читателей своё видение фактов и событий? И потому, из глубокого уважения к читателю - несколько строк о себе, моём жизненном пути. Всего несколько строк…

Родился в 1934 году в семье геолога и учительницы. Окончил высшее

военно-морское училище по специальности инженер морской артиллерии. С 1957 года в органах госбезопасности: военный контрразведчик на Северном флоте и разведчик научно-технической разведки с работой в странах на четырёх континентах. Ветеран флота, контрразведки, разведки и внешторга. Почётный сотрудник госбезопасности, капитан 1 ранга в отставке, занимаюсь историей моей службы.

Но ведь деяния любого разведчика - это крохотная частица истории всей разведки. Из таких частиц формируется мнение о разведывательном ремесле и о мастерстве разведки в целом, как об институте государственной безопасности моего Отечества. Все мы, как говорили в далёкие времена, «государевы люди». И не будь разведчиков с их государственным подходом к делу, то не было бы источников информации - секретных помощников, а значит - операций в пользу политики государства на международной арене. Особенно работа разведчиков и агентов с проводимыми ими операциями была нужна в тревожные для Российского государства периоды дипломатических усилий, разрешению которых способствовали «тайные войны».

Комитет государственной безопасности с его внешней (политической) разведкой и Минобороны с его военной разведкой сотрудничали на полях скрытых битв всё XX столетие. В интересах защиты Отечества они совместными усилиями создавали подчас уникальные операции. Например, «Трест» в двадцатые годы, работа «Красной капеллы» и оперативная игра «Монастырь» - «Березино» - в годы Великой Отечественной войны. Внешняя и военная разведки рука об руку вершили славные дела в Гражданской войне в Испании в тридцатые годы.

С точки зрения профессионального интереса мне повезло: за годы работы в разведке был период, когда целью моей профессиональной пригодности стала роль предателя Родины. Десятилетие только две спецслужбы знали, что они имеют дело с разведчиком (советским) и агентом (канадским). В советской операции «Турнир» против канадской операции «Золотая жила» советский Тургай выступал против канадского «Аквариуса» - это был «поединок с самим собой».

Участие в этой акции тайного влияния не могло пройти бесследно для моего оперативного опыта. И случилось так, что я «заболел» проблемой «дела Пеньковского» - этого «предателя века», как его представили и у нас и за рубежом. Правда, за рубежом возвели в ранг героя.

Многолетнее странствование по морю газетных и журнальных статей в Союзе и за рубежом, знакомство с книгами и фильмами «на тему», беседы со свидетелями этого шумного судебного процесса «по делу» укрепляли меня в мысли: в этом из ряда вон выходящем событии на «полях тайной войны спецслужб» определённо имеется скрытый своей недосказанностью смысл.

Описанные многократно «по делу» события берут начало в середине прошлого века, когда Советский Союз ещё не был даже близок к грани распада, а КГБ с его внешней разведкой и Минобороны с его Главным

разведывательным управлением находились в расцвете сил в рамках «тайной войны» разведок и контрразведок.

Когда с позиции девяностых годов я понял, что стратегический замысел «дела Пеньковского» своей значимостью доведён до уровня нового столетия, то во мне эвристически забилась дерзкая мысль: разобраться в этом «деле», избрав «инструментом» в поисках истины «логику шахматного игрока».

Что из этого получилось, судить читателю, которого я, как автор, попытаюсь провести «по пням и кочкам» той дороги, которую посмею назвать «независимым расследованием».

Не верьте всему, что пишут газеты. Пеньковский жив и здоров, он был двойным агентом, работая против американцев.

Николай Федоренко, советский представитель в ООН в Нью-Йорке. 29 мая 1963 года.

Предисловие

Рабочая гипотеза

Во все времена попытки глубокого анализа работы спецслужб наталкивались на значительные трудности. Связаны они с поиском, отбором и оценкой фактов.

Взять хотя бы операции разведки, где действенными инструментами всегда были разведчики и агенты. А движущие их силы? Они оставались в тени. Работа спецслужб в конечном счёте - это продолжение политики своих правительств иными средствами, особенно в мирное время. Однако разведывательная работа носит такой характер, что от неё и её агентов, бывает, отказываются - официально и внешне убедительно - их собственные правительства. Пример тому - история с арестом замечательного разведчика XX века Рихарда Зорге, которого советская сторона не смогла спасти в силу сложившихся отношений с Японией - нашим противником де-факто и партнёром согласно пакту о ненападении (1941) де-юре.

Кроме секретности, глубокому анализу операций тайного влияния мешает нехватка фактов, ибо ни в одной сфере государственной деятельности не прибегают так часто к дезинформации.

Вторгнуться же в эту сферу просто необходимо. Ведь совершенно невозможно понять мир прошлого века и сегодняшнего времени без осмысления работы спецслужб в переломные моменты противостояния между Востоком и Западом: Первая мировая война, Гражданская война в России, затем в Испании, Вторая мировая война и, наконец, «холодная война» в послевоенный период.

Уже менее чем через год после окончания величайшей битвы народов против фашизма в американских штаб-квартирах политиков и военных

один за другим стали появляться тщательно разработанные планы разгрома Советской России. В высших эшелонах власти в США возникли директивы: «Тотелити», «Чаризтир», «Флитвуд», «Тройан» и, наконец, «Дропшот».

В Москве знакомились с чудовищными и циничными расчётами, содержащимися на каждой странице этих документов: «первый удар по 20 городам…», «сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, из них 8 - на Москву и 7 - на Ленинград…», «сбросить 200 атомных бомб на 100 городов…», «сбросить 300…». Причём указывались в них и такие цифры: на сколько процентов будет разрушена промышленность, сколько миллионов человек погибнет после первого, второго, третьего ударов… Указывалось точное время нападения: год, месяц, день!

По пунктам был расписан «порядок», который США намеревались предписать нашей стране после своей победы: «На любой территории, освобождённой от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих останков советского аппарата власти…»

Более пяти лет один за другим корректировались и менялись планы атомной войны против СССР, пока США не пришли к выводу, что она в тех условиях невозможна. Появление в 1949 году в Советском Союзе собственной атомной бомбы вызвало шок у тех, кто планировал по-своему распорядиться территорией и населением Страны Советов. Но бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции, будучи убеждены, что советская сторона не ждёт внезапного нападения, начали подготовку к всесокрушающему ядерному удару. Параллельно родился новый план, рассчитанный на разрушение СССР невоенными средствами.

План предусматривал в течение длительного времени воздействовать на советский строй по двум основным направлениям: во-первых, ведение массированной, широкомасштабной «холодной войны», направленной на подрыв строя с целью его развала мирным путём; во-вторых, закрытая деятельность по поиску сообщников и объединение их в группы сопротивления, способные в нужный момент выступить открыто против существующего в стране режима.

В директиве США № 201 говорилось: «Психологическая война - чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа: она подорвёт его мораль, будет сеять сомнение и создавать дезорганизацию в стране…»

Советская сторона знала об этих американских задумках. Практически не было ни одного плана атомного нападения на СССР, ни одной инструкции американской разведки и других спецслужб, направленных на свержение советского строя, о которых не были бы осведомлены органы госбезопасности, а от них - советское руководство и военное командование.

Развёртывание против Советского Союза идеологического и психологического наступлений представляло не меньшую опасность, чем приготовления в военной области. Но советское руководство на этом

фронте борьбы не принимало сколько-нибудь серьёзных мер. После смерти Сталина десятилетия во главе Коммунистической партии стояли люди, чья некомпетентность не позволяла прогнозировать события, опираясь на данные серьёзных учёных: социологов, философов, политологов, историков. А данные разведки партийным руководством страны фактически игнорировались и предложения органов госбезопасности по комплексным мерам против долговременных планов США по разрушению советского строя отметались.

Работа спецслужб затронула всё человечество. И это не преувеличение, примером может послужить одна из коллизий между СССР и США в период Карибского кризиса (1962). Тогда разведка сыграла важную роль в мирном разрешении конфликта, грозившего ядерной катастрофой.

За тридцать лет до событий в нашей стране 1991 года политическое противостояние между Вашингтоном и Москвой поставило мир на грань Третьей мировой войны. Когда речь идёт о Карибском кризисе, можно с большой степенью уверенности утверждать: судьба мира зависила от уровня полезности разведок двух держав - их компетентности и умения в нужном месте и в нужное время снабдить свои правительства информацией стратегического значения.

Исповедуя принцип предвидения и упреждения, органы госбезопасности и военная разведка должны были предполагать, что очагом возможного военного конфликта окажется Куба, вырвавшаяся первой из-под опеки США в Западном полушарии. Итак, место приложения сил спецслужб - США и Куба, время - конец 50-х и начало 60-х годов. Попытаемся осветить этот аспект работы ЦРУ и СИС против КГБ и ГРУ. Возможно, итогом этого расследования станет смена полюсов в оценке эффективности работы, в частности, одного из главных фигурантов «тайной войны» в то время и в том месте.

Летом 1967 года в разгар триумфа международной выставки «Человек и его мир» в Монреале на полках книжных магазинов появилась книга карманного формата об Олеге Пеньковском «Записки Пеньковского». О том самом, которого приговорили к расстрелу за четыре года до этого в далёкой Москве.

Экспо-67 привлекла внимание всего мира. Канада отмечала своё 100-летие. В Страну кленового листа, при населении 22 миллиона человек, на эту выставку съехалось почти 25 миллионов посетителей с разных частей света. И повторный выход книги (первое издание вышло в Нью-Йорке в 1965 году) именно в год выставки, когда она пересекла южную границу Канады с США, был, конечно, не случайным: теме «Человек и его мир» противопоставлялись идеологические течения, характерные для полярности того времени - капитализма и социализма.

Несомненным было и другое: широкое распространение книги было выпадом в адрес Советского Союза, отмечавшего в 1967 году своё 50-летие. Уже тогда её отнесли к «чёрной пропаганде» и к семейству

«изделий» западных спецслужб.

А что же люди - из Европы, Азии, Африки, обеих Америк? Как они отнеслись к книге, а точнее, к фигуранту Джибни, вещавшему с её страниц якобы «записок Пеньковского»? Общими для всех были три слова: «советский разведчик - предатель». Но эмоциональная окраска при оценке такого персонажа различалась: «это интересно» - для тех, кого разведка и шпионаж интересовали как чтиво; «опять эти русские» - для тех, кого всё советское раздражало; «в семье не без урода» - для тех, кто симпатизировал Советам.

Попала эта книга и ко мне. Я тогда работал под торговым прикрытием на этой знаменитой выставке. Нельзя сказать, что «Записки» меня заинтересовали, но здорово озадачили и на многие годы приковали внимание к проблеме предательства.

Нашлись у меня и свои оценки содержания книги, которую уже в то время я рассматривал как довольно удачную антисоветскую «активку» западных спецслужб. Однако я вкладывал свой смысл в те три слова: «советский разведчик - предатель». И ещё моё воображение потряс тот факт, что предателем был ветеран Великой Отечественной войны, храбрый офицер!

Объёмистая книга «Записки Пеньковского» не отвечала на интересовавший меня вопрос: что же подвигло Пеньковского на инициативное предательство? Правильно сказать, ответы, казалось бы, были, но слишком на поверхности лежали мотивы его поступка.

Читая «Записки», уже в то время я искал глубинные корни предательства и... не находил их. Спустя десятилетия, побывав сам в личине «предателя» Родины в интересах советской госбезопасности и осмыслив личный опыт, я всё чаще возвращался к проблеме предательства Пеньковского - офицера военной разведки, поступок которого на Западе окрестили «феноменом Пеньковского».

У меня, ветерана разведки, появилась почти навязчивая идея - нужно искать скрытые пружины «феномена». Было собрано и изучено достаточно большое количество статей, очерков и книг о «феномене» с массой противоречивых мнений о предательстве Пеньковского. И возник вопрос: «а был ли мальчик?» - было ли предательство или, возможно, это искусная игра советской стороны в интересах событий, развернувшихся на международной арене в конце 50-х и начале 60-х годов, конечно, между Западом и Востоком - США и СССР. Причём вокруг Кубы.

Я искал в печатных изданиях и других источниках, многие из которых противоречили сами себе, и в материалах судебного процесса над предателем ответы на зародившиеся у меня сомнения, хотя бы в косвенном виде, но спрятанные в глубине малоизвестных фактов.

Занимаясь историей отечественной разведки в последние годы XX столетия, мне удалось помочь придать гласности труд замечательного советского разведчика Вениамина Гражуля, одного из руководителей разведшколы и её преподавателя. В 1944 году Гражуль подготовил

закрытое учебное пособие по истории разведки в XVIII веке. В увлекательной форме он поведал о становлении Российской державы усилиями Петра I и Екатерины II. На фоне внешней политики этих двух монархов Гражуль раскрыл значение дипломатической разведки для нужд государства. Источником сведений при работе над рукописью послужили два архива, в то время закрытого характера. Рукопись получила высокую оценку Евгения Тарле, маститого советского историка, с предисловия которого она начиналась.

Справка. О том, что Запад считал Россию «варварской страной», которую всячески следует ослаблять, известно ещё со времён Александра Невского. Тогда ему удалось остановить Тевтонский орден, вооружённый идеей Ватикана: искоренить православие у восточных славян, естественно, после их порабощения.

Казалось бы, Россия встала в полный рост великой державы в XVIII веке. И констатацией этого может служить хотя бы такой факт в высказывании Екатерины II в письме французскому мыслителю Вольтеру: «Теперь без нашего согласия ни одна пушка в Европе не смеет выстрелить!».

Но вот наступил следующий век, XIX, и Западом была инициирована Крымская война с той же целью: ослабить, лишить выхода к морям, ликвидировать флот… Эта война стала первым военным походом коалиции европейских государств против суверенной России. Не стал ли девиз: «расчленить и превратить Россию в сырьевой придаток, управляемый извне» навязчивой идеей Запада?! Тому пример: решение «сильных мира сего» в Америке в 80-х годах XIX века выделить в два главных экономических противника следующего столетия Германию и Россию. Первую - потому что она уже заявила о себе в этом качестве на международной арене, а вторую - как обладающую огромными природными ресурсами и кадровой силой. Но главное в России устрашало Запад… её непредсказуемая возможность к стремительному саморазвитию.

И как следствие такого отношения к России, инспирирование Русско-японской войны Страной восходящего солнца, поддержку которой на дипломатическом уровне проводили западные страны и милитаризацию которой стимулировали: Англия - усиленное финансирование, США - поставка сырья и производственных мощностей, Германия - строительство японской армии. А вместе - поддержание агрессивных замыслов и действий японской военщины против Российской империи.

Под этим углом зрения следует рассматривать позиции США в Первой и Второй мировых войнах, одной из целей которых было значительное снижение экономических и людских ресурсов этих двух стран-противников.

Так вот, в одной из глав этой книги речь шла о работе русской разведки в интересах распространения влияния России на Польшу. Петру I нужно было повлиять на своего ставленника - польского короля,

колебания которого не в пользу политики России подогревали шведы, англичане и немцы.

На столе у Петра I появилась «Мемория досад» - памятка претензий к действиям антирусски настроенного польского короля. Все претензии были хорошо аргументированы на основе сведений, полученных от тайных информаторов русских разведчиков в этой стране, работой которых руководил лично российский монарх.

С оперативной точки зрения «Мемория досад» - это труд разведчиков, агентов и может быть квалифицирован как акция тайного влияния (операция содействия) в интересах российской политики в Польше и против недоброжелателей в Европе. Характерной особенностью документа был тот факт, что ни один из десяти источников, на основе информации которых была подготовлена «памятка», не был засвечен.

Работая над историей советской внешней разведки, возникло ощущение аналогии «Мемории досад» с документом, к инспирированию которого имели отношение советские органы госбезопасности в то время, когда по Европе уже шагали немецкие солдаты, развязав Вторую мировую войну.

Так, подвиг русских разведчиков в Польше был повторён в 1940-1941 годах в отношении США и Японии, которые вели напряжённую дипломатическую войну за влияние в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Усилиями нашей разведки было ускорено появление Меморандума США - «мемории досад» американского образца - в отношении агрессивной политики Японии. Ультимативный характер этого документа привёл к боевым действиям японских военно-морских сил против США. Массированная атака американской главной военно-морской базы на Тихом океане Пёрл-Харбор (7 декабря 1941 года) ввергла эти две страны в столь серьёзное противостояние, что Япония оставила мысль о нападении на Советский Союз в помощь своим союзникам по «оси» Берлин - Рим - Токио.

Эта атака на второй день после начала контрнаступления советских войск под Москвой высвободила дивизии на Дальнем Востоке, которые приняли участие в решительном разгроме немцев. Победное завершение битвы за Москву вселило надежду в сердца советских людей и народов антигитлеровской коалиции: фашистов можно бить! В этой победе была доля и нашей внешней разведки.

У читателя может возникнуть вопрос: почему такое длинное вступление? И, казалось бы, не на тему? «Мемория досад» в адрес Польши и Меморандум США в адрес Японии - это звенья одной цепи в успехах разведок России с разрывом в 200 лет. Именно «Мемория» подсказала мне главную «изюминку» в концептуальном взгляде на проблему, о которой пойдёт речь в этой книге.

Итак, «дело Пеньковского». Чтобы сразу окунуть читателя в суть проблемы, нужно сказать следующее: на Западе его предательство названо «феномен Пеньковского», и он вот уже сорок пять лет

преподносится в качестве «шпиона, который спас мир» в интересах западной демократии. Но это одна сторона медали, и главным доказательством его предательства является судебный процесс в Москве в мае 1963 года. Тогда Пеньковского приговорили к расстрелу за передачу на Запад множества документов, раскрывающих государственную тайну.

А другая сторона? Она глубоко скрыта от постороннего взгляда в бывших советских архивах, и только косвенные данные говорят о том, что не так всё однозначно в этом громком «деле»: предал - разоблачён - осуждён - расстрелян.

Я собираюсь ознакомить читателя с «Меморией досад» - претензиями к «делу», суть которых в том, что в реальности Пеньковский работал на безопасность Советского государства. А пока прислушайтесь к широкому диапазону голосов либо согласных с западной трактовкой «дела Пеньковского», либо придерживающихся советской стороны, столь решительно осудившейю его. Но если он не предатель советского строя, то что же произошло?

Ниже приводятся высказывания из печати в пользу версии: Пеньковский - сотрудник советской госбезопасности и работа его против Запада - успех КГБ-ГРУ.

> *«Хотя судебный процесс и происходил с соблюдением законности… тем не менее создаётся впечатление, что всё это дело чрезвычайно раздуто. Очевидная неуклюжесть Пеньковского вступить в контакт с американской разведкой и небрежный характер его последующих отношений с Винном могли бы подтвердить предположение, что он, возможно, с самого начала находился под колпаком русских». «Таймс», 1963, 13 мая.*

> *«Западные официальные лица в Москве считают, что смертный приговор Олегу Пеньковскому - чистейшая липа. Как выразился один дипломат, казнь Пеньковского состояла в том, что его паспорт уничтожили, а взамен выдали другой». «Санди телеграф», 1963, 19 мая.*

> *«Однако о нём пишут и как об агенте КГБ, которого всемогущее ведомство подкинуло простодушному Западу. Процесс над ним и расстрел стали всего лишь эпилогом поставленного на Лубянке спектакля. Пеньковский живёт себе припеваючи под чужим именем…» «Совершенно секретно», 1997, № 4.*

> *«…невольно возникает вопрос: как могло случиться, что сотрудники КГБ и ГРУ допустили, чтобы человек с таким «чёрным пятном» в биографии достиг в советском обществе столь высокого положения.? Почему они раньше не занимались происхождением полковника? Что же произошло в их системе тотальной проверки?» Джибни Ф. Вступительная статья. - В кн: Пеньковский О. Записки из тайника. - М.: 2000.*

> *«…советские спецслужбы имели все необходимые условия для начала крупномасштабной операции по дезинформации… По мере ознакомления с делом Пеньковского я всё больше приходил к*

выводу, что оно должно быть - часть той самой операции по дезинформации…». Райт Питер. Охотник за шпионами. - Нью-Йорк: 1988.

«Хотя в ходе операции каждый клочок информации жадно подхватывался западными разведслужбами и тщательно изучался, в ретроспективе они не могут привести ни одного примера получения от Пеньковского информации, имевшей серьёзное военное значение». Найтли Филипп (биограф Кима Филби). Шпионы XX века. - М.: 1986.

«Сейчас многие придерживаются того мнения, что КГБ с самого начала контролировал всю операцию, поставляя на Запад материалы, содержащие значительную долю тонкой дезинформации…» «Куранты», 1993, 23 июня.

«Имеются серьёзные неопровержимые доказательства того, что полковник Пеньковский был внедрён в западную разведку усилиями КГБ». Анатолий Голицын, бывший сотрудник КГБ, работавший в ЦРУ

«…Пеньковский был «подставой», но не Комитета и даже не органов госбезопасности, а всей страны - речь надо вести о возможном стратегическом замысле…». «Век», 2000, № 14.

Так родилась рабочая гипотеза: появление Пеньковского в качестве агента двух западных спецслужб в момент крайне значимых отношений для двух великих держав - СССР и США - это дело не случайное, а определённое всем ходом истории русской и советской разведок.

Появление в нужном месте и в нужное время.

И тогда «дело Пеньковского» оказалось лишь «в обойме» ряда дел, в которых уже отличились советские разведчики 20-70-х годов при проведении операций «Заговор послов», «Трест», «Снег», «Монастырь» - «Березино», «Турнир» и других.

Я не один год собирал факты и сортировал их на первых порах по довольно простой схеме: неясно и неточно, сомнительно и подозрительно, наконец, неправда. В пользу гипотезы факты выстраивались в цепочку умозаключений, требующих осмысления по трём магистральным направлениям. А именно: Пеньковский - предатель, Пеньковский - предатель и после разоблачения - помощник органов против Запада, Пеньковский - не предатель.

Однако следует понять обстановку, в которой органы госбезопасности действовали в послевоенное время (период «войны после войны»), с её кульминацией - Карибским кризисом. Сегодня редкий историк подвергает сомнению тот факт, что послевоенные годы (40-80-е) противостояния между Западом и Востоком (а значит, между США и СССР) можно исчислять так: до Карибского кризиса и после.

...

«Кто не умеет считать ущерб от войны, тот не может понять её выгоды». Сунь-цзы, древнекитайский военный теоретик,

полководец VI-V вв. до н. э.

Глава 1. «Большой блеф» Хрущёва

Война после войны

Рождение Страны Советов в 1917 году буржуазный мир воспринял враждебно. Идеологическая несовместимость, заявленная всеми странами большого капитала, явилась лишь пропагандистским прикрытием огромного желания приобрести контроль над огромной, необозримо богатой страной.

Когда Гражданская война в новой России была в разгаре, циничное отношение стран Антанты к революции в нашей стране выразилось в следующем определении (японская газета «Токио симбун», 1919, 10 февраля):

«Союзники должны взять на себя контроль над Россией... Япония получила бы контроль над Сибирью, а Америка над Россией... Что касается японского контроля над Сибирью, то против этого, мы уверены, не возражала бы ни одна держава...».

Антанта ринулась реализовывать свои планы. Её участникам отводились определённые районы нашей страны исходя из того, что территория огромна и всем хватит. Конечно, враги новой России - идеологические и экономические - смириться с поражением в интервенции против нашей страны не могли и навязали ей политическую и экономическую блокаду. Об этом времени писал Бернард Шоу, великий английский писатель, весьма скептически смотревший на мир: «Исключение России из международной торговли было актом слепоты и сумасшествия со стороны капиталистических стран...»

Борьба шла не на жизнь, а на смерть, и приостановилась она лишь в годы Второй мировой войны, когда фашизм стал угрожать западным демократиям, ибо Запад противостоять фашизму собственными силами не мог. И вот тогда-то им понадобилась антигитлеровская коалиция, к созданию которой приложила руку советская дипломатия и советская разведка. Запад хотел с участием Красной Армии, а нередко исключительно руками советской стороны одолеть фашизм. Угроза попасть под пяту фашистской Германии затмила желание разрушить Страну Советов руками гитлеровцев. А ведь все 30-е годы Советский Союз безуспешно бился за создание в Европе коллективной безопасности против расширения агрессивных поползновений Германии.

Но едва на Западе увидели, что под воздействием советских побед фашизм рушится, силы главных держав по антигитлеровской коалиции сплотились и за спиной своего союзника - СССР - стали искать возможности заключения сепаратного мира с Германией, чтобы не допустить прихода Красной Армии в Западную Европу и тем самым локализовать влияние Советского Союза там в послевоенное время.

Именно советская разведка смогла противопоставить закулисным

планам союзников заслон. Её сообщения из Швеции и Швейцарии, Великобритании и США, из Ватикана и Турции позволили советской стороне удержать неустойчивых союзников от «братания» с немцами. И что же союзники? Ещё шла война, но исход великой битвы народов был предрешён. Тогда западные державы начали активизировать деятельность, направленную против СССР.

Справка. В конце 1941 года глава Советского государства Сталин И.В. беседовал с направляемым в Америку резидентом госбезопасности опытным разведчиком с 20-х годов В.М. Зарубиным. Среди обсуждаемых вопросов по разведработе в Штатах Сталин особо отметил: «…следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаративный мир и вместе не пошли против Советского Союза». И такой момент в политике наших неустойчивых союзников по антигитлеровской коалиции разведка смогла выяснить и, получив документальное подтверждение, уведомить Кремль.

Речь идёт о «плане Ренкина» (1943), принятого на заседании Комитета начальников объединённых штабов Англии и США в Квебеке (Канада) с участием президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля. Это был момент, когда, стремясь добиться максимального ослабления Советской России в войне, американская сторона отложила открытие Второго фронта по вторжению в Европу до 1944 года.

Но готовность союзников к вторжению была усилена. Разрабатывались отдельные планы специальных операций в рамках пресловутого «плана Ренкина». Они предусматривали стремительный бросок американо-английских войск в Европу для захвата континента в момент резкого ослабления или внезапного краха фашистской Германии в результате наступления Красной Армии.

Главная суть «плана»: оккупация европейских стран, прежде всего Франции и Германии, с целью не допустить их освобождения Красной Армией. Введение в действие вариантов «плана Ренкина» становилось областью «военно-политических игр».

И этой упреждающей информацией снабдил советское руководство наш агент из лондонской резидентуры.

Для Советского Союза эпохальным и величественным был год 1947-й. В тот год были залечены первые раны, оставленные войной, и осенью уровень промышленного производства достиг довоенного. За сухими цифрами достижений стоял титанический труд народа по восстановлению сметённого и разрушенного войной хозяйства на западной территории СССР, где разыгрались исполинские сражения Великой Отечественной да и Второй мировой войны.

Жить было трудно. Проблемы были гигантскими. Но только собственными силами можно было прочно поставить на ноги страну, чтобы уверенно смотреть в будущее, быстрее вернуться к нормальной жизни народу-герою, вынесшему на своих плечах тяжелейшую войну в истории нашего государства.

В те годы только одна страна в мире располагала избыточными ресурсами - Соединённые Штаты. Казалось бы, США и СССР находились на войне в одном строю, однако американский и советский вклады в Победу оказались различными. Россия потеряла более 20 миллионов жизней. Американский историк Дж. Геддис в книге «Россия, Советский Союз и Соединённые Штаты» (1978) отмечал: «…на каждого американца, убитого на войне, приходилось пятьдесят умерших русских».

Разбогатевшая на войне Америка могла позволить себе собрать из разорённой Европы специалистов, основательно укрепив ими научно-техническое направление в жизни США. Так, в 1941 году бюджет страны на науку составлял 75 миллионов долларов, а к 1950 году - уже 2 миллиарда.

Открытый вызов, означавший призыв к началу «холодной войны» против СССР, прозвучал в известной речи бывшего британского премьер-министра Уинстона Черчилля, которую он произнёс в американском городе Фултон 5 марта 1946 года. Черчилль призвал создать «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке», создать военный блок в противовес СССР и его послевоенным союзникам. Он призвал применить силу против СССР и немедленно, пока Советский Союз ещё не создал своё атомное оружие.

Для советского правительства такая постановка вопроса не была неожиданностью. В Москве знали, что Черчилль в этом выступлении реализовал установку в отношении СССР, которую он и американский президент Ф. Рузвельт конфиденциально обсуждали при общении на Тегеранской (1943) и Потсдамской (1945) конференциях. Советская разведка вовремя информировала Кремль о возникновении замыслов конфронтации в послевоенной Европе по поводу устройства мира.

Почему против Советского Союза готовился превентивный атомный удар? Расчёт был прост: Страна Советов истощена и обессилена войной, разрушены тысячи городов, деревень. По мнению Черчилля, сокрушение СССР не представляло трудности.

С резкой отповедью на заявление Черчилля в Фултоне выступил Иосиф Сталин. В интервью газете «Правда» он сказал: «По сути дела, господин Черчилль стоит на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок - у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединённых Штатах Америки». Далее говорилось, что своим выступлением Черчилль поразительно напомнил германского фюрера: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию… По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно - в противном случае неизбежна война… Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне против СССР».

В Фултоне присутствовал американский президент Гарри Трумэн.

Вскоре по его указанию был подготовлен обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза», где излагались основные принципы и мотивы готовящейся войны. В докладе говорилось следующее:

«Соединённые Штаты должны говорить языком силы… Надо указать советскому правительству, что мы располагаем достаточной силой не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне… США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну… Война против СССР будет «тотальной» и куда в более страшном смысле, чем любая прошедшая война».

Советская внешняя разведка немедленно переправила этот конфиденциальный доклад-концепцию в Москву. В Кремле знали, что уже в сентябре 1945 года Соединённые Штаты стали проводить в отношении своего бывшего в войне союзника линию «на ужесточение подхода к Советской Республике». В беседе со Сталиным делегация американских сенаторов потребовала от Советского Союза «в обмен на американский заём поменять систему правления и отказаться от своей сферы влияния в Восточной Европе».

Высшее военное командование американских Вооружённых сил задолго до окончания Второй мировой войны определилось с «потенциальным противником». Исходной посылкой стало умозаключение на основе фактов, поддающихся количественному учёту, - какое государство окажется, помимо США, наиболее сильным в послевоенном мире. Таковым мог быть только Советский Союз. «Враг» был назван не по его намерениям, а по «мускульным» возможностям вести войну. И американцы стали решительным образом укреплять антикоммунизм как идеологию, придав ему осязаемость в глазах официального Вашингтона.

Всё шло рука об руку с разработкой в американских штабах новой военной доктрины, основные контуры которой проявились довольно рано. Ещё в 1943 году, рассуждая о послевоенных проблемах, будущий военный министр США Форрестол публично учил: «Понятие «безопасность» больше не существует, и вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники аксиому - мощь подобна богатству: либо используют её, либо утрачивают».

Перед лицом побед Красной Армии комитет начальников штабов США пришёл к реалистическим выводам относительно последствий вооружённого конфликта между США и СССР. Они были сформулированы в серии рекомендаций, представленных американскому правительству начиная со второй половины 1943 года, то есть после Сталинградской и Курской битв. Самыми поучительными среди них были рекомендации (1944), в которых правительство недвусмысленно предупреждалось «против полётов в политическую стратосферу без учёта реальных возможностей США»: «Успешное завершение войны против наших нынешних врагов (имеются в виду Германия и Япония. - Авт .) приведёт к глубокому изменению соответственной военной мощи в мире, которое можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима…»

Американское высшее военное командование своевременно поняло и оценило происходившее тогда: исполинские победы Советского Союза в Великой Отечественной войне привели к созданию военного равновесия между СССР и США. Обратить вспять, опрокинуть сложившееся соотношение сил - в этом усматривал свою генеральную задачу Вашингтон.

Военные стали подыскивать с позиции силы надлежащие средства для удара по «врагу» - СССР. В рекомендациях 1943-1944 годов таким средством явилось атомное оружие. Ещё до его испытания и использования высшие круги Вашингтона пришли к согласию в том, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названием С-1, заставит Советский Союз «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе.

И вот, после беседы с президентом Рузвельтом, в дневнике военного министра США появилась запись: «Необходимо ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации… Возможно использование С-1 для достижения этого…» Учитывая крайнюю секретность всего, связанного с атомной бомбой, министр был в своих записях крайне осторожен.

После сожжения атомными бомбами Хиросимы и Нагасаки, но ещё до капитуляции Японии комитет начальников штабов ВС США приступил к разработке планов новой войны. Они были зафиксированы в директивах № 1496-2 от 18.01.1945 года «Основы формирования военной политики» и № 1518 от 09.10.1945 года «Стратегическая концепция и план использования Вооруженных сил США». Тогда все эти планы были строго засекреченными и даже в более поздний период доступ к ним был ограничен. Однако ещё не просохли на них чернила с резолюциями высоких чиновников, когда копии этих документов оказались на столе советского руководства в Москве - ведь за годы войны крепла не только советская военная мощь на полях сражений, но и совершенствовалось мастерство советской разведки.

Американскими секретными планами нападения на СССР предусматривалась «законность первого удара». Такая постановка вопроса стала результатом серии штабных совещаний, на которых штабные планировщики потребовали включить в директиву № 1496-2 указание о нанесении «первого удара», настаивая: «…на это следует обратить особое внимание с тем, чтобы было ясно - отныне это новая политическая концепция, отличная от американского отношения к войне в прошлом…» Воистину, безнаказанные варварские атомные бомбардировки Японии вскружили американским военным голову, да и не только военным.

Дальше - больше. В секретном докладе комитета начальников штабов (ноябрь 1945 года) говорилось, что желательно нанести атомные удары по Советскому Союзу как в виде возмездия, так и первыми. В связи с этим объединённый разведывательный комитет наметил 20 советских городов, подходящих для атомной бомбардировки. Здесь же подчёркивалось, что

осуществить бомбардировку следует даже в том случае, если успехи врага в области науки и экономики будут указывать на появление у него возможностей нападения на США или создания собственной обороны. Комитет обращал внимание на тот факт, что «атомные бомбардировки относительно малоэффективны против обычных Вооруженных сил и транспортной системы...», однако «атомная бомба будет пригодна для массового истребления (населения) городов».

Позднее, в 70-х годах, американский эксперт М. Шерри проанализировал содержание секретных штабных документов с точки зрения реалий «советской военной угрозы» и сделал вывод: «В агрессивность Советского Союза не верили ни в Пентагоне, ни в Вашингтоне». Его вердикт был следующим: «Советский Союз не представляет собой угрозы», - признавало командование вооружёнными силами. «Его экономика и людские резервы были истощены войной. Следовательно, в ближайшие несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на восстановлении. Советские возможности, независимо от того, что думали о намерениях русских, представлялись достаточным основанием считать СССР потенциальным врагом».

Итак, в сентябре - ноябре 1945 года Соединённые Штаты приняли на вооружение доктрину «первого удара» - внезапной атомной агрессии против СССР. И чем быстрее становился на ноги Советский Союз после тяжелейшей войны, тем громче звучал военный набат в Вашингтоне.

Штабное планирование в Штатах зашло далеко. Совершенно секретная директива Совета национальной безопасности (СНБ 20-1), подготовленная в августе 1948 года, лишь в 1976 году увидела свет и была включена в сборник «Содержание. Документы об американской политике и стратегии 1945-1950 гг.» Документ предусматривал «свести до минимума мощь и влияние Москвы; провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России». Директива предполагала капитуляцию СССР под давлением извне «либо войну и свержение силой Советской власти». Директива «заботилась» о русском населении и управлении им, постановляя вверить его в руки «правителей», которых США доставит из-за границы.

Эта директива СНБ 20-1 вызвала одобрение в Белом доме и легла в основу американской политики в отношении СССР. Во многом, даже в нумерации, она походила на директиву № 21, подписанную примерно за восемь лет до этого Гитлером о плане «Барбаросса».

Вопрос о приоритете геноцида в отношении тех, кто считается противником, не так прост. И в этом отношении американская директива СНБ 20-1 полностью соответствовала американской традиции ведения войны, которой восхищался некто иной как Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Дж. Толандом, сказано: «Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории… США. Он восхищался, что… в своё время на Дальнем Западе были созданы лагеря

для индейцев. Перед своими приближёнными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления - голодом и навязываемой борьбой в условиях неравенства сил».

Доработанная директива превратилась в утверждённый президентом Трумэном документ СНБ 20-4 от 28.11.1948 года: «Самую серьёзную угрозу безопасности США в обозримом будущем представляют враждебные замыслы, громадная мощь СССР и характер советской системы».

К 1948 году в сейфах американских штабов скопилось немало оперативных разработок нападения на СССР. Например, командующий оккупационными силами США в Германии Д. Эйзенхауэр оставил в наследие своему преемнику на этом посту план «Тоталити», составленный ещё в конце 1945 года. Планы, естественно, обновлялись, однако, всеобъемлющая подготовка к скорому нападению на СССР последовала за принятием указанных директив СНБ 20-1 и 20-4.

Середина 1948 года. План «Чариотир»: «Война должна начаться с концентрированных налётов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов с баз в Западном полушарии и Англии». Первый период войны - тридцать дней: 133 атомных бомб на 70 городов, из них 8 - на Москву (40 кв. миль поражения) и 7 - на Ленинград (35 кв. миль). В последующие за этим два года войны - 200 атомных бомб и 250 тысяч обычных бомб...» По мнению командования стратегической авиацией США, предполагалось, что в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует.

Сентябрь 1948 года. В плане «Флитвуд» прогнозировалось: «К исходу шестого месяца боевых действий Советы смогут оккупировать и укрепиться на всём северном побережье Средиземного моря, от Пиренеев до Сирии... смогут оккупировать Испанию...». Объединённый разведывательный комитет в приложении к плану заключает: «СССР в борьбе с вероятным противником - США, Англией или союзными с ними странами - сможет овладеть ключевыми районами Европы и Азии».

Перспективы для американской стороны выглядели мрачноватыми. Но... оптимистически в этом плане звучало предложение о том, что пока Красная Армия будет продвигаться в глубь Европы и Азии, атомные бомбардировки территории Советского Союза подорвут «основной элемент советской мощи» - политический. Особо отмечая в русском позитиве составляющую «волю русских к борьбе», американские генералы заверяли Вашингтон, что атомные бомбы сильнее. И как результат на свет появился оперативный план САК ЕВП 49 от 21.12.1948 года:

«2. Война начнётся до 1 апреля 1949 года...

32-б. Планы объектов и навигационные карты для операций против 70 городов будут розданы по частям к 1 февраля 1949 года...».

И тем не менее сомнения не оставляли генералов, особенно тех, кто

был свидетелем русских побед в Европе в ходе войны против фашизма. И вот 11 мая 1949 года специальный комитет высших чинов армии, флота и авиации попытался оценить эффективность намеченного атомного наступления с воздуха, сведя свои выводы в сверхсекретном докладе «Оценки воздействия на совместные военные успехи стратегического воздушного наступления». Среди многих оптимистических выводов был один, но весьма существенный и не в пользу Вашингтона: если даже атомные бомбардировки пройдут по плану и будет за первый месяц убито 6,7 миллиона русских, моральный дух советских граждан не будет подорван, а воля к борьбе только возрастёт.

Такие расчёты и подсчёты американских военных заставили правительство в Вашингтоне остановить атомщиков в погонах у роковой черты. В апреле 1949 года сколачивается агрессивный Северо-атлантический блок - НАТО. По периметру границ социалистического лагеря развёртываются всё новые военные базы. США раскручивают маховик военной экономики.

Таким образом, высшее военное руководство и американские политики полагали, что удастся создать подавляющее военное превосходство над СССР, которое сведёт до минимума значение политического фактора, то есть советской системы.

Как? У американской стороны и на это имелся готовый ответ: простым путём - поголовным физическим истреблением русских. И тогда незачем будет составлять разные военные планы войны с СССР, так как (по мнению командующего ВВС США в Европе генерала К. Лимея) у США есть средства «просто очистить от людей громадные пространства планеты, оставив только следы материальной деятельности человека».

29 августа 1949 года. Взорвана первая советская атомная бомба, положившая конец американской монополии на атомное оружие. В сентябре того же года ТАСС сообщало: «Советский Союз овладел секретами атомного оружия ещё в 1947 году». Особая и хорошо информированная группа из числа правительственных чиновников, военных и учёных знала, что начало работ над созданием отечественной атомной бомбы положила советская разведка ещё в 1941 году, когда планы реализации «манхэттенского проекта» в США только вступили в силу. ТАСС отмечало: «Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Ответ Вашингтона: немедленно рассмотреть возможности развязать превентивную войну. Американский исследователь А. Браун об этом времени говорил: «Однако превентивная война не была развёрнута. Помимо всего прочего, Соединённые Штаты не могли выиграть такую войну в 1949-1950 гг. Стратегическая авиация не могла в то время нанести России один сокрушительный удар».

1949 год. План «Тройан». Начало войны - 1 января 1950 года. За три месяца сбросить 300 атомных бомб и 20 тысяч обычных на объекты в 100

городах, то есть сделать 6 тысяч самолёто-вылетов. Комитет начальников штабов провёл оперативные игры по выведению из строя следующих стратегических районов России: Москва - Ленинград, Урал, объекты у Чёрного моря, Кавказ, Архангельск, Ташкент - Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Разыграв воздушное наступление против СССР, начальники штабов подвели итог: вероятность достижения планируемых результатов от нападения - 70 процентов, а это повлечёт потерю 55 процентов наличного состава бомбардировочной авиации.

По самым оптимистическим подсчётам итоги показали: базы на Британских островах будут полностью выведены из строя действиями советских ВВС, но теперь уже с применением атомного оружия и в срок не более чем за два месяца. Причина? Американская атомная бомбардировка против СССР могла быть осуществлена над Москвой и Ленинградом по техническим причинам лишь на девятый день войны. И совсем удручающий итог: за время с начала войны советские войска смогли бы выйти на берега Атлантики и Индийского океана.

Окончательный вывод: военные признали, что аксиомой американского планирования превентивной войны против СССР будет утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Запах порохового дыма советских побед в войне подействовал отрезвляюще на горячие головы американских военных, а в решительности действий советской стороны в этих условиях никто в Вашингтоне не сомневался.

Так вопрос о превентивной войне против СССР в 1950 году в виду её военной невозможности был снят. Агрессия была перенесена в плоскость подготовки коалиционной войны с участием стран НАТО, на что требовалось время. Теперь датой начала боевых действий было принято 1 января 1957 года.

План «Дропшот» предполагал, что вместе с США выступят все страны НАТО и ряд «нейтральных» стран. Общая стратегическая концепция плана гласила: «Во взаимодействии с нашими союзниками нанести удар по военным целям Советского Союза, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путём стратегического наступления в Западной Европе и стратегической обороны на Дальнем Востоке… подвергнуть беспощадному давлению советскую цитадель, используя все методы для максимального истощения советских военных ресурсов…».

Первый период войны: свыше 300 атомных бомб и 250 тысяч обычных - уничтожение до 85 процентов советской промышленности. Второй период: продолжение наступления с воздуха и подготовка к наземным операциям сил НАТО - 164 дивизии, из них - 69 американских. Третий период: с запада наступают 114 дивизий НАТО и с юга (Чёрное море) - 50 дивизий против Вооруженных сил СССР в Центральной Европе. Результат: принуждение СССР к капитуляции.

В этой войне против СССР будет задействовано до 250 дивизий - 6 миллионов человек, а в авиации, флоте и ПВО - ещё 8 миллионов человек. Всего для выполнения плана «Дропшот» предусматривалось использовать

вооружённые силы общей численностью до 20 миллионов человек.

Четвёртый период: «Дабы обеспечить выполнение наших национальных целей, союзники должны оккупировать» Советский Союз и другие соцстраны Европы, а для этого потребуется 38 дивизий наземных войск. Сама территория СССР делится на четыре части - «районы ответственности», или оккупационные зоны.

Как и в предыдущих планах агрессии, так и в плане «Дропшот», война против СССР и его оккупация обосновывались необходимостью противодействия «серьёзной угрозе безопасности США, которую представляет характер советской системы…».

План «Дропшот» не состоялся. Американские исследователи того времени, рассуждая о причинах провала Восточного похода Гитлера против СССР в 1941-1945-м, сочли главной ошибкой гитлеровских стратегов упущение политических аспектов войны против русских, которые сформулировал ещё немецкий полководец К. Клаузевиц: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать… Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действиями внутренних раздоров».

Теперь американские стратеги вознамерились исправить ошибки Третьего рейха Гитлера. При проведении этой политики в новой директиве СНБ-58 рекомендовалось: «Мы должны вести наступление не только открытыми, но и тайными операциями…» Так в новой концепции плана «Дропшот» нашлось место новым действиям с конечной целью развала Советского Союза путём психологической, экономической и подпольной войн.

В 1978 году план «Дропшот» был предан гласности, но для советской стороны он не был секретом с момента его появления на свет. Почему же мир всё же узнал об этом плане?

Эксперт А. Браун так считал: «Дело очень просто - план считается устаревшим, с теперешними видами вооружений мы стоим на пороге Судного дня, и потому он не имеет решительно никакого значения». Это говорил Браун-исследователь. А здравый смысл подсказывает: дело не в «устаревании», а в оправдании перед непримиримыми политиками и военными, ибо Вашингтон никогда не был «мягок» к Советскому Союзу.

Новая директива СНБ-68 и новое планирование «безусловного физического поголовного истребления русских» проходили во всех штабных документах «красной нитью», как и во времена президента Трумэна. Однако к началу 60-х годов расширился раздел психологической войны, основная тяжесть которой в её тайных аспектах была возложена на американские спецслужбы и в рамках разведывательного сообщества блока НАТО.

К чести советской разведки американские планы ядерного террора Советского Союза фактически без опоздания оказывались в руках советского правительства и военного командования. Чаще всего в виде копий, то есть это была достоверная информация. И это не случайно - в

Европе и за океаном действовали ценные источники информации и разведчики - внешней и военной разведок, которые подчас решали задачи по проникновению в особо защищённые хранилища сверхсекретной информации.

Можно с большой степенью уверенности говорить, что операция «Центр», о которой далее пойдёт речь, и последовавшие за ней, а также полученные в процессе её материалы привели к расколу в американо-европейских отношениях, посеяв глубокое недоверие к «старшему брату» по НАТО - США. Акции тайного влияния 60-70-х годов помогли создать силами разведвозможностей советской стороны предпосылки к проведению в 1975 году в Хельсинки крупномасштабного форума - Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Там 35 государств решительно заявили и подписали соглашение о создании зоны мира в Европе, навязав таким образом Соединённым Штатам запрет на размахивание «ядерной дубинкой» от имени всех членов НАТО.

Операция «Центр»

В 1962 году в одном из кабинетов в штаб-квартире внешней разведки на площади Дзержинского в Москве царило оживление: из Парижа пришла чрезвычайно важная почта. Соблюдая максимальную секретность, сотрудники разведки - всего два человека - приступили к ознакомлению с ней.

Когда вскрыли объёмистый пакет, то даже видавший виды заместитель начальника разведки был потрясён. Как вспоминал Виталий Павлов в своих мемуарах: «...передо мной лежали копии строжайше секретных документов Пентагона и НАТО, где были указаны цели атомных ударов объединённого военного командования Североатлантического блока и войск США, расположенных в различных регионах мира. На территории Советского Союза должны были подвергнуться атомному нападению все наиболее крупные города...»

Более подробное ознакомление с документами показало, что такую же участь американцы уготовили большим населённым пунктам в странах соцлагеря - Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, ГДР и других. Но не только - США намечали удары и по собственным союзникам, в частности по ФРГ. Цели на нашей территории распределялись между ядерными силами США, Англии, Франции. Атомные же удары по территориям союзников Вашингтона намечались не только в тех случаях, когда туда войдут русские войска, а и до того, как бы в виде профилактики, чтобы превратить их страны в зону «выжженной земли».

Как же удалось советской разведке добыть такие важные секреты Пентагона и НАТО? Операция «Центр» возникла и развилась в окрестностях Парижа, где разведчики парижской резидентуры проникли агентурным путём в американский узел фельдъегерской связи вблизи аэропорта Орли.

В 1958 году сержант войск США в Западной Германии, крепко

обидевшись на своё начальство, обратился к советским властям в Восточном Берлине с просьбой предоставить ему политическое убежище. Однако там его переубедили и предложили остаться в американской армии, став агентом советской внешней разведки. В конце концов сержант оказался на американской базе, расквартированной в одном из французских городков.

Разведка искала пути продвижения агента в какое-либо ключевое американское учреждение, располагавшее значительными секретами. В её поле зрения оказался фельдъегерский пункт связи в Орли, куда и внедрили сержанта в качестве охранника, а затем делопроизводителя. Пункт был кладезь секретов. Туда поступали самые важные документы Пентагона из штаб-квартиры НАТО, в том числе «ключи» для шифровальных машин, составленные Агентством национальной безопасности США, оперативные и мобилизационные планы, другие материалы высшего грифа секретности.

С помощью разведчиков агент нашёл доступ к комнате-сейфу со стальными дверями и не единожды заглядывал в это хранилище секретов. Так незаметный сержант и агент средней руки превратился в источник ценнейшей информации с невероятным разведывательным потенциалом.

Обстановка во Франции в то время была весьма сложной: французская контрразведка усилила наблюдение за сотрудниками советских учреждений. Каждый выход на встречу с агентом приходилось подстраховывать дополнительными действиями нескольких сотрудников резидентуры. Схема была следующей: агент, дежуривший в субботу и воскресенье один, оставлял свой пост и передавал разведчикам сумку с пакетами из «стальной» комнаты. После обработки разведчиками и специалистами материалов в резидентуре пакеты к утру возвращали на место.

В руках разведки оказались сотни документов исключительной важности. Наиболее сенсационные - оперативный план № 100-б командующего войсками США в Европе, где были изложены подробности развёртывания новой войны против Советского Союза и руководство по использованию ядерного оружия, которое включало в себя список целей в СССР, странах Восточной и Западной Европы.

После провала агента, случившегося в США, и суда над ним в заявлении Пентагона по поводу его работы на советскую разведку говорилось: «Невозможно точно определить нанесённый нам ущерб. Некоторые потери непоправимые и не поддаются оценке… Не раскрой мы это дело, если бы началась война, - потери вполне могли быть фантастическими…»

Такие оценки американской стороны не случайны. Их эксперты сошлись на том, что никакой другой объект США в Западной Европе не был более важным для Пентагона, чем пункт связи в Орли. Забегая вперёд, ближе к 1975 году, то есть к Хельсинкским соглашениям, следует

отметить: в конце 1967 года во внешней разведке советской госбезопасности началась подготовка к крупномасштабной и долговременной акции тайного влияния - к операции «Тайфун». Цель акции - разоблачение агрессивной политики США по отношению к своим союзникам в Европе. Сверхзадача - ослабление позиции Соединённых штатов в НАТО и западном мире в целом. В сентябре 1969 и феврале 1970 годов в западногерманских журналах «Штерн» и «Шпигель» появились статьи, основанные на совершенно секретных американских документах. Предание гласности планов и других документов Пентагона вызвало волну антиамериканских выступлений в европейских странах и усилило недоверие к политике США у их союзников по НАТО и других государств мира.

Вот с таким информационным багажом о планах Соединённых Штатов Америки против СССР подошла советская сторона к Кубинскому кризису.

Карибский кризис

Случился он более сорока лет назад. В начале 60-х годов на Кубе появились советские ракеты. В ответ Соединённые Штаты привели в боевую готовность свою армию…

В дело разрешения кризиса вмешались крупные политические деятели, дипломаты и… разведчики. В частности, резидент советской внешней разведки в Вашингтоне Александр Феклисов, выступавший в США под именем Фомин.

Советская и американская стороны были готовы «скрестить» ядерное оружие. Причём чужая боеготовность каждой из сторон сумела охладить горячие головы политиков и военных.

Ядерная война не состоялась.

Американо-советские отношения в период «холодной войны» изобиловали многими драматическими событиями. Однако наиболее опасным явился Карибский кризис 1962 года, когда мир впервые был поставлен на реальную грань ядерной катастрофы.

В январе 1960 года в США, через два месяца после избрания Джона Кеннеди президентом, была начата подготовка к свержению революционного правительства Кубы. Готовилась 15-тысячная армия наёмников из числа кубинских эмигрантов. Под руководством ЦРУ и Пентагона разрабатывались мероприятия по ликвидации режима Фиделя Кастро - экономическая блокада, разведывательно-диверсионные акции и даже убийство кубинского лидера. Таковы были планы.

В США наиболее решительными сторонниками военных акций против Кубы выступали высшие военные чины Пентагона и представители американских монополий. Аллен Даллес, директор ЦРУ, в любой ситуации постоянно высказывался за вторжение на Кубу - его любимый девиз: «Карфаген должен быть разрушен!» Однако осторожные политики из госдепартамента ратовали в пользу невоенных средств давления на

Остров Свободы.

Окончательное решение правительства США отличалось от крайних позиций. Оно принималось коллективным «кризисным руководством» на основе анализа всей имевшейся информации.

Советская разведка в тот момент не располагала источниками информации непосредственно в высшем руководстве страны, но в ряде основных госучреждений США агентурные позиции имелись. Подобная ситуация сложилась накануне войны с Германией. У советской разведки не было агентуры в руководстве Третьего рейха, а содержание плана «Барбаросса» всё же стало известно. О подготовке американского вторжения на Кубу советская сторона узнала ещё до утверждения этого плана. То есть когда он существовал как один из вариантов возможных военных действий. Так, кубинской и советской разведками ещё в декабре 1959 года были получены сведения о наборе и подготовке наёмников в третьих странах Центральной Америки. В сентябре 1960 года поступили сообщения об активизации вербовки наёмников даже в Европе, например во Франции. В октябре стало известно о том, что, во избежание вмешательства СССР и других стран в защиту Кубы, наёмников стали искать среди кубинской эмиграции. Американская сторона передала им «в дар» десантные суда и 90 самолётов, подготовила 100 лётчиков-кубинцев.

После поражения армии вторжения на Плая-Хирон (3000 наёмников против 300 000 кубинцев) в апреле 1961 года советская разведка стала получать данные о подготовке американской стороной новой группы наёмников для очередного вторжения. Такие сведения поступали до конца 1961 года.

Разведка отслеживала признаки подготовки широкомасштабной военной операции против Кубы: усиление воздушной разведки территории острова и активизация там агентурной разведки. В преддверии Карибского кризиса США осуществляли тактику запугивания, которая являлась составной частью их военной доктрины во всё послевоенное время. Маршал А.М. Василевский, известный полководец времён Великой Отечественной войны, в своих мемуарах писал: «От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает «дистанция огромного размера». Именно такую тактику применили американцы в Кубинском кризисе.

Как говорилось ранее, угроза применения силы вообще и ядерного оружия в частности находится на постоянном «вооружении» американских стратегов и по сей день - военных и политиков. Но особенно ядерный шантаж проявился в преддверии Карибского кризиса, пройдя красной нитью в политике США в отношении СССР.

Госсекретарь США (1953-1959) Джон Фостер Даллес ещё в 1950 году, будучи министром обороны США, сформулировал принцип «балансирования на грани войны»: «При невыгодном для американского империализма развитии ситуации в решимости США пойти на риск войны никто не должен сомневаться. Если противник подумает, что мы не

решимся занять рискованную позицию, тогда может начаться катастрофа».

Впоследствии американские военные теоретики развили этот тезис, предложив «умение манипулировать угрозами». Затем были концепции «серии угроз», «действий у красной черты», «контролируемая эскалация» с её 40 ступенями угроз, наконец, «потенциальное безрассудство» и «разумное безрассудство». Причём весь этот набор угроз должен был служить достижениям политических целей.

Опираясь на полученные от разведки сведения, советская сторона понимала, что при таком поведении противника отличить его реальные приготовления к внезапному удару весьма трудно от военно-политического шантажа. Более того, прослеживались элементы «кризисной дипломатии», которые также входили в набор американского искусства принуждения противника с помощью «системы угроз».

Случилось так, что Карибский кризис в большой степени оказался контролируемым обеими сторонами - американской и советской. Возможно, сами того не предполагая, советский и американский лидеры заняли в сложной ситуации фактического ракетно-ядерного противостояния разумную позицию, сформулированную ещё древнекитайским полководцем Сунь-цзы: «Кто не умеет считать ущерб от войны, тот не может понять её выгоды».

Конечно, Советская страна военных действий не хотела и не могла хотеть. Со стороны советского руководства действия вокруг Кубы и в период Кубинского кризиса были, конечно, шантажом, но собственного «разлива», - хотя и с далёкой перспективой, но в пользу СССР и стран всего соцлагеря. Зачем Советскому Союзу был нужен такой шантаж? Вот об этом, точнее, о триедином эффекте от реализации задумок советской стороны и пойдёт дальнейший разговор. Уже после исчезновения угрозы военного конфликта советский лидер Никита Хрущёв в послании президенту Джону Кеннеди в дни Карибского кризиса признавался, что победил разум. Но ради чего нужно было так рисковать? И казалось бы, ответ лежит на поверхности…

В мае 1962 года советское руководство приняло решение о размещении на Кубе ракет с ядерными боеголовками. Об этом шаге советской стороны был извещён Фидель Кастро. Он согласился с мнением, что «для спасения кубинской революции требуется смелый шаг, поскольку в этом регионе мира соотношение сил не в пользу Кубы и СССР». Хрущёв предложил «доставить ракеты и разместить их на острове незаметно и с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы поставить американцев перед свершившимся фактом». Советский лидер аргументировал такое решение ещё одним тезисом: «Американцам ничего не останется, как проглотить эту горькую пилюлю. Ведь мы же вынуждены мириться с американскими ракетами, размещёнными вблизи наших границ в Турции».

Так была определена цель размещения ракетно-ядерного оружия на

Острове Свободы - защита Кубы от возможной американской агрессии. Однако факт доставки советских ракет с ядерными боеголовками на остров - это весьма опасное политическое решение. Но само появление ракет на Кубе - это уже средство достижения поставленной цели. «Несомненно, это было, - отмечал бывший советский посол в США в период Кубинского кризиса А.Ф. Добрынин, - одной из главных причин». Да и сам Хрущёв в своих мемуарах называет только эту причину как основной мотив.

Если обратиться к «постулату разумности», то налицо две его составляющие: цель - защита Кубы, средство - ракеты на Кубе. А результат?

После Второй мировой войны стратегический паритет с США складывался не в пользу СССР, особенно когда речь шла о ракетно-ядерном потенциале. Советских руководителей этот факт особенно беспокоил, ибо американцы имели значительное (многократное) преимущество: 5000 ядерных боеголовок против 300 советских. Если добавить к этому, что советская сторона на основе разведданных - достоверных и документальных - располагала сведениями об агрессивных планах ядерного нападения на СССР, то беспокойство советского руководства и военного командования было более чем обоснованным.

Установкой ядерных ракет на Кубе, которые могли поразить значительную часть территории Америки, советская сторона рассчитывала сформировать своеобразный военно-стратегический паритет с США. Речь шла не о подготовке к ядерной войне (любой части из нашего скромного арсенала ракет с атомным боезарядом хватило бы на всех, включая самоуничтожение), а лишь о получении равноправного политического статуса в отношениях с США и дополнительного веса в американо-советских переговорах, в частности по Западному Берлину, ещё недавно бывшему камнем преткновения в Европе.

Пока советские руководители обсуждали проблему «ракеты на Кубе», американцы уже развернули аналогичные ракеты по дальности в Турции, Италии и Англии. Москве приходилось с этим считаться: международная правовая основа таких действий Соединённых Штатов не была нарушена - имелось согласие правительств этих стран.

И вот что любопытно. Советское руководство, считая, что и ему можно поступить так же с ракетами на Кубе, пошло ва-банк, избрав тактику скрытых действий, в то время как американцы делали это в Европе открыто. Фидель Кастро предлагал Хрущёву заключить советско-кубинское соглашение на размещение «оборонительного оружия» на острове и открыто построить стартовые площадки. Однако Хрущёв, предвидя опасность затяжных переговоров на международном уровне, решил поставить американцев перед свершившимся фактом. Не будь такого решения советского лидера в начале 60-х годов, Кубинская республика перестала бы существовать.

Авантюра? Казалось бы, да. Но это был «звёздный час» советского

лидера, названный наиболее дальновидными политиками того времени «большим блефом» Хрущёва. Все годы после Карибского кризиса Хрущёва упрекали на Западе, а после 1991 года и в России в уступке американцам. Но ради стратегической выгоды он шёл не только на тайное размещение ракет под боком у США (психологический фактор), но и на умышленную дезинформацию Кеннеди, усиливая тем самым подозрения Вашингтона в отношении намерений СССР.

Почему Хрущёв пошёл на этот преднамеренный «блеф»? Пойти на оправданный риск и решить таким образом суперзадачу (получение результата в рамках «постулата разумности») мог только сильный и весьма прозорливый политик крупного масштаба. Его аргументы: американцы узурпировали право ставить ракеты вблизи советских границ, они окружили Советский Союз военными базами (около 300), Вашингтон держит мир в страхе с помощью «ядерной дубинки», на Кубе имеется американская военная база, а советской там нет.

Советская сторона в вопросе «ракеты на Кубе» действовала скрытно, даже дипломаты - советский посол в США и представитель в ООН - были в этом вопросе в полном неведении. Им было приказано: на все возможные вопросы о ракетах отвечать, что на Кубу поставляется только «оборонительное оружие». Вопрос о ядерных ракетах вообще не поднимался, как просто невероятный.

Таким образом, советский посол в США стал невольным орудием прямой дезинформации, заявляя об «оборонительном оружии». О том же, но публично, говорил представитель СССР в ООН, в частности в Совете Безопасности. И это естественно, «блеф»-то был многогранен.

Осмысливая через десятилетия события Карибского кризиса, крупный дипломат и многолетний посол СССР в США А.Ф. Добрынин в своих мемуарах об этом периоде своей работы в Вашингтоне сетовал, рассуждая о негласных контактах с американским высшим эшелоном власти, особенно во время кризиса: «Сам конфиденциальный канал должен действовать на постоянной основе, а его непосредственные участники должны обладать определёнными дипломатическим и политическим багажом и кругозором. Главное, однако, заключается в том, что такой канал нельзя использовать для дезинформации. Дипломатическая игра, конечно, всегда присутствует, но намеренная дезинформация недопустима, ибо рано или поздно она обнаружится, и канал связи потеряет всякую ценность».

В высказывании посла меня поражает наивностью его последний пассаж, призывающий многие спецслужбы к работе «в белых перчатках». Ведь он как высший государственный чиновник должен знать о коварстве американской дипломатии и её циничном отношении к международному праву в том случае, когда возникает речь «о национальных интересах Америки». Такой постановкой вопроса посол - ревнитель интересов своей страны - отказывает ей в праве вести крупную политическую игру, где элемент дезинформации - один из штрихов в мозаике конкретных действий, ведущих к успеху.

Исходя из логики посла, советской стороне следовало бы не осуществлять операцию «Анадырь» скрытно, а вынести желание Хрущёва о размещении ракет на Кубе на всеобщее обсуждение. Однако советский лидер правильно рассудил, а посол в своих мемуарах подметил: «… Хрущёв не хотел неизбежных длительных публичных споров с США, решив поставить их перед свершившимся фактом».

Это высказывание о Хрущёве ещё раз подтверждает, что стратегия и тактика советской стороны позволили ей оказаться в серьёзном выигрыше. Да, да, именно в выигрыше, причём стратегического значения.

Хроника Карибского кризиса 11 января 1959 года. На Кубе провозглашена новая власть во главе с Фиделем Кастро. Политическая ориентация пришедших к власти кубинских деятелей советской стороне не ясна.

Май-август 1959 года. Проваливается попытка «повстанческой армии» из числа кубинских контрреволюционеров, поддерживаемых США, покончить с лидерами национально-освободительного движения на Кубе. В ответ на вооружённое нападение на страну и экономическое давление со стороны Соединённых Штатов (они прекратили закупку у Кубы сахара и поставку нефти) Кастро национализирует 300 американских нефтяных компаний.

Советской стороне известно, что кубинское руководство не собирается строить социализм, а присматривается к ситуации в соцстранах.

Ноябрь 1959 года. В связи с попыткой военного свержения кубинского правительства и экономической блокадой со стороны США Кастро на сессии ООН заявляет: «Это вы, американцы, заставили нас искать новых друзей и рынки сбыта, и мы нашли их». Кубинский лидер имел в виду страны социализма во главе с СССР.

17 апреля 1961 года. США предпринимают очередную попытку свергнуть режим Кастро силой. План вторжения американцев на Кубу завершается полным провалом.

Январь 1962 года. США добиваются исключения Кубы из Организации Американских Государств (ОАГ) и начинают экономическую блокаду Острова Свободы. Куба успешно развивает торгово-экономические отношения со странами социализма.

20 февраля 1962 года. В Белом доме утверждается новый «кубинский проект», определивший октябрь сроком свержения режима Кастро. Американские военные докладывают президенту Кеннеди, что у США готова группировка для захвата острова: 400 тысяч человек, 300 кораблей, 2000 самолётов. Планы американской стороны становятся известными для советского руководства.

Май 1962 года. В беседе с одним из советских руководителей А.И. Микояном глава СССР Н.С. Хрущёв впервые затрагивает тему о размещении ракет на Кубе. По его мнению, только ядерные ракеты могли

бы обеспечить надёжную оборону Острова Свободы. На совещании в Кремле Хрущёв заявляет, что фактом размещения ядерных ракет на Кубе ЦК КПСС решил «подсунуть» Америке «ежа».

Справка. У двух ведущих ядерных держав существовал дисбаланс в ядерном оружии. Американские ракеты, установленные в Турции, могли достигнуть Москвы за 10 минут, советские межконтинентальные - Вашингтона - за 25 минут.

Советским послом на Кубу назначен Алексеев. Хрущёв, беседуя с ним перед отъездом, сказал: «Ваше назначение связано с тем, что мы приняли решение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Только это может оградить Кубу от прямого американского вторжения. Как вы думаете, согласится Фидель Кастро на такой шаг?»

Затем глава Советского государства сообщил послу важные конфиденциальные договорённости с кубинской стороной о размещении ракет на Острове Свободы.

Весна 1962 года. США объявляет о военных учениях «Юпитер Спрингс». В водах вблизи Кубы сосредотачиваются корабли трёх флотов - 2-го Атлантического, 6-го Средиземноморского, 7-го Тихоокеанского.

Лето 1962 года. Обстановка в Карибском бассейне заметно обостряется. У берегов Кубы курсируют американские военные корабли. В этом районе в воздухе круглосуточно находятся самолёты стратегической авиации США.

ЦРУ и Пентагоном разработан долгосрочный план под кодовым названием «Мангуста», направленный на подрыв и свержение режима Кастро. План одобрен президентом Кеннеди. Советской стороне план известен.

Июнь 1962 года. В Москве парафируется секретный договор между Кубой и СССР о размещении на острове советских ракет. Цель договора - защитить Кубу от постоянной угрозы нового вторжения контрреволюционных сил. Формально соглашение подписано не было, так как вскоре начался Карибский кризис.

Июль 1962 года. Москва принимает решение оказать Кубе конкретную военную помощь. Цель - предотвратить американское вторжение на остров, намеченное на октябрь. Генштаб ВС СССР начинает разработку операции по переброске войск и ракет средней дальности РР-12 и РР-14 на революционный остров. Войскам предоставлен статус Группы советских войск на Кубе. На остров направляются части ПВО - 6 зенитных ракетно-артиллерийских полков.

Справка. РР-12: ракеты среднего радиуса действия - до 2000 километров, моноголовка ядерного заряда, длина - 22,5 метра, вес - 42 тонны. На вооружении с 1959 года. РР-14: ракеты среднего радиуса действия - до 4500 километров, моноголовка ядерного заряда, длина - 24,5 метра, вес - 85 тонн. На вооружении с 1961 года.

Июль - это начало операции «Анадырь» по завозу и размещению на

Кубе ракет средней дальности. Всего было сделано 184 рейса 85 судами торгового флота, которые шли из Николаева, Севастополя, Одессы, Ленинграда, Мурманска.

Секретность операции обеспечивалась следующим образом: на палубах судов - тракторы и сеялки, в трюмах - зенитки, ракеты, солдаты. В Мурманске грузилось зимнее военное обмундирование, а в Атлантике капитаны, только вскрыв секретный пакет, ложились на заданный в Москве курс - к Острову Свободы.

Так, капитан судна, следовавшего из Николаева на Кубу, получил секретный пакет, скреплённый подписями министра обороны и министра морского флота, при этом ему лично было сказано: «Вскройте после Гибралтара. Для всех ваш корабль - судно, перевозящее специалистов-аграрников».

Размещение на Острове Свободы советских ракет предусматривало выбор и обустройство 60 настоящих позиций и 16 ложных. Намечались маршруты 6 кочующих ракет. На острове разместилось пять полков с ракетами среднего радиуса действия: два - с ракетами РР-14 и три - РР-1.

Справка. Всего на Кубу было завезено 42 ракеты средней дальности, которые обслуживались и охранялись 40-тысячным контингентом советских войск. Ракеты имели ядерные боеголовки, способные уничтожить крупнейшие города Америки. Каждая боеголовка равнялась по мощности бомбам, сброшенным на Хиросиму или Нагасаки. Были и более мощные боеголовки. В тот момент правительство Соединённых Штатов не знало о тактико-технических параметрах советских ракет, иначе могли бы быть невероятно серьёзные последствия.

Август 1962 года. Советская разведка перехватывает несколько шифровок американских агентов на Кубе. Резидент ЦРУ, имевший на Острове Свободы более 100 агентов и позднее арестованный, сообщает в Ленгли - штаб-квартиру американской разведки в США - точные данные о дислокации русских ракет.

По линии советской и кубинской спецслужб становится известно, что американцы намереваются похитить зенитно-ракетный комплекс (ЗРК), считавшийся самым совершенным на тот момент времени. Планируется захватить установку с помощью завербованных кубинцев. Однако после усиления охраны объектов от этой затеи американская разведка отказывается. Её новый план - с воздуха, не приземляясь, захватить установку с помощью вертолёта, - срывает охрана объектов.

Сентябрь 1962 года. Усиливается психологический «прессинг» на Кубу. Ведётся пропагандистская кампания США против СССР в связи с тем, что Москва оказывает Кастро военную и экономическую помощь.

В советское посольство в Вашингтоне из Москвы направляется телеграмма, в которой говорится: если у посла будут интересоваться о военном наступательном оружии на Кубе, следует отвечать, что его на острове нет.

11 сентября 1962 года. В заявлении ТАСС Советское правительство осуждает ведущуюся в США враждебную кампанию против СССР и Кубы, подчёркивая, что «сейчас нельзя напасть на Кубу и рассчитывать, что это нападение будет безнаказанным для агрессора».

12 октября 1962 года. В Белом доме Кеннеди проводит закрытый брифинг для группы ведущих редакторов о международном положении. Президент называет возможным источником нового кризиса не Кубу, а Берлин.

14 октября 1962 года. Американские разведывательные самолёты У-2 засекают на острове стартовые площадки, предназначенные для ракет средней дальности. Фиксируется на фотоплёнку строительство в горных районах острова ракетных баз. Получены первые фотоснимки нескольких готовых стартовых площадок для ракет РР-12. Сами ракеты не засняты.

16 октября 1962 года. Президенту США представлены фотоснимки стартовых позиций советских ракет на Кубе и заключение военных экспертов. В Белом доме создаётся «кризисная группа» при президенте, в которую входят его помощники и советники, руководители силовых ведомств и спецслужб, послы.

На совещании Совета Национальной Безопасности в «кризисной группе» наиболее агрессивную позицию занимают: военные, сотрудники (директор) ЦРУ и один из помощников президента. Они выступают за немедленную бомбардировку обнаруженных стартовых площадок и за высадку на остров американских войск. Некоторые военные из Пентагона говорят о возможности использования тактического ядерного оружия, однако это предложение генералов поддержки не получает.

Мнение Кеннеди: предпочтение должно быть отдано дипломатии, переговорам, компромиссам при одновременном силовом нажиме. Цель - добиться советского согласия на вывоз ракет с Кубы. Беседуя с одним из своих советников, Кеннеди сетует на выступление одного из генералов: «Эти штабисты имеют одно большое преимущество. Если мы поступим, как они хотят того, никто из них не останется в живых, чтобы разъяснить, что они были неправы».

17 октября 1962 года. Новые полёты У-2. Вскрыты новые позиции советских ракет. Американцы делают вывод: 16 или 32 ракеты с дальностью действия свыше 1000 миль (1600 километров) готовы к действию. Прогнозируется, что через несколько минут после запуска ракет, по предварительным оценкам, в США должны погибнуть 80 миллионов человек.

Справка. Пилоты У-2 и других самолётов хозяйничали в небе Кубы. На острове к этому времени было несколько установок ЗРК типа С-75. Однако кубинское руководство проявляло выдержку, и советское зенитное оружие молчало. Более того, в целях обеспечения скрытности нашей техники, локаторы слежения и наведения ракет не включались.

18 октября 1962 года. Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко встречается с Кеннеди во время короткого визита в США. Обсуждается

вопрос о политике США и СССР в связи с Кубой. Диалог проходит в рамках дискуссии об «оборонительном» и «наступательном» оружии на Кубе, однако без ссылок с обеих сторон на наличие советских ракет на острове.

По мнению советского посла в Вашингтоне, на тот момент Громыко был введён в глубокое заблуждение спокойным поведением Кеннеди и направил в Москву «оптимистическое» сообщение: США не готовят вторжения на Кубу, они делают ставку на проведение политики помех экономическим связям Кубы с СССР для того, чтобы расстроить её экономику, вызвать голод в стране и восстание населения против режима Кастро. Причина занятой США такой позиции - смелость акций СССР по оказанию помощи Кубе и решимость дать отпор в случае американского вторжения на остров.

Основываясь на официальных заявлениях об отсутствии у США планов вторжения на Кубу, Громыко делает заключение: в этих условиях военная авантюра США против Кубы почти невероятна.

Советский посол в США о размещении ракет на Кубе своим правительством всё ещё не информирован.

Москва запрашивает командующего Группы войск на Кубе: «Почему не сообщается о готовности?» Ответ в Москву: «Ракеты будут готовы к 25 октября». Вводится условная фраза о готовности для министра обороны СССР: «Уборка сахара идёт успешно».

20 октября 1962 года. Кеннеди получает от военных и спецслужб развёрнутый план действий против Кубы. В него вошли следующие пункты: уничтожение ракетных установок бомбовыми ударами с воздуха, военное вторжение на остров войск США, усиление блокады, ведение секретных переговоров с советской стороной по дипломатическим каналам, вынесение проблемы ракет на Кубе на обсуждение в ООН.

21 октября 1962 года. В Белом доме идут непрерывные заседания по кубинскому вопросу. Резидент советской разведки в Вашингтоне вызывается на встречу Джоном Скайли, обозревателем телекомпании Эй-би-си. Скайли сообщает, что на Кубе установлены советские ракеты и у президента имеются фотографии, сделанные самолётом-разведчиком. Он отмечает, что в 7 часов вечера этого дня Кеннеди выступит по радио и телевидению с обращением к нации.

Справка. Джон Скайли был близок к правительственным кругам, вхож в семью президента, хорошо знал госсекретаря США, ведущий комментатор популярной телепрограммы «Вопросы и ответы». Имел контакты с ЦРУ. Связь с советским резидентом с 1961 года.

Появление советских ракет на Кубе, как и для посла, стало для советского резидента новостью. Он также не был информирован об операции «Анадырь». О чрезвычайных заседаниях в Белом доме резидент сообщил в Центр - штаб-квартиру внешней разведки в Москве, а также о характере встреч со Скайли.

22 октября 1962 года. Советского посла срочно вызывает в Белый дом

госсекретарь США. Он передаёт личное послание президента для советского лидера по кубинскому вопросу и для вручения текста обращения главы Соединённых Штатов к американскому народу, с которым он должен выступить в 7 часов вечера по радио и телевидению. Госсекретарь отказывается комментировать документы, подчёркивая: «Эти документы говорят сами за себя».

В своём обращении президент обвиняет СССР в проведении агрессивной политики и заявляет, что Куба стала форпостом СССР в Западном полушарии, который устанавливает на острове свои ракеты, способные нанести ядерные удары по Вашингтону, Нью-Йорку, Мексике, Панамскому каналу. Чтобы прекратить наращивание советского ядерного потенциала, против Кубы вводится строгий морской карантин - блокада острова. Президент говорит, что отдал приказ ВМС США останавливать и досматривать все направляющиеся на Кубу суда; привести в состояние боевой готовности вооружённые силы страны; внести в Совет Безопасности ООН резолюцию с требованием к СССР демонтировать пусковые установки и вывезти их с острова. Президент подчёркивает: блокада - это всего лишь первый шаг, Пентагону отдано распоряжение осуществить дальнейшие военные приготовления.

Справка. К этому времени вокруг Кубы США уже сосредоточили 25 эсминцев, 2 крейсера, несколько авианосцев и подводных лодок. В воздухе круглосуточно дежурили стратегические бомбардировщики Б-52 с ядерным оружием на борту. Министр обороны США начал готовить армию вторжения: 250 тысяч человек - сухопутные войска, 90 тысяч морских пехотинцев и десантников; авиационная группировка, способная произвести 2000 самолёто-вылетов в день для ударов по острову. Пентагон прогнозировал собственные потери в 25 тысяч человек.

В личном послании Хрущёву в связи с тем, что на Кубе произошло развёртывание баз для ракет средней дальности, Кеннеди указывает: «Я должен Вам заявить, что США полны решимости устранить эту угрозу безопасности нашему полушарию». Он выражает надежду, что советское правительство воздержится от любых акций, могущих лишь углубить этот опасный кризис.

Из этих документов советский посол впервые узнаёт о факте размещения советских ракет на Кубе.

После выступления Кеннеди с обращением к нации глава ЦРУ заявляет, что США не остановятся перед потоплением советских судов, доставляющих на остров оружие «наступательных видов», если эти суда откажутся подчиниться требованиям американских военных кораблей произвести досмотр.

В советском посольстве проводится совещание с руководителями разведслужб - внешней и военной разведок - в связи с назревающим кризисом и необходимостью сбора для Москвы оперативной информации о развитии событий.

В Москве объявлено об аресте Олега Пеньковского, агента

американской и британской разведок. Этот сотрудник ГРУ имел доступ к важной военной и государственной информации.

23 октября 1962 года. Публикуется официальное заявление президента США о введении в действие «карантина» на поставку Кубе «наступательного оружия».

Советский посол имеет беседу с братом президента Робертом Кеннеди, министром юстиции, который передаёт мнение президента о неудовлетворённости действиями советского лидера, размещающего тайно ракеты на Кубе. Американская сторона имеет информацию о том, что, вопреки заявлению министра иностранных дел СССР Громыко, на острове появились советские ракеты, покрывающие почти всю территорию США. Брат президента спрашивает: «Разве это оружие для оборонительных целей, о котором говорили Вы, Громыко, советское правительство и Хрущёв?»

По мнению посла, визит имел целью выяснить позицию советской стороны в отношении «карантина». Роберт Кеннеди спросил посла, какие имеются указания у капитанов советских судов, идущих на Кубу? Хотя посол не имел никаких распоряжений из Москвы по этому вопросу, тем не менее он ответил, что существуют твёрдые указания не подчиняться чьим-либо незаконным требованиям об остановке и обыске судов в открытом море. Посол подчеркнул, что остановку судов советская сторона будет рассматривать как акт войны.

В ответном послании Хрущёва в адрес президента говорилось, что объявленные Кеннеди меры характеризуются как агрессивные против Кубы и СССР и недопустимое вмешательство во внутренние дела Кубы - нарушение её прав «на оборону от агрессора». Хрущёв отвергал право США устанавливать контроль над судоходством в международных водах. В заключение выражалась надежда на отмену объявленных мер во избежание «катастрофических последствий для всего мира».

24 октября 1962 года. Вступает в силу «карантин» на посещение советскими судами портов Острова Свободы. Блокаду осуществляют ВМС США.

После объявления блокады наши суда получают указание «лечь в дрейф» вблизи условной «пограничной линии». Однако один из кораблей продолжает двигаться сквозь строй американских военных кораблей и оказывается под прицелом их орудий. Случилось так, что у капитана парохода «Винница» отказала рация, но об этом ни на Кубе, ни в США не знают. Американские командиры кораблей ждут приказа: «Открыть огонь!» А на Острове Свободы прорвавшихся моряков встречают как героев.

Хрущёв получает от Кеннеди новое послание, в котором выражается надежда, что советский премьер немедленно даёт инструкции советским судам соблюдать условия «карантина», объявленного правительством США.

В ответном письме Хрущёв называет «карантин» «актом агрессии,

толкающей человечество на грань пропасти мировой ракетно-ядерной войны», и отказывается давать инструкции советским судам о подчинении американским ВМС: «Мы не будем только наблюдать за пиратскими действиями американских судов в открытом море; мы будем вынуждены со своей стороны принимать меры для защиты наших прав; для этого у нас есть всё необходимое».

Однако в дальнейшем советские суда «карантинную линию» не пересекали.

25 октября 1962 года. В полдень в США объявлена учебная атомная тревога. После сигнала тревоги среди населения возникает паника: скупка продуктов, товаров первой необходимости для выживания в сложных условиях, заказы на индивидуальное атомное убежище, бегство из городов… В Белом доме, Пентагоне и ЦРУ обсуждается список лиц, допущенных в правительственное бомбоубежище.

Телеграмма советского посольства в Москву: правительство США обсуждает вопрос массированного удара авиации по строящимся на Кубе ракетным площадкам. Военные настаивают на вторжении на остров.

Посольство предполагает, что эта информация носит сознательно направленный характер с целью оказать давление на советскую сторону. В то же время президент поставил на карту свою репутацию государственного и политического деятеля на перспективу переизбрания в президенты в 1964 году.

Посольство сообщает, что в стране обстановку нагнетает радио, телевидение и пресса. Из различных штатов страны идут сообщения о приведении в полную боевую готовность гражданской обороны, противоатомных убежищ, о закупках населением продуктов…

Посольство получает новое письмо от Кеннеди к Хрущёву, в котором говорится о нарушении советской стороной договорённости, когда вместо «оборонительного» оружия на Кубе размещается «наступательное». Кеннеди предлагает вернуться «к прежней ситуации».

26 октября 1962 года. С официальным заявлением выступает секретарь президента по вопросам печати, в котором говорится: строительство ракетных площадок на Кубе даёт основание правительству США принять более серьёзные меры против Кубы. В прессе, на радио, телевидении отмечается: бомбардировка ракетных баз выходит на первое место - приведена в боевую готовность тактическая и стратегическая авиация.

Фидель Кастро встречается с советским послом на Кубе и выражает крайнюю встревоженность развитием событий и отсутствием перспектив разрешения кризиса. Кастро говорит, что допускает нанесение американцами бомбовых ударов по Кубе.

Американские лётчики ведут переговоры в воздухе и на земле, запрашивают свои командные пункты о начале бомбардировок острова открытым текстом. Кастро отдаёт приказ своим вооружённым силам

сбивать без предупреждения все военные самолёты противника, появляющиеся над Кубой. О приказе в известность поставлен командующий Группы советских войск на Кубе.

Решение советского командования: в случае ударов по советским войскам со стороны американской авиации применять все имеющиеся средства ПВО. О решении проинформирована Москва. Министр обороны СССР решение утверждает.

Советский резидент внешней разведки в Гаване направляет в КГБ шифротелеграмму:

«Начиная с 23 октября с.г. участились случаи вторжения американских самолётов в воздушное пространство Кубы и их полёты над территорией острова на различных высотах, в том числе на высотах 150-200 метров. Только за 26 октября совершено более 11 таких полётов. Порты Кубы находятся под непрерывным наблюдением кораблей и авиации США.

На военно-морской базе Гуантанамо происходит накапливание военно-морских и сухопутных сил, где в настоящее время находится 37 кораблей, в том числе 2 авианосца. К вечеру 26 октября кольцо блокады Кубы замкнулось полностью и проходит по Багамским, Подветренным и Малым Антильским островам и Карибскому морю.

Кубинские друзья считают, что неминуемо вторжение и бомбардировка военных объектов».

От Хрущёва Кеннеди передаётся ответное письмо примирительного характера. В послании отрицается наличие военных грузов на судах, идущих на Кубу - кубинцы уже получили все средства для обороны. Нападать на США советские руководство не собирается. Война между СССР и США была бы самоубийством. Идеологические различия должны решаться мирными средствами.

Хрущёв призывает нормализовать отношения. Он предлагает: советские суда не будут осуществлять никаких военных поставок на Кубу вообще; американская сторона заявит, что США не будут осуществлять интервенцию на Кубу и не будут поддерживать силы, которые имеют такое намерение. Он предлагает срочно сделать такое заявление и подчёркивает, что в этом случае причина размещения советских ракет на Кубе будет устранена.

О выводе ракет с Кубы в послании не говорится.

Резидент Фомин (Феклисов) встречается в 12.00 со Скайли, который сообщает: военные давят на Кеннеди, и ему всё труднее сдерживать их требования о начале военных действий. Генералы просят 48 часов, чтобы «разделаться с Кастро».

Феклисов: Кеннеди - мудрый президент. Высадка не будет лёгкой прогулкой. Кастро мобилизовал миллион населения, и они будут биться за село. Кроме того, вы развяжете руки Хрущёву. Он может нанести свой удар в стратегически важном для вас месте

Скайли: Эти будет Западный Берлин?

Феклисов: Как ответная мера - возможно…

Позднее, в своих мемуарных записках, Феклисов заявит, что он не был уполномочен Москвой ставить так вопрос, и потому действовал на свой страх и риск, исходя из политической целесообразности момента. Он считал: может быть, такая информация охладит некоторые горячие головы в окружении американского президента.

Справка. Советскому резиденту было известно, что Западный Берлин в тот момент защищали всего английская рота и французский батальон. Позднее он узнал, что у наших и немецких войск «на всякий случай» имелся план захвата города в течение двух часов.

Менее чем через три часа советский резидент снова вызывается на встречу со Скайли. Тот сообщает, что от имени американского президента советской стороне делается компромиссное предложение: СССР выводит ракеты с Кубы, а США снимают блокаду острова и обещают не вторгаться туда.

Резидент докладывает информацию послу, но тот отказывается направить это предложение в Москву. Тогда Феклисов по свом каналам передаёт в КГБ сообщение о двух встречах с доверенным лицом американского президента. Глава КГБ знакомит с его содержанием Хрущёва.

27 октября 1962 года. Ранним утром из Москвы приходит срочный ответ: «Направьте сообщение за подписью посла». Штаб дивизиона ЗРК получил шифровку: быть готовым к ведению боевых действий - ожидается американское вторжение на остров.

Около 10 часов утра РЛС захватывают цель - американский самолёт, двигающийся со стороны базы Гуантанамо. На экранах радаров наблюдается заход цели на территорию Кубы. Командный пункт даёт команду: «Уничтожить цель!» Самолёт сбит попаданием двух ракет с интервалом в несколько секунд. На месте падения обнаружена передняя часть самолёта-разведчика У-2 с телом пилота, известного лётчика времён Корейской войны (1950). Позднее кубинцы передали тело представителям с американской стороны.

В тот день, названный американцами «чёрной субботой», Хрущёв направляет Кеннеди дополнение к предыдущему письму. О советских ракетах там говорится: СССР согласен вывести ракеты - «те средства с Кубы, которые Вы считаете «наступательными». Хрущёв предлагает «вывести аналогичные американские ракетные средства из Турции».

В ответном письме Кеннеди сообщает о готовности разрешить Кубинский кризис на следующих условиях: СССР вывозит с Кубы ракеты и другое наступательное оружие, а США отменяют блокаду и дают заверения, что Куба не подвергнется вторжению ни со стороны США, ни со стороны других стран Западного полушария.

Вопрос о Турции не затрагивается. Его переносят в плоскость

конфиденциальных переговоров, хотя Хрущёв уже заявил об этом в своём выступлении по радио.

О позиции советской стороны после инцидента с У-2 командующий советскими войсками на Кубе говорил так: «Мы на острове - отступать некуда. Мы не должны были спрашивать разрешения Москвы на отражение агрессии. Мы имели право применять тактическое оружие. Мы не имели права применять стратегическое - это только по команде из Москвы».

Справка. Соединённые Штаты с момента начала Карибского кризиса неоднократно заявляли, что, если будет сбит хотя бы один самолёт, они немедленно начинают бомбить.

Американский генерал, возглавляющий стратегические воздушные силы, не уведомляя министра обороны США, отдаёт приказ о приведении в боевую готовность межконтинентальных ракет. Командующий ВВС предлагает нанести воздушный удар по острову. Жестокий прессинг на президента оказывают и другие военные.

Сам президент считает, что самолёт сбит по прямому приказу Хрущёва. Однако советский лидер поставлен перед свершившимся фактом. Советскому послу в Вашингтоне заявлено: может начаться война.

Справка. В этот момент кроме 12 ракет средней дальности - это 75 хиросим - у берегов США находилась 21 подводная лодка - каждая с одной ракетой в полторы мегатонны и дальностью полёта в 540 километров.

В Москву поступает информация, что вторжение начнётся через 10-12 часов. Таков результат заседания Совета национальной безопасности в Вашингтоне сразу после гибели У-2. Члены СНБ приходят почти к единодушному мнению: завтра утром (то есть 28.10.1962) необходимо атаковать. Но президент снова удерживает военных и Совет.

Хрущёв получает от Кастро телеграмму с предложением использовать в переговорах с американцами угрозу применения советской стороной ядерного оружия, если США решатся на бомбардировку Кубы.

Вечером советский посол встречается с министром юстиции Робертом Кеннеди, который передаёт просьбу президента быстрее получить согласие советской стороны на прекращение строительства ракетных площадок в обмен на отмену «карантина». Также сообщается, что вопрос о базе в Турции - это компетенция НАТО, но президент обещает договориться с союзниками и вывести ракеты из этой страны в течение 4-5 месяцев. Министр подчёркивает: информация по Турции - дело конфиденциальное.

Ситуация к концу «чёрной субботы» следующая: сбит У-2; требования военных - бомбить; Кеннеди медлит; Москва молчит.

Кеннеди (об этом дне): «И росло ощущение, что вокруг всех нас, вокруг американцев, вокруг всего человечества стягивается петля, из

которой высвободиться всё труднее…»

В Москве все члены Политбюро на казарменном положении - безвыездно живут в Кремле.

В ночь с 27 на 28 октября 1962 года. Члены Президиума ЦК КПСС, руководители Совмина и Министерства обороны СССР обсуждают предложение США о выводе советских ракет с Кубы в обмен на гарантию невмешательства во внутренние дела этой страны и соблюдения её суверенитета. Выступают дипломаты, маршалы и генералы, представители советских спецслужб - внешней и военной разведок. Решение найдено: обращение советского лидера к Кеннеди уйдёт открытым текстом по московскому радио в 17.00.

28 октября 1962 года. По данным советской разведки, американцы намечают бомбардировку советских ракетных баз на Кубе на 29-30 октября. По линии разведок - американской и советской - проходит, видимо, дезинформация о том, что президент собирается выступить по телевидению с важным обращением к нации насчёт Кубы. Возможно, это - решение о бомбардировке.

За час до ожидаемого выступления советское посольство получает из Кремля срочную телеграмму: немедленно свяжитесь с президентом и скажите ему, что его предложение находит понимание в Москве и подробный ответ Хрущёва будет положительным. Причем текст ответа Хрущёва передан на радио Москвы и в американское посольство одновременно, чтобы опередить предполагаемое выступление президента.

Командующий ГСВ на Кубе в адрес министра обороны СССР передаёт для официального доклада главе советского правительства:

«Сов. секретно. Товарищу Хрущёву Н.С.

Докладываю: 27.10.62 г. Самолёт У-2 на высоте 16 000 метров в 17.00 московского времени вторгся на территорию Кубы с целью фотографирования боевых порядков войск и в течение 1 часа 20 минут прошёл по маршруту над 6 пунктами. В целях недопущения попадания фотоматериалов в США в 18.20 москов. времени этот самолёт был сбит двумя ракетами 507 ЗЕНРАП на высоте 21 000 метров. Самолет упал в районе Антилья. Организованы поиски.

В этот же день было 8 нарушений воздушного пространства Кубы…»

Ответ из Москвы: «Вы поторопились. Наметились пути урегулирования».

После гибели У-2 американские военные предлагают начать бомбардировку Кубы через 48 часов. Выслушав все стороны, Кеннеди отменяет принятые ранее решения о выступлении против Кубы. Он говорит: «Я думаю не о первом шаге, а о том, что обе стороны стремительно приближаются к четвёртому и пятому. Мы не сделаем шестого шага, потому что никого из присутствующих не будет в живых».

Американская сторона идёт на предложенный компромисс. Ядерной катастрофы удаётся избежать.

29 октября 1962 года. Президенту передают конфиденциальное послание Хрущёва, в котором говорится о понимании позиции американской стороны в вопросе ракетных баз в Турции. Предлагается это согласие оформить официально.

30 октября 1962 года. Кеннеди в конфиденциальном послании Хрущёву подтверждает согласие на ликвидацию американских военных баз в Турции, однако просит не увязывать этот вопрос с кубинскими событиями.

1 ноября 1962 года. Хрущёв в конфиденциальном письме Кеннеди пишет: «К общему нашему удовлетворению мы перешагнули, может быть, даже наше самолюбие. Видимо, найдутся такие бумагомараки, которые будут выискивать блох в нашей договорённости, копать, кто кому больше уступил. А я бы сказал - мы оба уступили разуму и нашли разумное решение, которое дало возможность обеспечить мир для всех».

Справка. Годом позднее в своём выступлении в американском конгрессе по поводу Кубинского кризиса Кеннеди заявил: «…в конечном счёте самое главное, что связывает нас, это то, что все мы населяем нашу планету. Все мы дышим одним воздухом. Всем нам дорого будущее наших детей. И все мы смертны».

20 ноября 1962 года. Ядерные боеголовки, хранящиеся отдельно от ракет, с Кубы вывезены.

27-28 ноября 1962 года. Госсекретарь США и президент Кеннеди принимают решение на уступку Хрущёву в вопросе о ракетных базах в Турции: в адрес Генерального секретаря ООН передаётся через третьи руки подготовленное заявление, в котором содержится предложение о выводе как советских ракет с Кубы, так и американских из Турции.

Согласие Хрущёва на конфиденциальную договорённость с Кеннеди в этом вопросе лишает возможности американскую сторону публично подтвердить свою готовность по ракетам в Турции. А это был серьёзный политический козырь в пользу советской стороны в делах с Карибским кризисом. Хотя ракеты из Турции и были впоследствии выведены.

7 января 1963 года. В результате согласованных дипломатических переговоров на высшем уровне советские и американские дипломаты в ООН направляют в Совет Безопасности совместное письмо: в связи с урегулированием Карибского кризиса предлагается снять этот вопрос с повестки дня.

Сентябрь 1992 года. США снова (тридцать лет спустя) устанавливают для Кубы экономическую блокаду. Американское правительство запрещает своим фирмам иметь дела с островом. Иностранным судам, которые швартовались на Кубе, отказано заходить в американские порты в течение шести месяцев…

И несколько слов о роли разведки госбезопасности Советского Союза

и разведчиков в урегулировании Карибского кризиса. Речь идёт о будущем Герое России А.С. Феклисове. Далее приводится краткое представление об этом замечательном разведчике - выпускнике Школы особого назначения в 1939 году, которое было озвучено в Академии внешней разведки во время встречи слушателей и сотрудников с Героем незадолго до его ухода из жизни.

«…С 1956 года Феклисов А.С. работал на американском направлении внешней разведки. В 1960-1964 годах он руководил резидентурой в Вашингтоне. Принимал участие в разрешении Карибского кризиса.

В октябре 1962 года, в самый кульминационный момент противостояния, когда могли возникнуть военные действия с непредсказуемыми последствиями, через резидента советской внешней разведки Фомина (Феклисова) шла переписка между Никитой Хрущёвым и Джоном Кеннеди. Это были нигде неафишируемые переговоры сотрудников спецслужб - доверенных лиц глав СССР и США.

Интуиция, творческое начало и личная инициатива в профессиональном подходе разведчика и государственного деятеля Феклисова проявились в тот момент, когда он высказал представителю Белого дома мысль: в ответ на военное вторжение 500-тысячной армии США на Кубу и оккупацию Острова Свободы советская сторона может нанести ответный удар по уязвимому для Запада месту в другом регионе мира, имеющему не менее важное стратегическое значение, действуя на свой страх и риск. Но выполняя миссию разведчика - творца политики в интересах своего Отечества и мира Феклисов назвал это место - Западный Берлин.

Через три часа после этой беседы с представителем Белого дома резидент Феклисов направил в Москву в адрес главы Советского Союза компромиссное предложение президента Кеннеди об урегулировании Карибского кризиса. Таким образом, одним из инструментов снижения напряжённости в дни Карибского кризиса стали неофициальные каналы связи, налаженные тогда между руководителями СССР и США. Организатором одного из них - прямых контактов с Белым домом - была советская внешнеполитическая разведка госбезопасности и её резидентура во главе с А.С. Феклисовым. В этот момент, когда бюрократическая дипломатическая машина давала сбой, именно использование этих каналов позволило избежать развития кризиса по самому страшному сценарию.

После разрешения Карибского кризиса в американских СМИ просачивались сообщения о некоем мистере «Икс» от советской стороны, занимавшемся вопросами кризиса. Этим загадочным мистером «Икс» был резидент КГБ под прикрытием советника Посольства СССР в США А.С. Фомин - полковник А.С. Феклисов, он же Калистрат в Нью-Йорке в годы войны и Юджин в Англии в послевоенное время.

Установленный советским резидентом Феклисовым в октябре 1962 года прямой неофициальный контакт с американцами по достоинству был

оценён в Белом доме. Спустя год, в октябре 1963 года, когда завершилась последняя фаза Карибского кризиса, американская сторона сама предложила восстановить неофициальную связь с Кремлём, но уже на постоянной основе. Будущий Герой России разведчик А.С. Феклисов в этом вопросе был первопроходцем.

Непризнанная победа

В оценке событий Карибского кризиса мнения специалистов разделяются до крайностей: от полного провала усилий обеих спецслужб - советской и американской - до возвеличивания успехов одной из них.

Рассматривать эти оценки - дело хлопотливое и, конечно, неблагодарное, прежде всего из-за субъективности подхода. А вот попробовать осветить характер взаимодействия двух «государственных инструментов» внешней политики - посольства и госбезопасности в лице внешней разведки, причём в рамках одной советской стороны, - это дело стоящее.

В преддверии и во время кризиса каждая из этих служб - посольская и резидентура - занималась разрешением проблемы на своём уровне компетенции и по своим специфическим каналам. Далее буду опираться на мемуарные высказывания двух участников Карибского кризиса - патриархов дипломатии и внешней разведки - советского посла Добрынина и резидента внешней разведки в Вашингтоне Феклисова.

Почему я взялся за этот анализ? Меня задела серьёзность обвинений посла в адрес разведки: «...обе разведки в момент кризиса искали контакты между собой. Факт остаётся фактом, что разведслужбы обеих сторон оказались не на высоте в период кризиса». Такую оценку-приговор дал советский посол и советской, и американской разведкам.

Но посол не мог не знать, что существуют и другие мнения - как у нас, так и на Западе. К примеру, аналитик из КГБ, высокопоставленное лицо, высказал иное мнение. Речь идёт о встречах советского разведчика с телекомментатором, вхожим в Белый дом, - посланцем американского президента в контактах с русскими: «Это был первый контакт переговоров между Кремлем и Белым домом. Связь была налажена, начался регулируемый этап кризиса».

Но ведь посол неоднократно встречался неофициально с госсекретарём США и братом президента министром юстиции Робертом Кеннеди в правительстве Джона Кеннеди. Обсуждались вопросы, оценивающие кризисную ситуацию. Однако почему-то конкретные предложения от американской стороны (президента) поступили именно через канал советской госбезопасности - разведку. Причем телекомментатор в самый кризисный день дважды общался и с президентом и с советским разведчиком. Именно по этому каналу Москва получила следующие конкретные условия выхода из кризиса: СССР вывозит ракеты с острова, а США снимают блокаду и обещают не вторгаться впредь на Кубу. Так вот, через разведку, а не через

посольство!

Вот тут-то и начинается «театр абсурда». Две спецслужбы противников быстрее наладили деловой контакт (телекомментатор имел связь с ЦРУ), чем посол и резидент внутри одной государственной структуры, коим было посольство. Что же случилось?

Итак, есть информация (предложение) архиважного значения для разрешения кризиса «без-пяти-минут» чреватого военным конфликтом, начало которого исчисляется часами. Есть канал - посольский и госбезопасности. Но…

Вот как рассказывает советский резидент Феклисов об одном из контактов с представителем американского президента. 26 октября в полдень он был вызван на встречу комментатором, на которой изложил ему свою личную точку зрения на развитие кризиса: если произойдёт вторжение американцев на Кубу, Хрущёв может «нанести ответный удар по… Западному Берлину». В своей книге Феклисов писал так: «Я действовал на свой страх и риск…Теперь мне совершенно ясно: да, я рисковал, но не ошибся. Чего я не ожидал, так это того, что мои слова будут быстро доведены до сведения хозяина Белого дома и что через два-три часа Кеннеди передаст через Скали (телекомментатор. - Авт .) компромиссное решение».

Резидент пообещал посланцу президента срочно довести его предложение до сведения Кремля. Но срочно не получилось. Всё упёрлось, говорит, Феклисов, в бюрократию мидовцев, не уполномоченных своей штаб-квартирой на Смоленской площади вести переговоры такого серьёзного уровня. Случилось, что когда Феклисов срочно составил подробную шифротелеграмму для Москвы с подробностями двух встреч с посланцем президента, то при отправке её он встретил сопротивление посла. Усиленную двумя подписями депешу с предложениями американской стороны посол продержал три часа и заявил: такое сообщение он послать не может.

Небольшое отступление. 21 октября министр иностранных дел СССР А.А. Громыко встречался с президентом Кеннеди, после чего информировал Хрущёва о возможном ходе развития советско-американских отношений на ближайшее время. Отчёт министра о встрече был составлен в благодушном тоне. Посол оценил этот эпизод в своих мемуарах так: «…в этих условиях военная авантюра США против Кубы почти невероятна. Таков был в целом успокоительный вывод Громыко накануне Карибского кризиса. Я пытался убедить его дать более осторожную оценку ситуации. Он не согласился: видимо, ему хотелось сделать приятное Хрущёву».

Потом сам посол отказал резиденту в архиважном деле государственного масштаба - довести до сведения Кремля компромиссное предложение Белого дома. Может быть, посол не хотел «сделать неприятное» своему шефу по МИДу? Ведь прогноз Громыко не оправдался.

Известно, что трагедия повторяется в виде фарса. И эти отношения «посол - резидент» стали фарсом. Ибо трагедия состоялась в схожей ситуации… за двадцать лет до этого, в 1941 году. За несколько дней до нападения Германии на СССР.

Тогда, 19 июня 1941 года разведчик берлинской резидентуры Борис Журавлёв был вызван на экстренную встречу ценным агентом советской разведки в гестапо «Брайтенбахом». По его взволнованному виду разведчик понял, что произошло что-то чрезвычайное. А через несколько минут он сам всем своим существом ощутил важность полученной информации: «Гитлер нападёт на Россию в 3 часа в ночь на 22 июня…»

Этот агент ещё с 1929 года зарекомендовал себя как источник достоверной информации - актуальной, секретной, документальной. Достаточно сказать, что все эти годы сотрудничества с нашей разведкой ни одна провокация с немецкой стороны против советских людей (и разведчиков в том числе) в Германии не имела успеха. Он первым сообщил и дал технические данные о работе немцев над «оружием возмездия» - ракетами, а затем - об исследованиях в области ядерной энергетики для нужд войны…

Ему можно и нужно было верить.

Журавлев доложил тревожную информацию резиденту Кобулову, брат которого Б. Кобулов входил в руководство НКВД и был приближён к Л. Берия, наркому внутренних дел СССР. Резидент не решился отправить это предупреждение агента по каналам госбезопасности, ибо он знал отрицательную реакцию Кремля на подобную информацию: она рассматривалась в высших эшелонах советской власти как провокационная. Кобулов обратился к советскому послу в Германии с просьбой направить сведения по каналам НКИД, но для НКВД. Посол Деканозов, человек Берии, шифровку в Москву направил.

К сообщению ценного источника Берия отнёсся иронически и доложил Сталину эту информацию среди других вопросов как бы между прочим. Он представил её, как исходящую от попавшего под панические настроения в Берлине советского посла. И было принято решение: посла отозвать. Не успели - началась война.

Кобулов-резидент был случайным человеком в разведке, но не Деканозов, который одно время её возглавлял. Он оценил значение сообщения агента и, в условиях ещё продолжавшихся репрессий в стране, решил идти наперекор «мнению Кремля». Видимо, через подобную ситуацию в сложные дни Карибского кризиса советский посол в Вашингтоне не смог перешагнуть. А ведь ему репрессии не угрожали.

…И резидент Феклисов отправил шифротелеграмму в Центр по каналу госбезопасности. Ему ответили: «Пришлите сведения за подписью посла». А на Кеннеди в это время давили военные, и счёт времени до «открытия огня» исчислялся уже минутами.

Известный американский разведчик Ладислав Фараго в своей книге «Война умов», изданной в 1956 году, говорил: «Добыча информации не

всегда трудна, оценка её бывает затруднительной». И всё-таки, что удержало мидовского чиновника выступить единым фронтом в дни Карибского кризиса с чиновником госбезопасности? Может быть, боязнь стать соучастником дезинформации? Но вернее всего, это было неверие в государственную мудрость Феклисова, хотя такой большой опыт работы в разведке, как у него, имели единицы.

Справка. Именно государственный подход к делу разведчиков в «тайной войне» ещё с двадцатых - тридцатых годов позволили советскому правительству возводить их в ранг послов на ключевых позициях в дипломатическом мире. Так в ранге послов-резидентов побывали: Панюшкин А.С. - в Китае (1939-1943), Чичаев И.А. - в Англии (1941-1945), Зарубин Г.Н. - в Англии (50-е годы), Алексеев А.И. - на Кубе до Карибского кризиса, во время и после него.

Итак, во время Карибского кризиса имелось два канала контактов американцев с Москвой - официальный (посольство) и неофициальный (госбезопасность). Напрашивается парадоксальный, в отношении советской дипслужбы того времени, вывод: Роберту Кеннеди, министру и брату президента, «надоело» общение с советским «послом без полномочий», и братья переключились на другой канал, пусть даже неофициальной связи: президент - его доверенное лицо (телекомментатор) - советский резидент КГБ - советский лидер Хрущёв. Американский президент не ошибся в выборе второго канала. Вероятнее всего, ему была хорошо известна биография разведчика Феклисова.

Как бы ни защищал посол роль МИДа в разрешении Карибского кризиса, и свою в том числе, информация пришла в Москву в виде предложений всё же не по посольскому каналу. Американский президент доверился советской разведке. Этот факт говорит в пользу высокой оценки госбезопасности Страны Советов на международной арене.

Снисходительное «похлопывание по плечу» советской разведки выразилось в таком резюме А.Ф. Добрынина: «Наша разведка не имела в тот момент надёжных источников информации в Вашингтоне. Не случайно сам резидент Фомин (Феклисов. - Авт.) отправился в бар-ресторан добывать сведения от корреспондента». И ещё: «...прямой конфиденциальный диалог шёл через Р. Кеннеди и меня».

Но ведь дважды (21 и 26 октября) с информацией советского резидента знакомился Хрущёв, и оба раза из Москвы требовали: «Отправьте сообщение за подписью посла».

Внешняя разведка в самый острый момент Карибского кризиса оказалась на высоте. И Герою России Феклисову есть чем гордиться.

В январе 1989 года бывший советский резидент в Вашингтоне Феклисов выступил с сообщением на международном симпозиуме по октябрьским событиям 1962 года. В составе американской делегации находился бывший телекомментатор Скали. На последнем закрытом заседании «круглого стола» он сказал: «Я внимательно прослушал выступление Александра Фомина (Феклисова. - Авт.) о характере и

содержании наших дискуссий в октябре 1962 года. Я уважаю мистера Фомина и согласен с ним в том, что мы сыграли значительную роль в то время».

И советский разведчик, и доверенное лицо американского президента Джон Скали вошли в историю как люди, внёсшие свою долю в предотвращение войны в дни Карибского кризиса.

Кроме архивов спецслужб или спецхранилищ в Кремле и Белом доме, память об этих знаменательных встречах - резидента и телекомментатора - засвидетельствована в витрине вашингтонского ресторана «Оксидентал». Это медная табличка со словами:

«За этим столом во время напряжённого периода Карибского кризиса 1962 года было внесено предложение вывести ракеты с Кубы, сделанное загадочным мистером «Икс» телекомментатору Эй-би-си Джону Скали. В результате этой встречи была предотвращена угроза возможной ядерной войны».

Загадочным мистером «Икс» был резидент советской разведки КГБ Герой России полковник Александр Семёнович Феклисов, он же Фомин, он же Юджин в Англии и Калистрат в Нью-Йорке, правда, ещё в годы Второй мировой войны.

* * *

Считается, что главным «просчётом» Хрущёва в Карибском кризисе была его неспособность предвидеть возможную реакцию США на появление русских ракет на Кубе. Эта реакция - решительные действия американцев в виде серии угроз. Якобы у него не было «запасного сценария» на этот случай, и он вынужден был импровизировать по ходу событий. Мол, советский лидер создал кризисную ситуацию, подорвав тем самым свой престиж в Советском Союзе и в мире.

Но ведь в этом и заключается «блеф», вернее, его часть: цель - защита Кубы, видимая, как говорят, невооружённым глазом; средство - ракеты на Кубе, а результат - с СССР стали считаться как с серьёзной ракетно-ядерной державой. «Изюминка» была в следующем: США не потерпят присутствия ракет на Кубе - значит, будет торг.

Результат этого торга известен.

Откуда такая убеждённость? Опасность военного конфликта вокруг Кубы заключалась в том, что советские ракеты тактические и среднего радиуса действия имели десятки ядерных зарядов, целями которых могли стать крупнейшие города Америки - Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго… Более того, их мощности значительно превышали ту, о которой знали в США. И ещё: американские эксперты подсчитали, что в случае военных действий с применением советской стороной ядерных ракет в Америке можно ожидать около 80 миллионов погибших…

Возможно, подобные подсчёты сделали и в Москве. Вот, видимо, чем можно объяснить полное «загадочное» молчание советской стороны по

вопросам завоза ракет на Кубу (до и после вскрытия этого факта), «карантина» против советских судов, ядерного боезапаса. Об этом станет известно гораздо позднее, после Хрущёва. А тогда, в один из критических дней Карибского кризиса, 24 октября, Америка сидела у телевизоров и наблюдала, как советский танкер, пройдя последнюю линию в окружении американских эсминцев, пересёк «карантинную» черту и ушёл в кубинский порт. Его не обстреляли. И даже в тот роковой момент строительство стартовых площадок на острове не прекращалось.

Конечно, престиж советского лидера пострадал: он не настоял, чтобы Кеннеди дал не конфиденциальное, а публичное обязательство о выводе американских ракет из Турции. Западными СМИ Кеннеди был провозглашён как несомненный победитель в этом опасном кризисе. В стратегическим же отношении окончательное урегулирование кризиса не было ни большой победой, ни крупным поражением ни для одного из лидеров двух великих держав.

Почему так? Американская сторона сняла блокаду острова ещё до полного вывоза всех ракет, что означало возвращение к «нулевому варианту» до кризиса. А советская сторона добилась согласия США не нападать на Кубу и убрать ракеты из Турции. Правда, Хрущёв проиграл пропагандистскую кампанию, так как именно советская сторона была «инициатором» кризиса и именно она внешне отступила.

«Блеф» Хрущёва многогранен: тайная операция «Анадырь», неведение посла и представителя СССР в ООН о ядерном шантаже, торг из-за ракет в Турции. Но главное - американцев подловили в момент подготовки нового «крестового похода» на Кубу силами полумиллионной армии. Возможно, Хрущёв, сам того не ведая, пытался спасти Остров Свободы только от этого вторжения. Получилось куда более удачно - США оставили Кубу в покое навсегда. Почти навсегда, так как больше советского «ядерного зонтика» над ней нет.

Что могло остановить эти планы американского президента, военных, спецслужб? Вторжение было решённым делом. Только неординарное решение советской стороны - «большой блеф», причём военно-стратегического масштаба. Ранее уже говорилось о «системе угроз» в американской концепции отношений с противником. У Советского Союза во время Карибского кризиса получилась своя «система» - вокруг Кубы. И навязала этот «торг» в защиту Кубы советская сторона.

Предвидя реальную расправу Соединённых Штатов с Островом Свободы (их план был в Кремле), советский лидер с помощью «большого блефа» упредил попытку ликвидировать дружественный СССР режим в Западном полушарии.

«Просчёт» Хрущёва, вынужденного под всемирное улюлюканье недоброжелателей Советского Союза вывести ракеты с Кубы, обернулся перспективным расчётом на длительную и гарантированную защиту Кубы и сохранил тем самым форпост социализма в Западном полушарии. Следствием кризиса стал новый рубеж в отношениях СССР и США - с

советской стороной стали разговаривать как с ведущей ракетно-ядерной державой.

Справка. В обширном американском справочнике Норманна Палмера «Энциклопедия шпионажа» (1999) говорится о Кубинском кризисе. Статья начинается со слов: «Кубинский ракетный кризис», как его принято называть в Штатах, в октябре 1962 года продемонстрировал одновременно сильные и слабые стороны американской разведки…».

Так, в 1962 году Разведывательное сообщество США подготовило четыре сводки оценок национальной разведки по Кубе (последняя была датирована 19 сентября) и «во всех четырёх утверждалось, что русские не посмеют разместить на острове ядерное оружие».

И ещё: «…у Белого дома был один тайный источник информации: офицер советской военной разведки (ГРУ) полковник Олег Пеньковский. В1961-1962 годах он передал англичанам и американцам немало сведений о советских боевых системах и степени боеготовности советских войск. Полученная от него информация вкупе с результатами облётов территории СССР самолётами У-2 вскрыла в целом слабую готовность русских к ядерной войне». Вот такой «приговор» советской стороне…

Но как быть с тем фактом, что «ценный источник» Пеньковский «проморгал» широкомасштабную подготовку к вторжению советских войск на Кубу? И не только сам факт начала такой подготовки, но факт движения к Острову десятков кораблей? Не потому ли Палмер решительно осуждает: «Разведывательное сообщество оказалось неспособным выявить характер и масштабы наращивания советского военного присутствия в Западном полушарии и на Кубе на ранних стадиях». Американцы, говорит Палмер, считали, что «к началу карантина на Кубу успело прибыть только 8000 человек личного состава. А на самом деле численность советской военной группировки составляла 41 000 человек!»

Выше была сделана попытка ответить на вопрос: какова доля участия разведки в «большом блефе» - этой стратегической победе советской стороны в более широком смысле, чем только разрешение Карибского кризиса. Теперь хотелось бы разобраться, каково участие в этом кризисе сомнительной фигуры, какой стал Пеньковский, агент двух западных спецслужб. Дифирамбы, которые поют американской и английской разведкам и их агенту, в конце концов были зафиксированы в двухтомном труде «Шпион, который спас мир» американского журналиста и его соавтора - перебежчика из КГБ ещё времён 50-х годов - Дж. Шектера и П. Дерябина (1993).

Но вот что настораживает: по прошествии десятилетий даже перебежчик и позднее сотрудник ЦРУ, анализируя довольно объективно ситуацию с Пеньковским в целом и вокруг Кубы, в частности, не смог не затронуть вопроса: о честности «Феномена» (так назвали на Западе его предательство). В книге приводились мнения, причём весьма компетентные, других специалистов и профессионалов разведки и

контрразведки по обе стороны Атлантики в пользу гипотезы: Пеньковский был подставой советских органов госбезопасности.

Поэтому знакомство с содержанием книги «Шпион, который спас мир» невольно вызывает вопрос: а с чьей стороны он спасал мир - с американо-английской либо с советской?

Казалось бы, можно приступать к анализу материалов и сведений, говорящих «за» и «против» оценки деяний Пеньковского в качестве «предателя-непредателя». Это можно сделать, лишь разобравшись в глубинных процессах разведки, «краеугольными камнями» которой являются разведчики, агенты и операции. То есть всё то, что составляет понятие «мастерство разведки».

> *«Информация, которую посредством секретных операций смогли добыть советские разведчики во время Второй мировой войны, содействовала военным усилиям СССР и представляла собой такого рода материал, который является предметом гордости для разведки любой страны». Аллен Даллес, бывший директор ЦРУ. Из книги «Искусство разведки» (М.:1992)*

Глава 2 «Краеугольные камни» мастерства разведки

Разведчики, агенты, операции

Анализ положительной деятельности внешней разведки советского периода представляет интерес в связи с тем, что это та сфера, где формировалась эффективная система мастерства борьбы молодого Советского государства на международной арене в рамках политического, экономического и военного противостояния.

Работа внешней разведки (и контрразведки) проходила в условиях противоборства СССР с другими зарубежными государствами и их специальными структурами. А это означало, что молодым советским спецслужбам пришлось разрабатывать способы определения интересов Запада к тайнам Советского государства. Для решения этой задачи проводился системный сбор и анализ информации, освещающей цели, интересы и ориентацию западных государств, чаще всего враждебных по отношению к Советской России, ставшей с 1922 года Советским Союзом.

Крупнейшие специалисты в области истории разведок и разведывательного мастерства, у нас и на Западе, отдают должное русскому и советскому разведчикам. Тезис «кадры - главное оружие разведки» безоговорочно относится ко всем поколениям советских разведчиков. За ними признаются успехи всемирного масштаба, в частности в делах приобретения источников информации. Мотивы их привлечения к работе на советскую разведку определяются прежде всего как стремление участвовать в борьбе за мир - будь то предвоенный, военный либо послевоенный период.

По оценке одного из ведущих американских специалистов в области

дезинформации профессора Роя Годсена, «СССР является сверхдержавой благодаря двум инструментариям своей политики: его военной мощи и глобальному аппарату активных мероприятий». Под этим «аппаратом» профессор понимает советскую разведку.

Итак: кадры, источники, акции. Фактически эта триада стала главным определяющим «инструментарием» разведывательной работы в «полевых условиях» (странах) с целью оказания помощи через возможности разведки внешнеполитическим усилиям Советского государства. Причем так было в течение всей истории государства российского: функция разведки - разведывательное сопровождение дипломатии.

Можно выстроить логический ряд - значимые вехи, когда разведка помогла существенно изменить ситуацию в отношениях между Востоком и Западом в пользу советской стороны. К ним следует отнести:

20-е годы - сдерживание зарубежных эмигрантских военизированных организаций от активной подрывной деятельности на территории СССР;

30-е годы - вскрытие военных устремлений Германии и отношения к СССР со стороны Англии, США и Франции в условиях грядущей фашистской агрессии;

40-е годы - выявление тенденций об истинных военно-стратегических замыслах Германии, Англии, США и предотвращение ситуации, когда СССР был бы лишён поддержки коалиции европейских государств в советско-германском военном противостоянии, а также помощи Красной Армии в разгроме фашизма;

50-е годы - участие в ликвидации монополии США на ядерное оружие и другие средства массового уничтожения;

60-е годы - активное способствование развёртыванию ракетно-ядерного щита в условиях планов внезапного нападения США и стран НАТО на СССР;

70-е годы - оказание содействия в укреплении военно-стратегической концепции советского руководства и в поддержании паритетов вооружения, а также в усилиях советской стороны по предотвращению внезапного ракетно-ядерного нападения (ВРЯН);

80-е годы - усиление позиции Советского государства в реализации программы разоружения; своевременное информирование советского правительства о программах Запада по развалу социалистического лагеря и СССР.

* * *

Однако любой разведывательный «инструмент» не может быть эффективно использован без соответствующих условий его работы. И, что особенно важно, без формулирования оптимального содержания разведывательной деятельности. Поэтому триада - кадры (разведчики), источники (агенты), акции (операции) - в качестве инструмента разведработы находится в тесном контакте с содержанием всех видов

работы и «механизмом» её реализации.

Опасаясь утомить читателя, всё же не могу удержаться от упоминания того, что раскрывают составляющие «механизма» разведработы (версия автора). Так что же за «приводные ремни» создают эффективную отдачу в разведывательных делах? Назовём их аспектами разведработы: управленческий, направленческий, кадровый, профессиональный и, наконец, работа с источниками.

В истории конкретных дел разведки, как в капле воды, высвечивается мастерство разведчика, который действует под влиянием объективных реалий этих пяти аспектов. Речь идёт о малоизвестной акции «Трест-2» (1931-1932), целью которой было проникновение в агентурную сеть германской и британской спецслужб, также в русские эмигрантские круги, а средством - поиск связей с силами, которые могли бы поддержать легендируемое в стране «антибольшевистское подполье». В результате были получены сведения из высшего эшелона будущей фашистской власти о намерениях в отношении СССР и налажен контакт с организациями, работающими по Советскому Союзу.

Операция «Трест-2» началась в конце 1931 года, когда в советское полпредство в Берлине явился один из функционеров нацистской партии Курт фон Поссанер, предложивший своё сотрудничество с советской стороной.

В качестве главного доказательства искренности своих намерений он передал рукописную информацию о некоем советском гражданине. В сообщении говорилось: «…в июне 1931 года к Геральду Зиверту явился один из членов Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ СССР. - Авт .). Зиверт говорил мне, что этот господин во что бы то ни стало хочет иметь встречу с Гитлером, вождём Национал-социалистической партии Германии… Я познакомился с ним лично и после узнал, что он является руководителем одной из контрреволюционных организаций в Советском Союзе, верхушка которой находится на советской службе…».

Как сообщил далее Поссанер, один из функционеров нацистской партии оговорил встречу таинственного незнакомца с Гитлером, который дал согласие на контакт, однако затем поручил переговорить с чиновником из России Розенбергу. Такая встреча состоялась.

В архивном деле Поссанера (агент ИНО ОГПУ А-270) сведения о «таинственном незнакомце» весьма скупы. В отношении него имелись сообщения из Берлина и Праги, резидентуры которых предпринимали шаги по установлению личности незнакомца. Но по категорическому указанию из Центра - штаб-квартиры разведки в Москве - поиски были прекращены. Причем приказ о прекращении поисков был подписан самим Артуром - начальником Иностранного отдела (ИНО) А.Х. Артузовым.

Складывалось впечатление, что речь идёт о весьма секретном лице, выполнявшем задание ИНО ОГПУ за рубежом.

В архивных делах на репрессированных сохранился документ судебного разбирательства, в котором говорилось, что в 1940 году на

закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР не признал себя виновным Александр Добров, управляющий трестом «Бюробин» (Бюро по обслуживанию Иностранных представительств). Его обвиняли в шпионской деятельности в пользу германской и английской разведок.

На суде он заявил, что был советским разведчиком и выполнял задание советских органов госбезопасности. Он установил в Германии контакты с руководящими функционерами нацистской партии Розенбергом и Зивертом, а также «завербовался» в английскую разведку.

Справка. Добров Александр Матвеевич, 1879 г.р., окончил Московское высшее техническое училище; учился и работал в Швейцарии, инженер-химик. Работал в России в текстильной промышленности и по роду деятельности был связан с представителями немецкой фирмы «Фарверкс». С 1929 года - секретный сотрудник ИНО ОГПУ; в 1931-1932 годах выполнял в Германии спецзадание советской разведки.

В архивах было найдено задание Доброву по работе в рамках операции «Трест-2» выйти на верхушку нацистской партии с целью получении информации; «подставлять» себя для вербовки английской разведкой; установить связь с представителями белой эмиграции в Берлине.

В Москве Доброву была отработана легенда - выдавать себя за одного из руководителей якобы существующей в СССР контрреволюционной организации, которая ищет поддержку и финансовую помощь в антисоветских кругах за рубежом.

Добров выехал на чехословацкий курорт через Берлин. В столице Германии он связался со знакомым ему представителем фирмы «Фарбениндустри», которому намекнул на свою связь с «антибольшевистским подпольем» и желанием встретиться с Гитлером - вождём национал-социализма. После этого на него вышел профессионал-разведчик из абвера Зиверт, близкий к верхушке нацистов и в будущем фашистском государстве руководитель русского отделения иностранного отдела НСДАП. Он устроил встречу Доброва с Розенбергом, идеологом расизма.

В свете второго задания - по британской разведке - Добров осуществил контакт с этой спецслужбой, используя свои возможности в Риге, через которую он ехал на курорт. Там, через русскую актрису Танину, его знакомую по Прибалтике (в ИНО знали, что она родственница английского разведчика Кара), были созданы условия встречи с англичанином в Берлине. Там же под легендой Добров вышел на белую эмиграцию.

В архиве подробно описана всего одна встреча - его «визит» в Берлин. Но какого уровня эффективности показана работа этого агента-разведчика в качестве подставы!

От Доброва в ИНО поступила информация в виде программы нацистской партии, сообщение о беседах с Розенбергом и Зивертом в отношении «восточной политики» после прихода фашистов к власти в

Германии: главная задача нацистов - это подготовка захвата земель на Востоке и создание плацдарма для похода на Советскую Россию. От британской разведки получено согласие на помощь и условия связи через иностранное посольство в Москве. Добров подготовил итоговую справку об обстоятельствах вступления в контакт с руководящим деятелем белоэмигрантской организации «Братство русской правды», от которой были получены сведения о положении дел в этих кругах и канал связи для передачи в СССР антисоветской литературы.

Задачи у Доброва были разноплановые, но все они были объединены общей легендой: «контрреволюционер» ищет поддержку для своей организации в различных антисоветских кругах за границей. В этой оперативной игре «Трест-2» прослеживаются основные исходные положения в работе советской разведки при проведении акций тайного влияния: предвидение и упреждение действий противника - нацистов (вероятный приход к власти), английской разведки (поиск источников в СССР), белой эмиграции (каналы доставки в страну антисоветской литературы).

Фактически в меньшем масштабе - по времени и размаху - операция «Трест-2» повторила своего удачливого собрата «Трест» в 1921-1927 годах. Причем заметен рост мастерства разведки от операции к операции, в ряду которых «Снег» (1940-1941), «Монастырь» - «Березино» (1941-1945) и другие, послевоенные.

Анализ некоторых мероприятий внешней разведки в 20-70-х годах показывает, что эти акции советской госбезопасности - ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ, КГБ по содействию внешнеполитическому курсу Советского государства имели устойчивые общие характерные особенности - акции тайного влияния. С помощью этих акций при реализации главной цели в отношении противника госбезопасность решала сверхзадачу - дезорганизацию враждебных усилий Запада против Советской России.

* * *

Прежде чем говорить о серии успешных операций советской разведки, результатом которых были крупные победы на «фронтах тайной войны», следует сделать некоторое отступление в сферу… «краеугольных камней» работы любой разведки, тем более советской. Почему такая категоричность? И справедливо ли это? Ведь есть и другие разведки.

Но вспомните эпиграф к этой главе - компетентное мнение профессионала разведки Аллена Даллеса, создателя и бывшего директора ЦРУ (1953-1961), которого трудно обвинить в завышении оценки работы советской разведки в годы Второй мировой войны. В этом высказывании он упоминает и разведчиков, и операции, подразумевается, конечно, и работа агентов.

Известно, что самая надёжная агентура - это агентура, работающая на идейной основе. Именно этой основе советская разведка обязана появлением в её агентурной сети таких мастеров «тайной войны», как

Ким Филби и другие члены «Кембриджской пятёрки», или Арвида Харнака и Хорро Шульце-Бойзена - руководителей антифашистской группы, известной под названием «Красная капелла», из рядов Коминтерна вышел Иосиф Григулевич, а из военной разведки - Шандор Радо, и многие другие.

Сразу после войны советская разведка потеряла основную свою агентуру в силу её близости к национальным компартиям капиталистических стран, особенно США, Великобритании, Западной Германии - вспомним «охоту за ведьмами» в США или «запрет на профессию» в Западной Германии. Так почему она весьма быстро восстановила свою агентурную сеть почти во всех странах НАТО?

Не только симпатия к социализму явилась притягательной силой для новых источников, толкнувшая их на риск - работу с советской разведкой. Ещё был (и остаётся) антиамериканизм с его сопротивлением США, которые насаждают свой «американский образ жизни», экспортируя его в Европу и другие страны мира, и высказывают явное пренебрежение к интересам других государств.

И чем выше ставил человеческие ценности потенциальный источник информации, сознательный интеллектуал , готовый за них активно бороться, тем чаще он обращал свои взоры на Советский Союз - антипод Соединённых Штатов Америки.

Особенно после окончания Второй мировой войны, в которой СССР понёс огромные жертвы при разгроме фашизма, в том числе в интересах народов Европы и мира. Ему было трудно обвинить Советский Союз в агрессивных намерениях: самая развитая часть этой страны - европейская - лежала в руинах, экономические ресурсы были истощены, армия и народ жили надеждой на длительную передышку, основой которой мог быть только прочный мир.

* * *

Каким виделся потенциальный источник информации для советской госбезопасности, способный перестать быть законопослушным гражданином своей страны и преданным НАТО солдатом-сотрудником? Назовём его «Интеллектуал».

Интеллектуал видел, какая атмосфера царит в военно-политических кругах по ту сторону Атлантики. Особенно остро чувствовалось предгрозовое её дыхание после 1949 года, когда был создан блок НАТО. И ещё более остро, когда он сам стал участвовать в делах этого блока.

У него зрел протест против Америки, которая вовлекла его маленькую европейскую страну в военное противостояние в рамках «холодной войны». Он стал понимать, что в незатронутой прошедшей войной земле Соединённых Штатов зреют зёрна для новых «подвигов» во имя американских национальных интересов, и потому Штатам был нужен враг. Заложником этих «подвигов» становился он, Интеллектуал, со своей маленькой страной где-то на европейских землях.

Интеллектуал прозрел тогда, когда увидел, что в одиночку «нового врага» США не победят, а потому они ищут пути вовлечь в эту авантюру другие народы. И дважды он прозрел, поняв, что господствующей американской политической доминантой была и остаётся одна напасть - нетерпимость к другим нациям, эдакое узколобое «либо мы, либо они». «И мы, и они» их не устраивало!

Об этом говорит профессор истории Н. Яковлев: «Отсюда, по причинам, коренящимся в этой наиглавнейшей американской тенденции, неизбежен перманентный конфликт Соединённых Штатов со всем миром...» Говорит он и об одном из главнейших инструментов в разрешении конфликтов: «А функциональная роль ЦРУ - сделать всё, чтобы разрешить любой эпизод этого конфликта в пользу США». Какова цена всего этого и за счёт интересов какой страны - в Америке это мало кого из «сильных мира сего» интересует.

Итак, Интеллектуал находится в одном из центров «холодной войны» и постепенно познаёт истину: противостояние - продукт гипертрофированной жажды мирового господства американского военно-политического союза. И тогда он принимает решение: противодействовать распространению доминирования США в НАТО и в мире в целом.

Вот как расценивал мотивы своего сотрудничества с советской разведкой один из ценнейших агентов, работавший против США и НАТО. Этот человек, проведя десять лет в застенках, но не изменив своего отношения к сделанному им ради мира, оплотом которого он считал Советский Союз всё послевоенное время, писал:

«Американцы в те дни хорошо осознавали своё военное превосходство... Я опасался Третьей мировой войны, меня беспокоили растущее политическое влияние американских военных и их всё более доминирующая позиция...»

Далее агент задавал себе вопрос, почему он, человек знатного происхождения и блестящей военной карьеры, решил занять в «холодной войне» позицию против США, агент отвечает:

«Наверное, в то время мой выбор выглядел странным. Но я всегда был против того, чтобы находить непонятному простые и хлёсткие объяснения... Сам я не могу объяснить всё так однозначно. Полагал и полагаю, что принадлежу к тем немногим, кто действительно мог видеть обе стороны медали. Короче говоря, мне стало ясно, как думали и действовали антиподы. И сравнение тут было не в пользу США».

Он сознавал, что его страна была «мелкой фигурой в большой игре», а его усилия - лишь «эпизод в больших событиях». А может быть, как представитель небольшой страны, он острее чувствовал своё беспомощное положение в чужой игре. И, опираясь на достоверные данные, этот агент сообщал в Москву следующее:

«Советский Союз, по мнению американцев, изрядно отстаёт в военном отношении. Самолёты США значительно превосходят в технике.

Русские строят свои стратегические бомбардировщики, но делают это хуже и медленнее.

Они больше работают на будущее, всё вкладывая в стратегическое ракетное оружие с ядерным зарядом. Стараются догнать США и, таким образом, создать желаемый баланс сил. Ракетная техника давно стала традиционной русской специализацией...

Так что предпосылки очень благоприятные: ядерный заряд русские могут создать быстрее, чем ракеты. Исследовательская работа в целом займёт не более десяти лет...»

В своих «Записках из тюрьмы» Интеллектуал прослеживал определённое беспокойство советской стороны в отношении НАТО и его идеолога - США. Он определил поворотный момент перехода советской стороны от беспокойства к уверенному противостоянию на условиях баланса сил. И причиной того был Карибский кризис - самая серьёзная конфронтация периода «холодной войны».

Действительно, установка на Кубе советских ракет среднего радиуса действия с ядерными зарядами была политической игрой, причём высшего уровня риска.

«Создалась ситуация, - писал Интеллектуал, - которую можно было назвать «звёздным часом» разведки, потому что всё зависило только от её эффективности...» Он подчёркивал, что работали разведки обеих сторон. «Американцы летали над Кубой и фотографировали строительные и монтажные работы. В Москве сидел Олег Пеньковский и через посредников передавал катушки плёнок в Вашингтон. Таким образом в США точно знали о типе оружия русских».

Интеллектуал высоко оценил работу американской разведки: «По-видимому, это было одним из самых престижных дел ЦРУ. И не оставалось никаких сомнений, что новое оружие на Кубе представляло огромную угрозу восточному побережью США».

По мере знакомства с рассуждениями проницательного Интеллектуала, выкристаллизовывались три причины действий советской стороны в период Карибского кризиса. Первая, лежавшая на поверхности, - поддержка единственного в Западном полушарии социалистического режима. Вторая, более глобальная и официальная, - желание достигнуть равновесия сил и показать, что США могут быть так же сметены с лица земли, как и Советский Союз. Третья, наиболее скрытная и неофициальная, - баланс ракетно-ядерных сил ещё не в пользу советской стороны. Польза от последнего: пусть США считают, что им принадлежит приоритет в развитии стратегического ракетного оружия, тогда они не будут форсировать его совершенствование. А тем временем СССР развернёт полномасштабный «ракетно-ядерный щит».

Прав был Интеллектуал: Карибский кризис стал актом преднамеренного риска, принуждающего к обоюдному признанию баланса сил, который должен был определить будущую политику обеих великих держав. Карибский кризис стал одним из финальных моментов в

расширении «холодной войны».

Располагая разведывательными сведениями о концептуальном подходе США к войне против СССР и исповедуя принцип мирного сосуществования, советская сторона смогла решить с помощью Карибского кризиса триединую задачу: получила «индульгенцию» от США от вторжения на Кубу, вынудила их считаться с реалиями баланса сил и через разведывательные возможности убедила американцев в своём некотором отставании в развитии ракетных систем. Цель последней - скрытно нарастить свой ракетно-ядерный потенциал при одновременной пассивности в этом вопросе американской стороны.

* * *

Теперь, когда на конкретных примерах раскрыты действия триады - разведчиков, агентов и проводимых ими операций - этих «краеугольных камней» разведывательного мастерства, хотелось бы заглянуть в прошлое советской разведки - ИНО НКВД и РУ НКГБ, действовавших в годы Великой Отечественной войны.

Подмечено, что любой вид человеческой деятельности - индивидуальной либо коллективной - обостряет свою эффективность в моменты наивысшего напряжения моральных сил. Это характерно для людей искусства, города и деревни, учёных и инженеров, военных и разведчиков.

Отечественная война высветила различные возможности русских людей - и сильные и слабые. Победила сила духа, на который опирались наши предки, начиная с побед Александра Невского, Куликовской битвы… И, как нигде в другой области профессиональных действий, разведка в эти времена оказывалась на месте своей полезностью правителям и армиям.

Иногда скупые и, казалось бы, сухие цифры говорят красноречивее, чем громкие и долгие словоизлияния с трибуны либо на бумаге. В цифрах мыслям просторно, ибо описание их содержания в каждом случае многогранно. Тем более когда речь идёт о «тайном фронте» в годы испытаний страны войной.

Что же заставило главу ЦРУ Даллеса отдать должное советской разведке? О чём могут поведать цифры, характеризующие оценку тайных успехов? Начнём с главного: ради чего «камни» приводятся в движение? Ради информации! Ради этого «хлеба» правительств и военных в любом состоянии государства, но особенно - в военное время. В нашем примере - это советско-германское противостояние.

Когда бываешь у памятника ушедшего из жизни человека, только одного человека, то прожитые им годы вынуждают воспринимать его как возможного участника и свидетеля событий в стране чуть более полувека. Но ведь и звучат для нас: 250 дней обороны Севастополя или 900 дней блокады Ленинграда?! Ещё как звучат - своим героическим и трагическим эхом войны. Мы помним это, ликуя и скорбя…

41 000, 19 000, 17 000, 6 000!

Ниже раскрывается содержание указанных цифр, множество раз повторённые в воспоминаниях, статьях, книгах о «Кембриджской пятёрке». Если подробно «оживить» этот ряд цифр, округлённых до нулей, то они могли бы заговорить о мужестве разведчиков, агентов и мастерстве проведённых ими операций в 1941-1945 годах:

41 000 - количество документов, полученных советской разведкой за годы войны из «легальных», нелегельных резидентур и агентурных групп за рубежом;

19 000 - из них получено из лондонской резидентуры;

17 000 - из которых передано в Центр агентами «Кембриджской пятёрки»;

6 000 - добыто одним из членов «Пятёрки» - Джоном Кернкроссом.

Раскрыть значение следующих цифр, значит показать как организовывался информационный поток - столь необходимый для ведения боевых действий на советско-германском фронте либо в отношениях СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции в годы войны.

27 - количество стран действия советской внешней разведки;

90 - количество «легальных», нелегальных резидентур и агентурных групп;

200 - количество разведчиков в составе всех резидентур;

100 + 97 - количество агентов - граждан СССР и интернационалистов - в составе агентурных групп;

12 - количество сотрудников лондонской «легальной» резидентуры к 1944 году.

С началом войны наша разведка оказалась перед необходимостью переориентировать свои силы на направлении, подсказанном обстановкой военного времени - это работа в тылу немецких войск на оккупированной советской территории: в подполье, спецпартизанских отрядах и в составе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН). Их работа оценена своими внушительными цифрами.

Такие цифры и структурные формирования стояли за словами Даллеса «посредством секретных операций».

Данные, характеризующие работу разведки в годы Отечественной войны, весомы и зримы. И приведены они именно за тот период не случайно: ибо к концу войны разведка вышла на пик своего разведывательного мастерства.

Как она шла к этому триумфу, показано на конкретных примерах с операциями, проводимыми разведкой в 20-40-х годах.

Трактовки от разведки

Веками проверенная народная мудрость гласит: «Сказка - ложь, да в ней намёк - добрым молодцам урок», «В каждой шутке есть доля правды»... То, о чём пойдёт речь дальше, - правда. Эта правда омыта «оперативной кровью» разведчиков многих поколений, выкристаллизовалась тяжелейшим опытом разведывательной работы. И не только русской или советской разведок.

Некоторая простота в форме изложения - это лишь попытка рассказать о сложных явлениях, свойственных разведработе, доходчивым языком, понятным любому читателю - от школьника до профессионала.

Известно, что любые трудовые действия человека объективно отвечают на три вопроса: кто? что? как? Профессия разведчика эффективна лишь тогда, когда эти три взаимосвязанных компонента отшлифованы до блеска.

Если «блеск» отсутствует, то это приводит к провалу, разрушению канала получения ценной информации с арестом участников разведработы - агентов и разведчиков. За провалом следуют кампания шпиономании в стране работы разведки и осложнения дипломатических отношений с этой страной. Это в мирное время, а в военное - ещё и смертельная опасность для жизни агента и разведчика. И как следствие - потеря столь нужного канала информации. Именно так советская разведка потеряла в годы войны ценного агента в гестапо, антифашистов - источников сведений по советско-германскому фронту, а в послевоенные годы - агента, который мог возглавить британскую разведку.

В разведке: «кто?» - разведчик и агент, «что?» - информация, «как?» - приёмы добывания и передачи сведений. «Предметом жгучего интереса» разведчика является информация, «жгучего обожания» - агент. Причем «обожание» столь велико, что гласные и негласные правила работы с агентом требуют (обязывают) спасения его от щупалец контрразведки противника даже ценой собственной жизни.

Разведшкола, где-то в Подмосковье. Идут практические занятия. Вот один из призывов к жертвенности ради «предмета обожания» - агента: «Вы должны лечь на рельсы трамвая, на котором разведчик едет на встречу с агентом, если вы обнаружите во время контрнаблюдения за своим коллегой «хвост». Это означает: нельзя привести «хвост» на место встречи с агентом. Какой ценой? Любой... Вспомните, в художественном фильме «Мёртвый сезон» главный герой - профессиональный разведчик-нелегал - спасает привлечённого к работе с госбезопасностью советского гражданина... Эти финальные кадры ни у кого не могут вызвать сомнения в праве разведчика и необходимости идти на жертву ради агента».

Хорошо известный с послевоенных лет разведчик Федотов из прекрасной киноленты «Подвиг разведчика» многократно разговаривает сам с собой: «Связь, связь, связь...» Или: «Кому я здесь нужен без связи?!» Эти полузаклинания разведчика времён войны характеризуют составляющую вопроса «как?». Цепочка работает: информация - агент -

разведчик. И каждое из звеньев этой цепочки имеет всего одну, но всеобъемлющую особенность. Так для информации - это достоверность, для агента - добросовестность, а для разведчика - профессионализм. А для связи между ними - дееспособность.

Трагедия советской внешней разведки в канун нападения Германии на СССР заключалась в проблеме достоверности информации, добытой ею для советского правительства и военного командования. Сведения были объективные, но…

После начала Второй мировой войны (сентябрь 1939 - июнь 1941) советская разведка смогла выявить следующие тенденции в оперативной обстановке последних мирных дней: неизбежность войны; истинные устремления Германии, Великобритании, США в отношениях с СССР; самые неблагоприятные варианты развития ситуации для СССР, когда он мог оказаться один на один с Германией против коалиции европейских государств. Наконец, она смогла детально осветить военную, военно-экономическую и политическую подготовку Германии к агрессии против СССР. И назвала точную дату нападения.

Информация имеет три равнозначные по важности оценки и в упрощённом виде может быть охарактеризована формулой САД. Где «С» - секретная, «А» - актуальная, «Д» - документальная. Трёхсторонняя оценка информации определяет степень её полезности с точки зрения доверия к ней, то есть достоверности.

Так вот, информация разведки к июню 1941 года характеризовалась чаще всего двумя категориями оценки «С» и «А» - секретная и актуальная. Так, например, в архивном деле агента-антифашиста Корсиканца, сотрудничавшего с советской разведкой с 1935 года, имеется календарь сообщений с сентября 1940 по 16 июня 1941 года (более 50 кратких резюме). И эти сведения представлены так: «со слов…», «из наблюдения…», «из документов, прошедших через руки…», «из документов…».

Конечно, эти сведения были секретными и важными по своей актуальности… Более того, старший лейтенант госбезопасности в то время Зоя Рыбкина - составитель этого календаря, сделала вывод, который начальник внешней разведки Павел Фитин доложил Сталину: «Все военные приготовления Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Это была формулировка из шифротелеграммы берлинской резидентуры, которая находилась в центре событий в этот трагический момент истории Советского государства.

Вот только реакция первого лица страны была неадекватной тревожному содержанию документа от разведки: «Не поддавайтесь панике!» Доклад состоялся 20 июня - впереди была война, через считаные часы.

Разведка после массовых репрессий 30-х годов, серьёзно коснувшихся и её, не смогла - не было агентурных позиций в высших

эшелонах власти Германии - добыть документального характера данные: о плане «Барбаросса» и введении его в действие, о стратегических целях и сроках начала войны, об окончательной дате нападения.

Сведения обо всех этих документах в Кремле были, причём секретные по содержанию и актуальные по времени, но не документальные! Ослабленной разведке было трудно, особенно в условиях, когда активно работала дезинформационная служба гитлеровцев, вводя дезу в ряды и высших чинов, и офицеров вермахта.

Но имеется ещё одна сторона трагедии советской разведки в канун нападения Германии на нашу страну. Сведения-то были объективные, но в фактическим виде, а не в аналитическом. Права на анализ разведданных в своей штаб-квартире разведка была лишена в 1937 году. Разведку отделили от анализа, а ведь именно она была на острие событий и лучше любой другой службы в правительстве и среди военных чувствовала ситуацию.

«В фактическом виде» - это значит, что разведданные шли «наверх» как бы «живьём»: что прислали из резидентуры, то и подавалось. Беда была в том, что в советском политическом и военном руководстве разведданные не анализировались на фоне военно-политической ситуации и военной доктрины Германии. А ведь вермахт - германские вооружённые силы - имел стереотип во всех случаях захвата европейских стран. Это были: шантаж с позиции силы, ультиматум, провокации.

И шла «фактическая информация» в ЦК, СНК, НКО вплоть до 1943 года, когда разведке вернули право анализировать разведданные.

Вот так обстояло дело с информацией - этим «хлебом» разведки - в самый тревожный период для Страны Советов.

Когда речь идёт об организации связи для поддержания контактов по линии «разведчик - агент» (беседы по заданиям, приём материалов, подача условных сигналов), то и тут «народные умельцы от разведки» придумали обобщающую «формулу» - это КОН. Связь должна быть: «К» - конспиративной (скрытая от других), «О» - оперативная по временному фактору («дорого яичко к Христову дню») и «Н» - надёжная (по защите источника информации и передаваемых от него материалов).

На какие ухищрения не идут участвующие в контактах разведчики и агенты! Тут и беседы в укромных местах вдали от глаз знакомых и спецслужб, и короткие встречи для передачи материалов от нескольких минут до секунд. Безопаснее всего оставление материалов на короткое время в потайном месте, известном только двоим. И наконец, радиосвязь. Но по ней материалы в документальном виде или образцы изделий не передашь…

Так что, прав майор Федотов: «Связь, связь, связь…». Её ещё называют «кровеносными сосудами разведки» - столь важна она и столь уязвима для связки «разведчик - агент».

* * *

Окунаясь в специфику разведработы, желательно понять её «азы», которые формируют понятие «краеугольные камни» мастерства разведки. «Азы» нужны для того, чтобы разобраться в столь сложной борьбе разведок между собой, в том числе в вопросах дезинформации - этом «высшем пилотаже» любой разведки. Вот что говорил ас американской разведки Джеймс Энгельтон о методах дезинформации, правда, применительно к советской стороне:

«Бесчисленное множество военных хитростей, трюков, уловок, мистификаций, блефа и других методов дезинформации, которые советские и подчинённые им другие службы пользуются для введения в заблуждение стран Запада и с помощью которых стремятся вбить клин между нами (спецслужбами Запада. - Авт.)».

Теперь с позиции этого обширного определения дезинформации можно взглянуть на происходившее в период Карибского кризиса.

Были ли «военные хитрости»? Конечно, - вся операция «Анадырь» по скрытной доставке советских ракет на Кубу. «Трюки» - ложные ракетные позиции на острове. «Уловки» - подвижные ракетные установки. «Мистификации» - встреча Кеннеди с нашим министром Громыко - вокруг да около правды о положении дел, но не открытый разговор. Ведь даже советский посол в Вашингтоне не был в курсе дела с ракетами. Его просто в этот момент исключили из игры, сделав простым чиновником от МИДа, но без полномочий.

Наконец, «блеф». Вершина результативности его применения советской стороной - «большой блеф» Хрущёва, его непризнанная победа в закреплении советского влияния в Западном полушарии и, как следствие, просоветские режимы в Никарагуа, Чили…

Нельзя обойти и другие методы; один «ход конём» государственно мыслящего резидента советской разведки в Вашингтоне чего стоит! Его «экспромт» с Берлином как «слабым звеном западной демократии» в Европе на момент кульминации в Карибском кризисе отрезвляюще подействовал на горячие головы вашингтонских политиков и военных. Но это даже не хитрость, и не уловка, тем более не мистификация. И не блеф авантюрного склада. Это взгляд в суть отношений двух ядерных держав и «ахиллесова пята» США в тот момент. Возможно, именно этот «экспромт» дал право Кеннеди доверить компромиссное предложение не послу СССР, а представителю советской спецслужбы.

Канал «Кеннеди - телекомментатор - советский резидент - Хрущёв» - не лучшая ли из «уловок» обеих сторон в разрешении проблемы балансирования на грани войны?!

* * *

Весь ход мыслей в этой главе, видимо, самой сложной для восприятия нюансов разведработы, готовит читателя к моменту, когда он окунётся в волнующую тайну дезинформации, проводимую разведчиками под маской предательства своего Отечества. Причем на примере масштабного

противоборства спецслужб Востока и Запада, советской и американской либо британской разведок.

Будет проиллюстрирована мысль, высказанная и реализованная на практике одним из директоров ЦРУ. Он считал, что наиболее эффективным средством в плане введения в заблуждение противника должен быть «специально подготовленный контингент» - приманка для разведки противника. Он убеждённо констатировал: «Только так можно контролировать действия иностранных разведчиков и отвлекать их от истинных стремлений». Но ещё задолго до американского профессионала эти мысли возникли у советской разведки, если учитывать, что подобные акции тайного влияния были на вооружении молодой советской госбезопасности ещё в... 1918 году, спустя несколько месяцев после создания ВЧК (операция «Заговор послов»).

В первой главе была затронута лишь одна сторона в работе советской разведки. Речь идёт о канале связи между главами двух держав в острейшем кризисе - Карибском. Этот канал работал на «большой блеф» Хрущёва, помогая советскому лидеру формировать стратегическую выгоду от ситуации с ракетами на Кубе.

Но следующая глава - это раскрытие самого «инструмента» - акции тайного влияния в большой политике, который в рамках «большого блефа» решает ещё одну суперзадачу - дезинформация Запада об уровне в СССР ракетно-ядерной готовности. Под прикрытием этой дезинформации советская сторона выиграла время для создания эффективного «ракетно-ядерного щита».

Проводником такой дезинформации стал кадровый разведчик, выступавший перед Западом под личиной предателя Родины. Он оказался в качестве «агента» западных спецслужб в заданном нужном месте и в нужное время.

* * *

В истории Российского государства и его спецслужб был ряд полезных иностранных агентов («кто?»). В XIX веке - это министр иностранных дел Франции, завербованный самим императором Александром I перед походом Наполеона в Россию. В начале XX века - руководитель австрийской контрразведки. В 30-х годах - антифашисты «Красной капеллы» в Германии и «Кембриджская пятёрка» в Англии - важнейшие источники информации в годы Великой Отечественной войны. И наконец, целая плеяда ценнейших агентов в послевоенное время - представителей спецслужб, политиков, учёных...

В годы Великой Отечественной войны задачу по созданию новых видов вооружений советская сторона решала одна, без поддержки западных союзников. В нашу страну по ленд-лизу шла не первоклассная военная техника, коей владели на Западе, а «залежалый товар» со складов Англии, США, Канады. Так было с авиацией, взрывчатыми веществами, навигационными приборами для авиации и флота. Но и этой

помощи мы были рады.

Рассчитывая на «ядерную дубинку» против СССР и всего мира в послевоенный период, американо-английские разработки в области атомного оружия тщательно скрывались от советской стороны. Американцев и англичан можно понять - СССР (а ранее Россия) никогда не были настоящими партнёрами в сфере экономического влияния - только противники. И лишь в XX веке они дважды становились союзниками: в Первую мировую войну - в рамках Антанты и во Вторую мировую - в рамках антигитлеровской коалиции. Оба раза мотивы такого сотрудничества лежали на поверхности: победить малой кровью… для своих государств, а проще - «загребать жар чужими руками».

В годы войны советская научно-техническая разведка (НТР) не дремала, а выстлала «ковровую дорожку» под создание новых видов оружия, которыми располагал Запад в то время. Промышленность же наша шла дальше. Это была скоростная авиация - реактивная и высотная (операция «Воздух»), радиолокация (операция «Радуга»), более сильные взрывчатые вещества и синтетический каучук (операция «Зелье»), защита от химического оружия (операция «Парфюмерия»).

Вершиной мастерства советской разведки - политической и военной - было проникновение в секреты «Манхэттенского проекта» США по созданию атомной бомбы. В послевоенное время этот подвиг привёл к тому, что США не смогли доминировать в мире, опираясь на атомное оружие - баланс сил не позволял. Но наша страна шла дальше: в 1954 году была запущена первая в мире атомная электростанция.

С подачи разведки наша авиация смогла выйти на передовые рубежи в области создания истребительной реактивной техники. Уже в 1950 году наши самолёты МИГ-15 господствовали в воздухе в Корейской войне. Давая учёным и инженерам нужную информацию, советская сторона основала свои ПВО на базе современных радиолокационных систем, которые быстро нашли применение в артиллерии сухопутных войск, в воздухе и на море.

В послевоенные годы НТР, вопреки идеологическому запрету «сверху», собирала обширную информацию по кибернетике, названную псевдоучёными нашей страны «гулящей девкой империализма», и тем самым спасла советскую науку от информационного вакуума в этой области.

Все эти люди - носители информации и сотрудничавшие с советской разведкой - были агентами, а значит их деятельность характеризовалась устойчивыми признаками.

СеКССС - именно эта аббревиатура отличает агента как носителя информации от других источников сведений. Это и есть уровень отношений источника с разведчиком или разведкой в целом.

«Се» - секретные отношения по содержанию работы и передаваемой информации. «К» - конспиративные отношения по скрытности контактов «агент - разведчик». «С» - сознательная работа на разведку. «С» -

сотрудничество в силу общности мотивов работы с разведчиком - моральных либо материальных. «С» - систематическая работа по передаче информации.

Вот вроде бы и всё. Пять признаков - и перед человеком-агентом уже иной мир отношений с государством и обществом, с политическими убеждениями и моралью, наконец, ощущение полезности тому «богу», которому разведка и агент служат.

Ярким примером убеждённости в правомерности своих контактов с советской разведкой явилась работа агента Брайтенбаха из гестапо, информация от которого составила 28 томов документальных материалов (1929-1942). Антинацистские настроения привели его в агентурную сеть нашей разведки, причём добровольно и по собственной инициативе. Как профессионал-контрразведчик, он мог действовать скрытно и эффективно, часто на грани смертельного риска, в «логове волков», какой справедливо считалась сильнейшая из спецслужб гитлеровской Германии - гестапо.

Другое характерное событие из жизни разведки: Корсиканец и Старшина - организаторы двух антифашистских групп в столице Третьего рейха, работа которых объединила сотни немецких патриотов. Это был коллективный протест германских интеллектуалов фашизму, как идеологии, и сознательная жертвенность на алтарь Победы над нацистской Германией. Они шли на «голгофу» понимая, что разгромить нацистский Третий рейх сможет только Советский Союз - антипод фашизму. Уже зная, что их радиостанции пеленгует гитлеровская контрразведка, антифашисты фактически круглосуточно передавали советской стороне информацию стратегического значения - количество войск, качество вооружения, направление и сроки ударов германского вермахта на советско-германском фронте. Их уже не было в живых, а полученная от них информация «работала» во время Курской битвы (1943).

В послевоенные годы ряды агентурной сети советской разведки пополнились новыми источниками информации и агентами тайного влияния. Ситуация в мире требовала от разведки не только информацию о планах Запада по ракетно-ядерной стратегии против СССР, но и активного влияния на международные процессы, как, например, это было в операции «Центр».

Разве не жажда активного тайного влияния стояла в основе «большого блефа» Хрущёва с использованием всего набора «инструментов» во внешней политике - вооружённых сил, дипломатии, спецслужб.

Далее будет рассказано о нескольких акциях тайного влияния - операциях госбезопасности в 20-70-х годах. Общий критерий их результативности - противодействие усилиям противника в интересах внешней политики СССР на международной арене в дни мира и войны.

1918. Операция «Заговор послов»

В ноябре-декабре 1918 года в Москве заседал Верховный революционный трибунал: рассматривалось дело союзнических миссий в России.

На скамье подсудимых находилось шесть участников заговора против молодой Советской республики, возглавляемого британским послом Локкартом. Он и ещё три активных участника с французской и американской стороны отсутствовали и находились за пределами России. В ходе предварительного расследования показаниями арестованных, свидетелей и неопровержимыми уликами была доказана преступная деятельность, которой занимались главы и сотрудники миссий, а также их агенты.

«Благие» намерения Антанты получили огласку и вызвали широкий общественный резонанс, далеко выходящий за пределы России. Судебное разбирательство подтвердило опору англо-франко-американской коалиции на представителей контрреволюционных сил внутри России, пособничество которых предусматривало шпионаж, подкуп и дезорганизацию Красной Армии, взрывы мостов и поджоги продовольственных складов… Всё это с целью свержения новой власти в России. Имелось в виду даже убийство вождей революции. В приговоре говорилось:

«Попытка контрреволюционного переворота, будучи сопряжённой с циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности, возлагает всю тяжесть уголовной ответственности, прежде всего, на те капиталистические правительства, техническими исполнителями злой воли которых являлись подсудимые».

Двух человек приговорили к расстрелу, восемь - к пятилетнему заключению, четырёх отсутствующих, в том числе посла Локкарта, объявили врагами трудящихся, подлежащих расстрелу при появлении их в пределах России.

Адвокаты, принимавшие участие в защите двух приговорённых к смертной казни, в прошении о помиловании (впоследствии их помиловали) упомянули фамилию Шмидхен. Они указывали, что он не привлечён к ответственности, хотя они считают его пособником британского посла.

В сохранившихся архивных делах и в открытой печати, затрагивающей «дело Локкарта», или, как его назвали на Западе, «дело трёх послов», Шмидхен неизменно упоминается как «человек Локкарта». Было известно, что уже тогда комиссар дивизии латышских стрелков в своём обращении в ВЧК называл Шмидхена английским агентом.

Сообщник - и вне судебного разбирательства?! И лишь через полстолетия стало известно, что Шмидхен помогал разоблачить заговорщиков. Чтобы ввести в заблуждение их, он вынужден был

прикидываться их соучастником. Под именем Шмидхена скрывалась смелая личность - Ян Буйкис. Он был участником Первой мировой войны - вначале солдатом, а затем подпоручиком - стал латышским стрелком на стороне революции.

Весной 1918 года Буйкис стал чекистом. Это был период, когда только формировалась военная коалиция западных держав против новой России, причём с опорой на Добровольческую армию белых генералов.

Руководство ВЧК, созданной в конце 1917 года для борьбы с контрреволюцией, вышло на след враждебного советской власти формирования и вскрыло его связи с иностранными державами. Чекисты перехватили письмо белогвардейского генерала Алексеева, который вместе с генералами Корниловым и Деникиным создавали Белую армию на Юге страны. Письмо было адресовано главе французской миссии в Киеве. Было известно, что эта миссия и её представители в других городах Юга России занимались сбором информации о положении дел в этом регионе. Главной их задачей было отслеживание ситуации с Красной Армией.

Алексеев обращался к французскому генералу с просьбой помочь создать на юге плацдарм для наступления против Советского государства. Он просил военное снаряжение и предлагал направить в распоряжение белых генералов чехословацкий корпус из Сибири. Их целью было «начало решительной борьбы с большевизмом для восстановления порядка на территории России».

В ВЧК поступали сигналы о расширении белогвардейского заговора. Чекисты понимали: судя по всему, действует единая направляющая рука - имеется единый центр. Но в тот момент, весной 1918 года, это было пока только предположение. Нужно было узнать, куда ведут нити заговора, кто поддерживает заговорщиков морально и материально, определить направления главных ударов по противнику.

Обо всём этом говорил глава ВЧК Феликс Дзержинский с Яном Буйкисом, которому доверили внедриться в сеть заговорщиков: «Вам придётся отправиться в Петроград. Надо влиться в контрреволюционные организации, найти нити, которые тянутся к иностранцам, и тех, кто ими управляет…». Срок давался две недели.

Советская власть стремилась восстановить страну, но её планам противопоставлялись действия бывших офицеров и тех сил, которым помогали иноземные службы - дипломатические и специальные - из тех стран, которые ещё недавно были союзниками России по антигерманской коалиции.

Ровно через месяц после Октябрьской революции Англия и Франция, с ведома и согласия США, заключили тайное соглашение о разделе сфер влияния в России: Франция бралась удушить советскую власть на Украине, в Крыму и в Бессарабии; Англия - на Дону, Кубани, Кавказе. Втайне готовился удар на Севере. Соглашение не осталось на бумаге: весной 1918 года американские войска высадились в Мурманске.

Опыт ВЧК, пусть и небольшой, убеждал: в стане противника нужно иметь своих людей, чтобы знать заранее об их замыслах, предвидеть развитие ситуации и упреждающим ударом вовремя разрушить их. Задание Буйкису как раз и являлось важным звеном в больших планах нарождающейся госбезопасности страны.

В легенде по проникновению в среду бывших офицеров царской армии, нелояльно настроенных к советской власти, было желание этих офицеров привлечь на сторону контрреволюции латышей, имевших опыт войны. Вся легенда была фактически сосредоточена в одной фразе: «Мы подпоручики царской армии, представляем организацию недовольных латышей». «Мы» - это Ян Буйкис и его друг детства Ян Строгис. В этой операции - Буйкис стал Шмидхеном, Строгис - Бредисом.

В Петрограде молодые чекисты оказались в «пёстром» войске, состоявшем из разного рода авантюристов и проходимцев, разочаровавшихся лиц и неразобравшихся в ситуации с революцией. Чекисты искали подходы к идейным противникам и особенно к тем, кто был связан с иностранными государствами. В конце концов чекистам удалось проникнуть в военно-монархическую организацию. Во главе её стояли кадровые офицеры старой армии, которые умели мыслить строго и логически, владея методом психологического воздействия.

После проверки латышам доверили сокровенные тайны организации: имеются склады с оружием, ориентируются на заграницу и ищут с ней связи, в Архангельске создана близкая по духу организация военных. Важнейшими сведениями для штаб-квартиры на Лубянке стали: питерские военные из числа бывших офицеров ведут поиск подобных организаций в других городах и намереваются свести их в единую организацию для борьбы с Советами.

Вновь раскрытую организацию взяли под свой контроль питерские чекисты. Они собирались внедриться в неё своими силами и от её имени выйти на военных на Севере.

Чекисты-латыши получили из Москвы задание: проникнуть в латышский клуб, который одна из связанных с заграницей организаций намеревалась использовать в своих целях. Шаг за шагом чекистам удалось заинтересовать собой «новых друзей». Доверие к ним привело к контакту с представителями антисоветски настроенных чинов из Адмиралтейства. Начались деловые переговоры.

Удача сопутствовала Буйкису - он познакомился с Кроми, английским военным атташе, кадровым разведчиком. Кроми занимался петроградской контрреволюционной организацией, и именно он сколотил такую группу из русских военных моряков.

Из разных источников в руках чекистов оказалось достаточно косвенных доказательств того, что дипломатические представительства Англии, Франции и США стали штаб-квартирами контрреволюционных организаций. Однако чекисты ещё не знали, что именно Локкарт стал средоточием внешней и внутренней контрреволюции и что он плетёт

паутину опасного заговора против Советской республики.

В мае в Вологде на совещании дипломатических представительств трёх государств под руководством Локкарта был разработан план создания единого антибольшевистского фронта в европейской части России. План предусматривал использование чехословацкого корпуса в Поволжье с опорой на армии белых на юге, а на севере - использование войск уже высадившихся там союзников.

Локкарт посланцев Кроми принял. Дав ознакомиться с письмом своего коллеги из Питера французскому генконсулу, он наметил план использования латышей: с помощью Шмидхена и Бредиса подкупить латышских стрелков и с их помощью арестовать советское правительство.

Известно, что в таких серьёзных организациях надёжность участников играет первостепенную роль. Поэтому в обсуждении степени доверия к латышам приняли участие Локкарт, французский генконсул и доверенное лицо британского правительства Рейли. Взвесив все «за» и «против», в конце концов они пришли к выводу: латыши с ними искренни и на них можно положиться. Мнение Рейли о латышах имело главенствующее значение, как говорил в мемуарах Локкарт: «Девяносто девять процентов из ста он за использование Шмидхена и Бредиса в операции».

И всё, для негласного контроля за поведением латышей в Москву приехал лично сам Рейли.

Так началась дуэль молодых советских разведчиков-контрразведчиков с матёрыми профессионалами во главе с Локкартом. А это означало: психологическая борьба, мобилизация духовных сил, работа на уровне напряжения до предела нервов.

Локкарт провёл с латышами три встречи: знакомство при доставке письма, затем беседа о конспиративности действий - одобрил предусмотрительность латышей, взявших себе псевдонимы, и наконец - задание. Но всё это время шла психологическая обработка латышей: в России всё созрело для взрыва. Поставлена задача: подкупом и шантажом поднять против советской власти латышские части, охраняющие Кремль и другие правительственные здания. Затем, с их помощью и при поддержке подпольных организаций из офицеров старой армии, свергнуть Советы. Главной и первой задачей Локкарт назвал арест и ликвидацию Ленина.

Тревожная информация ушла в ВЧК.

Для координации действий с американским генералом Пулем латыши получили задание выехать на север. Локкарт вручил им документы, по которым Шмидхен выступал в этом случае под своим именем:

«Британская миссия, Москва, 17 августа 1918 года.

Всем властям России.

Предъявитель сего, лейтенант Ян Буйкис из латышских стрелков, имеет важное поручение от Британской штаб-квартиры в России.

Обеспечивайте ему свободный проход и оказывайте всемерное содействие.

Локкарт, британский агент в Москве».

Поручение и документы позволяли выявлять дислокацию северной группировки войск союзников-заговорщиков и принимать меры к противодействию интервенции.

Однако к 30 августа обстановка в стране накалилась и требовала принятия срочных мер. К этому времени чекисты получили сведения о том, что на 31 августа в Петрограде назначена тайная встреча Рейли с руководителями белогвардейского подполья, организатором которого был Кроми.

Операция по захвату заговорщиков началась.

Был арестован Локкарт, в Петрограде в перестрелке убили Кроми, Рейли исчез. В руки чекистов попали важные документы из британского посольства: коды, шифры, агентурные донесения, списки главарей различных формирований и агентуры, работавших на британскую разведку. Теперь чекисты располагали явками и адресами конспиративных квартир.

Локкарта обменяли на советского полпреда в Великобритании Литвинова, и потому британский посол-разведчик на скамью подсудимых не попал. Однако другие, не защищённые иммунитетом дипломатов, оказались там вместе со своими агентами из числа русских и иностранцев.

Расследование антисоветской деятельности дипломатов Великобритании, Франции и США, судебное разбирательство и приговор привели к ликвидации широкой сети контрреволюционного заговора. Случилось это благодаря тому, что чекисты Буйкис и Строгис за короткое время - с мая по август - проникли в планы заговорщиков и дезорганизовали усилия трёх разведок. В жестокой схватке молодых сотрудников победило настойчивое желание быть выше профессионалов-разведчиков Запада, особенно в вопросах легендирования. Им удалось довести до сведения противника только то, что могло ввести его в заблуждение. Они заставили поверить западных специалистов в свою искренность.

Торжеством чекистского мастерства стало то, что опытный Локкарт и его не менее маститые в делах спецслужб коллеги-разведчики Кроми и Рейли поверили в легенды, разработанные в ВЧК и донесённые до них молодыми сотрудниками госбезопасности Советской России, которой на момент завершения операции не было ещё и года.

1921-1927. Операция «Трест»

Ещё древние подметили одну особенность в действиях человека, а в древние века философы сформулировали эту особенность в «постулат разумности». Краткая «формула» этого постулата определяет фактически

каждый шаг человека с момента его рождения. Универсальность постулата заключается в возможности его применения для людей всех профессий: от труженика села до премьер-министра, в том числе разведчиков и агентов.

Так что же это за формула «Цель - средство - результат»? Фактически многочисленные и пространные описания тех или иных действий разведки можно лаконично суммировать в рамках трёх составляющих «постулата разумности».

Это можно проследить на примере краткого изложения масштабной и долговременной операции «Трест-2», которую несколько лет проводили ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Однако, чтобы сформулировать такой постулат, следует выстроить хронологический ряд событий в работе молодых органов госбезопасности Советской России на контрразведывательном направлении противодействия военным формированиям белой эмиграции за рубежом.

Май 1921 года. В Германии работает монархический съезд, собравший делегатов из многих стран мира. На съезде присутствует русская эмиграция, в том числе военная. Съезд избирает Высший монархический совет (ВМС) и определяет своей главной целью свержение большевистского правительства в России. Констатировано: успеха можно добиться, если в Советской России будет действовать организация единомышленников ВМС, ибо наличие такой организации поднимет авторитет ВМС в руководящих кругах западных стран и можно будет рассчитывать на их материальную и военную поддержку.

Ноябрь 1921 года. ИНО ВЧК перехватывает письмо некоего белогвардейца из Российского общевойскового союза (РОВС) в адрес ВМС. В письме шла речь об ответственном работнике Наркомпути Якушеве, который, будучи проездом в Швецию через Ревель (Таллин), сообщил следующее: в Москве и Петрограде продолжают подпольно действовать разрозненные группы приверженцев монархии, и он принимает меры к их объединению. Якушев высказался за контакты с ВМС с целью объединения усилий по свержению советской власти.

Из письма: «Якушев крупный спец. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение - мнение лучших людей России… После падения большевиков спецы станут у власти. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России… В стране существует, действует контрреволюционная организация. В то же время впечатление у него об эмиграции ужасное. «В будущем милости просим в Россию, но импортировать из-за границы правительство невозможно. Эмигранты не знают России. Им надо пожить, приспособиться к новым условиям…» Якушев дальше сказал: «Монархические организации из Москвы будут давать директивы организациям на Западе, а не наоборот…»

В письме говорилось о нежелательности террористических действий, а также об иностранной и добровольческой интервенции, которые не

встретят сочувствия у населения страны.

Из письма: «По его мнению, большевизм выветривается… Предлагает реальные условия связи между нами и москвичами. Имён не называл, но, видимо, это люди с авторитетом и там, и за границей…»

Ноябрь-декабрь 1921 года. С письмом ознакомлены А.Х. Артузов, начальник контрразведывательного отдела ВЧК, и Ф.Э. Дзержинский, председатель ВЧК. Принимается решение о создании легендированной монархической организации на территории России под контролем ВЧК для секретной игры с ВМС. Цель игры: срыв террористических и военно-диверсионных устремлений белой эмиграции против Советской России. В основу стратегической политической линии такой организации положена позиция Якушева: «…правительство будет создано не из эмигрантов».

ВЧК ставит задачу: переубедить Якушева и предложить ему встать на сторону Советского государства. Упор при перевербовке делается на его патриотизм и неординарность мышления. Согласие сотрудничества с ВЧК было получено, и Якушев поставлен во главе легендированной Монархической организации Центральной России (МОЦР). Операция получает кодовое название «Трест».

Январь 1922 года. Якушев совместно с чекистами формирует коллективный политический совет МОЦР, в который входят и используются «втёмную» камергер царского двора и бывший крупный помещик - балтийский барон, нефтепромышленник, тайный советник и предприниматель - все люди заметные в дореволюционной России. Председатель политсовета - Якушев, глава МОЦР - профессор академии РККА (бывший генерал царской армии). Во главе военной секции - генерал Красной Армии (бывший начальник военной разведки).

Ноябрь 1922 года. Прикрываясь делами Наркомпути, Якушев выезжает в Германию. От Ревеля его сопровождают автор перехваченного письма и племянник генерала Врангеля, возглавляющего РОВС. Установив контакт с ВМС, Якушеву удаётся убедить его членов в том, что они имеют дело с серьёзной и дееспособной организацией. Обсуждены вопросы взаимоотношений и связи между ВМС и МОЦР, а также вопросы помощи ей в разработке программы и тактики действий на территории России. Связь - личная и через диппочту в Эстонии.

После доклада Якушева руководству ВЧК ему ставится параллельная задача - выход на иностранные разведки. Это удаётся сделать, включив в текст письма для ВМС «материалы» о Красной Армии (эти сведения фиксирует эстонская разведка и информирует о них поляков). Так начинается дезинформационная акция об РККА в адрес эстонской и польской разведок.

1923 год. Во время командировки в Берлин и Париж Якушев ведёт переговоры с руководством ВМС и Организацией русской армии (ОРА). Речь идёт о программе действий и обмене информацией. Договариваются, что вся работа ОРА на территории Советского государства предварительно должна согласовываться с МОЦР. Якушеву удаётся

усилить разногласия между руководством ОРА и ВМС.

Осень 1923 года. ОРА направляет в Москву эмиссара с целью проверить реальность работы МОЦР на месте. Эмиссар выходит на двух своих знакомых - бывших офицеров, которые оказываются агентами ОГПУ. Доклад эмиссара в ВМС: МОЦР дееспособна и есть возможность создать ячейки монархистов в среде военных Красной Армии (легендированная организация военных создана).

По линии ВМС для проверки работы МОЦР в Москву прибывают представители генералов Кутепова и Врангеля, но визит последнего с МОЦР не согласовывался. Человек Кутепова даёт положительную оценку деятельности МОЦР, а представитель Врангеля арестован.

1924 год. МОЦР принимает в России представителей белой военной эмиграции. Их убеждают не предпринимать террористических и диверсионных действий на данном этапе, чтобы не спровоцировать активность госбезопасности, которая может привести к провалу ещё не окрепших ячеек МОЦР.

В ОГПУ принимается решение усугубить раскол в белом движении между сторонниками Врангеля (монархисты) и Кутепова (немонархическая молодёжь).

Середина 1924 года. МОЦР устанавливает контакт с финляндской и британской разведками. По этим каналам передаётся дезинформация военно-политического характера. Англичане стремятся расширить контакты с МОЦР.

Сентябрь 1924 года. Будучи в Финляндии, Якушев убеждает британского разведчика Рейли прибыть в Москву для переговоров с политсоветом МОЦР о работе с британской разведкой. При переходе границы чекисты имитируют гибель Рейли в перестрелке. Переход проводит командир заставы Тойво Вяха, подставленный чекистами как содержатель «окна» на границе. «Суд» и «расстрел» командира-«предателя» закрепляет легенду гибели Рейли. Рейли арестовывают позднее в Москве.

Декабрь 1925 года. МОЦР «тайно» принимает в Советском Союзе В.В. Шульгина, в прошлом крупного помещика, убеждённого монархиста, видного политического деятеля царской России, бывшего члена Государственной думы, хорошо известного в кругах белой эмиграции.

Шульгин конспиративно встречается с представителями МОЦР, где ему подсказывают мысль о написании книги по визиту в Красную Россию. В дальнейшем Шульгин согласовывает рукопись книги с МОЦР. Книга вышла в 1926 году и, кроме критики в адрес Советской власти, содержала и положительную оценку, в частности: народ бывшей Российской империи не погибает в разорении и не деградирует, не помышляет о реставрации царизма и в своём большинстве поддерживает Советскую власть.

Начало 1926 года. МОЦР сдерживает требования военизированных эмигрантских организаций за рубежом об активизации подрывной работы

в СССР. Ими предлагаются конкретные планы: место, характер действий, время.

Ноябрь 1926 года. Усиливается давление на руководство МОЦР со стороны ВМС, ОРА, РОВС и других. Они требуют действовать активно и немедленно, в течение ближайших месяцев. МОЦР не в состоянии сдерживать террористические и другие подрывные акции белой эмиграции. Упорное нежелание заниматься подрывной работой начинает вызывать у зарубежных «союзников» МОЦР серьёзные подозрения.

Февраль 1927 года. В ИНО ОГПУ принимается решение о завершении операции «Трест». Для более полного выявления намерений и возможностей главы ВМС А.П. Кутепова по проведению терактов в СССР на встречу с ним в Финляндию выезжают представители военной секции МОЦР, в том числе её «военно-морской атташе» (сотрудник РУ ГШ РККА).

Требования ВМС: точные сроки активных действий. Мнение МОЦР: беречь силы «для достижения конечной цели - свержения советской власти и установления монархии в России».

Апрель 1927 года. В Финляндию уходит один из членов МОЦР - сотрудник ИНО. Он раскрывает перед финской спецслужбой истинную роль этой организации, как контролируемую госбезопасностью. Глава ВМС приказывает перебежчику и ещё двоим членам МОЦР («чистым») уничтожить руководство легендированной организации. При попытке ареста на территории России троица покончила с собой.

Июль 1928 года. Из сообщения ИНО ОГПУ: «В 1927 году Кутепов перед террористическими актами был в Финляндии. Он руководил фактически выходом террористов на территорию СССР и давал указания у самой границы. По возвращении в Париж Кутепов разработал сеть террористических актов в СССР и представил план на рассмотрение штаба, который этот план принял…».

План предусматривал убийство членов правительства, руководства госбезопасности, диверсии на военных заводах и так далее. План был конкретным и развёрнутым.

Каковы итоги операции «Трест»?

К 1927 году разведка располагала в ВМС, РОВС, ОРА надёжными агентурными возможностями, и потому большинство прибывавших в СССР террористов и диверсантов были задержаны. ВЧК-ГПУ-ОГПУ выиграли время, сдерживая активную работу военной эмиграции в Советском Союзе. Были созданы условия для контроля за действиями военных эмигрантских формирований за рубежом через внедрённых в эти организации агентов. Перед западными спецслужбами военная эмиграция была скомпрометирована как связанная с советской госбезопасностью.

Выход МОЦР на разведки Эстонии, Польши, Финляндии, Великобритании, Франции, Японии, Италии и частично США позволил дезинформировать военное командование этих стран об истинном состоянии Красной Армии. Преувеличение её военной мощи вело к отказу

западных правительств от интервенции против СССР. В обеспечении операции «Трест» информацией характерен и такой факт: «сведения» готовились в специально созданном под эту операцию Бюро по дезинформации.

Теперь рассмотрим «постулат разумности» на примере операции «Трест».

Цель - противодействие террористической и диверсионной деятельности белоэмигрантских военных формирований в СССР.

Средство - сдерживание их действий путём проникновения в среду эмиграции агентуры с помощью легендированной антисоветской организации, якобы существующей в СССР.

Результат - дезорганизация усилий белой эмиграции по свержению советской власти путём военных действий с опорой на помощь западных правительств; дискредитация белой эмиграции в глазах спецслужб Запада как контролируемой советской госбезопасностью.

Советская разведка в операции «Трест» смогла своими действиями найти своеобразную формулу зависимости между «предвидением и упреждением» намерений противника и «противодействием и сдерживанием», ведущую в конечном счёте к дезорганизации деятельности противника и дестабилизации отношений бедой эмиграции с западными правительствами в целом.

Успех, причём многолетний, был обеспечен разведке ещё и потому, что было верно выбрано место и время проведения этой акции тайного влияния.

1923-1927. Бюро дезинформации

В 20-х годах Западом была развёрнута широкомасштабная кампания против Страны Советов: искажали её внутреннюю политику, представляли внешние усилия правительства как агрессивные, призывали к политическому и экономическому бойкоту страны на международной арене.

В организации этой кампании главную роль играли западные спецслужбы, которые опирались на агентуру внутри нашей страны и на белоэмигрантские круги за рубежом. Такие действия наносили заметный ущерб престижу Советского государства на международном поприще, мешая развитию нормальных внешних сношений и торгово-экономических связей.

К началу 20-х годов в Иностранном отделе (ИНО) ГПУ были определены пути борьбы с антисоветскими нападками из-за рубежа, намечены действия по активному повышению авторитета советского правительства в международных делах. В целях борьбы с пропагандой противника было предложено создать условия для ведения, как говорилось в то время, «активной разведки» на основе предвидения и упреждения шагов противника. Такие условия должно было создать

специальное подразделение внутри разведки.

Так, в январе 1923 года в составе ИНО появилось бюро, работа которого с этого момента стала одним из важнейших направлений деятельности внешней (политической) разведки советской госбезопасности.

В советское время разведывательные операции по дезинформации противников советской власти имели несколько служебных определений: «акции влияния», «оперативная дезинформация», «оперативные игры», «активные мероприятия», «мероприятия содействия» и другие. Термины - терминами, но главное было в сути: и тогда, и сегодня они обозначают целенаправленное действие для введения в заблуждение реального либо потенциального противника относительно своих истинных намерений. Особенно в тех действиях разведки, которые не могут быть достигнуты открытым путём в отношении «объекта воздействия».

Фактически традиция проведения масштабных акций тайного влияния всегда была неотъемлемой частью работы советской разведки. Конечно, делалось это в интересах внешнеполитических усилий Советского государства.

Как же развёртывалась её работа в 20-е годы по противодействию тем, кто дезинформировал мировую общественность и в ложном свете выставлял намерения и конкретные действия советского правительства? В органах госбезопасности провели анализ антисоветских акций в области политики, экономики, торговли и выявили два вида «активных мер»: открытые - официальная антисоветская пропаганда и тайные - скрытая пропаганда в устном, письменном и документальном видах.

И весь богатый опыт из арсенала мировой и отечественной дезинформации разведка взяла на вооружение, встав таким образом на защиту интересов новой власти от посягательств западных спецслужб и их правительств.

Уже в том, 1923, году уровень работы разведки в области дезинформации держался под наблюдением в высших государственных сферах. Документы тех лет, сохранившиеся в Президентском архиве РФ и имеющие отношение к первому бюро по дезинформации, свидетельствуют о том, что эта работа находилась под контролем И.В. Сталина - ему направлялись особо секретные материалы.

Было особое постановление ЦК РКП(б) о создании при ВЧК-ГПУ специального межведомственного бюро по дезинформации (Дезинфбюро). В бюро вошли: ГПУ, представители ЦК, НКИД, Реввоенсовет Республики (РВСР), Разведупр РККА. Руководство страны поставило перед Дезинфбюро следующие задачи, перечень которых приводится ниже в порядке значимости для государства:

- учёт сведений из ГПУ и Разведупра о степени осведомлённости иностранных разведок об СССР;

- выявление степени осведомлённости противника об СССР;

- подготовка ложных сведений и изготовление документов, искажающих в интересах государства истинное положение вещей внутри страны, в Красной Армии, политических и советских организациях, НКИД;

- доведение до противника таких документов следует осуществлять через ГПУ и Разведупр;

- готовить статьи для периодической печати и основу для фиктивных материалов, причём в каждом отдельном случае согласовывать их с одним из секретарей ЦК.

Таким образом, в области «дезинформационной войны» Советского государства с Западом ещё на заре работы ИНО (создано в 1920 году) были сформулированы две стратегические задачи: следить за враждебными действиями западных спецслужб (правительств) против Страны Советов и готовить ответные дезинформационные акции для ослабления военно-политических угроз стране.

Дело в активной дезинформации доходило до курьёзов. Так, советские разведчики путём дезинформации британской разведки о работе несуществующего антисоветского центра в СССР смогли получить от неё более миллиона рублей золотом на его поддержку. Дальше - больше: подтолкнули руководство британских спецслужб на мысль о поощрении наградами Великобритании активных членов «антисоветских организаций», которые к тому времени состояли из кадровых чекистов и их агентуры.

Для понимания в дальнейшем «дела Пеньковского» следует привести ещё один пример о проникновении разведки в круг западных спецслужб, работающих против Советов.

В начале 30-х годов под видом бежавшего от преследования большевиков был выведен в Румынию сотрудник ИНО ОГПУ. Его прикрытием была легендированная антисоветская подпольная группа технических работников в Одессе. Подозрения в отношении советского разведчика со стороны румынских спецслужб были сняты, когда в Одессе чекисты инспирировали раскрытие «подпольной группы», о чём было сообщено в местной прессе.

Кроме румын, интерес к разведчику проявили спецслужбы и лично резидент британской разведки (СИС) в Бухаресте. Он «завербовал» пришельца из Советского Союза и поставил ему задание по сбору информации «в интересах правительства Его Высочества». Четыре пункта задания касались Черноморского военно-морского флота: размещение кораблей, характеристики подводных лодок и их строительства, оборонительные сооружения. И всё это должно было быть привязано к Севастополю, Николаеву, Одессе.

Разведчиком были получены задания (которые он «выполнял») от румын, англичан и местных белоэмигрантских группировок. Ответы готовились тщательно, дозируя степень «достоверности» согласно растущему интересу «заказчиков» - СИС, Сигуранцы, эмигрантов.

Несомненно, в 20-х годах самыми результативными были операция «Трест» и связанные с ней четыре операции «Синдикат» (1921-1927). Большую роль в успехах этих операций сыграло Бюро по дезинформации, известное ещё и как «бюро Уншлихта» (И.С. Уншлихт, заместитель председателя ГПУ был инициатором, создателем и руководителем этого бюро).

И вот итог работы Бюро на юге страны: разведка проникла в агентурную сеть британской, румынской и белогвардейских спецслужб, собрала сведения об интересе Запада к военно-политической жизни СССР, провела акции по дезинформации противника.

Бюро в рамках ВЧК-ГПУ-ОГПУ просуществовало недолго (формально в 1923-1927 годы). Несмотря на широкий круг акций тайного влияния как успешных, так и менее успешных, в архивах разведки фактически не оставлено документов с подробным описанием конкретных операций. Чаще всего вообще отсутствует даже косвенное упоминание о тех разведчиках и агентах, которые были причастны к их разработке либо реализации.

Почему так случилось? Бюро по дезинформации сохраняло секретность акций тайного влияния, которые вторгались в интересы других государств, причём при прямом участии в их разработке высших государственных органов СССР («фактор причастности»), а потому своевременно избавлялось от «взрывоопасных» документов, компрометирующих советское правительство - особенно при случаях применения и реализации далеко не джентльменских приёмов.

Не с этих ли позиций следует оценивать и другие «спорные акции» советской госбезопасности: операцию «Синдикат-4» («привлечение» в МОЦР крупного советского военачальника М.Н. Тухачевского), «Снег» (ускорение военного столкновения США с Японией в 1941 году) или в данном случае - «дело Пеньковского».

1940-1941. Операция «Снег»

После начала Второй мировой войны внешняя разведка усилила работу по расширению агентурной сети в европейских странах - Германии, Великобритании, Франции и за океаном - в США.

К началу Великой Отечественной войны в нацистской Германии активно действовали две группы антифашистов Корсиканца и Старшины, информация которых носила военно-стратегический характер в период советско-германского противостояния до середины 1943 года, то есть до и во время Битвы за Москву, Сталинградского сражения и битвы на Курской дуге. Это были результаты информационных усилий десятков членов «Красной капеллы», трагически погибших в конце 1942 года.

В Англии нашей разведке удалось продвинуть агентов в главные британские ведомства - МИД, Военное министерство, в спецслужбы. Агенты «Кембриджской пятёрки» с 30-х годов делали шаг за шагом к триумфу советской разведки: из 19 тысяч документов, добытых

лондонской резидентурой за годы войны, через руки «Пятерки» прошли 17 тысяч, причём от Джона Кернкросса - 6 тысяч из дешифровальной службы по советско-германскому фронту.

Однако в преддверии нападения Германии на СССР советское правительство и военное командование остро интересовала обстановка на флангах будущей войны - возможном закавказском фронте (прогермански настроенный Иран), среднеазиатском (влияние немецких и других спецслужб «оси» в Афганистане) и особенно на дальневосточном направлении, где в сопредельном с СССР Китае уже хозяйничала Япония, союзник Германии по «оси» Берлин-Рим-Токио.

Стабилизация обстановки с граничащими с Советским Союзом странами носила стратегическое значение, особенно во время Битвы за Москву.

О положении дел на дальневосточном направлении разведка регулярно докладывала в Москву, в частности о борьбе двух группировок в японских вооружённых силах - командования сухопутной армии, которое стояло за немедленную войну против СССР, и командования военно-морского флота, которое считало, что надо начинать с захвата территорий в Юго-Восточной Азии, то есть с войны на Тихом океане, а потом уже вести военные действия против Советского Союза.

Влияние советской разведки на ход военных событий в этом регионе сказалось в организации и проведении операции «Снег», стратегический замысел которой преследовал втягивание в войну с Японией США.

Операция «Снег» зародилась в недрах штаб-квартиры внешней разведки в Москве и к её разработке имели прямое отношение сотрудники американского отдела: легендарный разведчик-нелегал Исхак Ахмеров и один из первых выпускников Школы особого назначения (ШОН) в 1938 году Виталий Павлов. Курировал эту операцию лично Л.П. Берия.

Знаток Америки, нелегал с десятилетним стажем, Ахмеров понимал, что необходимо в прямом смысле слова припугнуть Японию. И сделать это должны были американцы. Япония находилась в «подбрюшье» нашего Приморья и, как ни странно, именно американцы в годы Гражданской войны отстранили Японию от Дальнего Востока. Эта «сила» могла быть направлена против Японии и в годы Второй мировой войны.

Подтолкнуть США к серьёзной конфронтации, вплоть до военных действий, означало отвлечь японскую военщину от СССР. И Ахмеров и Павлов искали в Америке человека, который мог бы прислушаться к аргументированным доводам: Японию за разбой в Юго-Восточной Азии следует припугнуть.

Среди связей Ахмерова оказался такой человек - Гарри Уайт, выходец из Литвы и ближайший советник министра финансов США. В своё время, работая в Штатах с нелегальных позиций, Ахмеров заинтересовал собой Уайта, представившись китаистом и знатоком Дальнего Востока.

Павлов вспоминал: «Мы понимали, что Уайт может сделать в Америке

то, что мы хотим предложить. Вопрос в том: кто с ним поговорит?» Ахмеров к тому времени был отозван из США по приказу Берии. Поэтому было принято решение: для встречи с высшим правительственным чиновником Г. Уайтом поедет Павлов как приятель «китаиста», белоэмигрант, осевший в Китае. Сам «китаист» всё ещё в Китае, но у него есть идея: хватит поощрять аппетиты японской военщины. Это значит - американскому правительству нужно договориться со Страной восходящего солнца на следующих условиях: прекращение агрессии и вывод войск с оккупированных территорий в регионе. Это, по мнению «китаиста», путь к надёжному миру.

Когда план операции был детально завершён, Павлов доложил его наркому внутренних дел Берии. Дав согласие на её проведение, нарком, как вспоминает Павлов, приказал готовить операцию в полной тайне и, кроме того, ещё подчеркнул: «После операции вы забудете про «Снег» навсегда. И чтобы не осталось никаких следов - ни в едином деле, ни клочка бумаги...». Павлов говорил: «Это был странный приказ, и выполнили его досконально» (Кстати, операция была названа «Снег» в связи с тем, что фамилия Уайт в переводе с английского означает «белый»).

Так, весной 1941 года Уайт получил от «китаиста» «шпаргалку-тезисы», а принёсшему ему эту записку Павлову высказал согласие с «идеей» в отношении Японии.

В конце ноября 1941 года японский МИД был встревожен, получив памятную записку от правительства США. Это была известная теперь «нота Хелла» (по имени американского госсекретаря того периода). В Японии требования американцев восприняли как ультиматум: вывод войск из Китая и Французского Индокитая, прекращение поддержки правительства Маньчжоу-Го и выход из Тройственного пакта «Берлин-Рим-Токио».

«Нота» «помогла» «морской партии» в Японии определиться в отношении войны с США на Тихом океане. И японские авианосцы скрытно направились к Гавайским островам. 7 декабря японские самолёты двумя волнами уничтожили американский флот в бухте Пёрл-Харбор.

В Москве, у стен которой только за день до этого началось величайшее контрнаступление, нападение японцев на США воспринято было как весть стратегического значения: вовлечённая в войну Япония больше не сможет напасть на СССР, имея три фронта - в Китае, Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Теперь они не решатся открыть четвёртый фронт в Советском Приморье. Советско-японский фронт на Дальнем Востоке так и не был открыт, и в Битве за Москву участвовали снятые оттуда сибирские дивизии.

И снова в этой акции тайного влияния, как и в операциях 20-х годов, разведка проявила особенности своих действий: предвидение и упреждение намерений противника, а в данном случае - ускорение военной конфронтации между США и Японией с целью ликвидации

стратегической напряжённости на наших восточных границах.

Другой существенной особенностью акции стала возможность влияния её на ход Московского сражения, главным достижением которого стала истина и для советского народа и для всего мира: блицкриг Гитлера сорван и «фашистов можно бить!».

«Красная капелла»

Ярким примером совместной работы разведки госбезопасности и военной разведки стала преемственность в создании и работе в Германии с антифашистской группой «Красная капелла» (1935-1942).

Начало в создании группы (выход на её первого руководителя) положил военный разведчик Александр Владимирович Островский-Гершфельд (1897-1962). В личном (домашнем) досье ветерана партии с 1918 года, участника Гражданской войны, чапаевца, военного разведчика в предвоенные годы, добровольца-ополченца и гвардии-капитана в годы войны, учёного-историка содержатся сведения о том, что он находился в Германии под дипломатическим прикрытием (1931-1938): секретарь посольства в Берлине, генконсул в Восточной Пруссии и Гамбурге.

В Кёнигсберге он познакомился с Арвидом Харнаком, одним из будущих руководителей подпольной организации «Красная капелла», изучил его и передал на связь сотруднику берлинской резидентуры госбезопасности.

Итак, фактически с середины тридцатых годов советская внешняя разведка начала получать на постоянной основе исчерпывающую информацию из главных государственных ведомств Третьего рейха.

Руководители двух групп патриоты-антинацисты Арвид Харнак («Корсиканец») и Харро Шульце-Бойзен («Старшина») передавали сведения о военно-стратегических планах Германии в Европе и против СССР, о разработке и производстве новых видов вооружения, планах германского командования в битвах за Москву и по блокаде Ленинграда, о проведении операций в районе Сталинграда и о подготовке вермахта к кампании 1943 года.

Арвид Харнак (1901-1942) был выходцем из старинной и известной семьи прибалтийских немцев, в политическом движении с 1919 года на стороне социал-демократов. Во время пребывания в США оформились его коммунистические взгляды (1922-1924). В 1930 году его привлекли к работе в Союзе работников умственного труда при Компартии Германии. В 1935 году, являясь сотрудником германского Министерства хозяйства, пошёл на сотрудничество с советской разведкой госбезопасности.

Другой руководитель подпольной организации Харро Шульце-Бойзен (1909-1942) вышел из аристократической семьи потомственного военного и был внучатым племянником и крестником адмирала фон Тирпица. Увлёкся социалистическими идеями. С приходом к власти нацистов был арестован, но по протекции друга семьи Геринга освобождён. По рекомендации этого видного нациста пришёл в авиацию, окончил лётную

школу и был зачислен в штаб ВВС Вооруженных сил Германии (контрразведывательный отдел).

В две подпольные группы организации входили видные учёные, военные, промышленники.

В 1939 году связь с Корсиканцем и Старшиной прервалась и была восстановлена лишь в декабре 1940 года. За последующие 20 месяцев от обеих групп «Красной капеллы» в Центр регулярно поступала информация военно-стратегического значения.

В канун войны, в полные тревожного ожидания дни, сведения от организации поступали в Центре к Зое Васильевне Рыбкиной. К этому времени (с 1937 года) существовал в разведке запрет на занятие аналитической работой в стенах штаб-квартиры. И тем не менее Рыбкина за неделю до нападения подготовила простейшую аналитическую записку для доклада И.В. Сталину.

В ней утверждалось, что нападение Германии на Советский Союз можно ожидать в любой момент. Докладная записка охватывала период с ноября 1940 года по середину июня 1941 года. Это были даты, источники, строки из сообщений. Всего пятьдесят выдержек с кратким заключением: страна на пороге войны!

17 июня документ был закончен, и в его последних строках прозвучало: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удара можно ожидать в любое время». Это была цитата из разведсообщения Корсиканца.

Записка, доложенная Сталину руководителем разведки Фитиным, была воспринята как паническая. Но... до начала войны оставались считаные часы. И здесь сыграли трагическую роль в определении даты начала войны не только недоверие главы государства к своей разведке - госбезопасности и военной. Но и изощрённая дезинформационная кампания немцев. В результате чего советская разведка была скомпрометирована в глазах своего руководства страной: источники самого высокого ранга в Германии, Японии, Англии, США и в других странах сообщали те сведения о дате нападения на СССР, которые распространялись в военных, промышленных, дипломатических кругах Третьего рейха с целью дезинформации.

Германская машина введения в заблуждение противника отрабатывала свои «технологии блефа» на операциях «Гельб» (против Бельгии), «Вайс» (нападение на Польшу), «Грюн» (вторжение в Чехословакию), «Зонненблюм» (военные действия в Африке), «Марита» (захват Югославии и Греции), «Морской лев» (вторжение в Великобританию).

И всё же советская разведка довела до сведения руководства Союза достоверную информацию, просчитав все ходы гитлеровской подготовки к нападению на Советский Союз. Трагедией для разведки стал факт неадекватного отношения к её информации политического и военного

руководства страны.

Самым сложным моментом в работе групп «Красной капеллы» после начала войны была организация связи с Центром. Антифашисты располагали информацией, которую требовалось срочно передавать в Москву. И потому в работу на канале связи с организацией подключили возможности военной разведки.

Шульце-Бойзен сумел получить стратегический план военных действий немецкого Верховного командования на 1942 год. Речь шла о наступлении в южном направлении в сторону Кавказа с целью пополнения запасов горючего для ВВС, танковых частей и другой боевой техники в связи с тем, что своих запасов в Третьем рейхе хватало лишь до марта.

Были переданы в Центр также сведения о возможности усиления немецких войск под Москвой и Ленинградом за счёт перевода воздушно-десантных частей с острова Крит. Была получена стратегически важная информация о том, что штурма города на Неве не будет, поскольку принято решение о блокаде.

Уже в первые месяцы войны организация регулярно сообщала о значительных потерях немецких ВВС, о сложности поставок в армию новых самолётов, о намерении Гитлера рассмотреть вопрос о начале химической войны. Но уже с конца июня вся эта информация шла по каналам военной разведки - РУ ГШ РККА НКО СССР.

После раскрытия групп «Красной капеллы» отдел контрразведки имперского управления безопасности Германии в секретном докладе Гитлеру, оценивая разведывательные возможности организации в пользу Советов, отмечал следующее:

«Они имели связи в имперском Министерстве авиации, в Верховном главнокомандовании Вооруженных сил, в главном морском штабе, в министерствах экономики, пропаганды и иностранных дел; в Берлинском университете, в расовом политическом ведомстве, в берлинской городской управе…»

Патриоты «Красной капеллы» были казнены неправедным судом Третьего рейха. Однако полученная от них информация «работала» в пользу советско-германского фронта в дни Курской битвы в 1943 году. Это были сведения о новейшей немецкой технике, её численности и военном потенциале Третьего рейха в год решительного перелома в Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом.

Посмертно руководители групп и другие активные члены антифашистской организации «Красная капелла» были награждены орденами Советского Союза - всего 20 человек.

1941-1945. Операция «Монастырь» - «Березино»

В предвоенные годы советские органы госбезопасности продолжали работу по упреждению действий противника. Они предвидели, что

германские спецслужбы будут искать контакты с недовольными советской властью гражданами из сословий, лишившихся своих привилегий после Октябрьской революции.

В канун нападения Германии на Советский Союз наша контрразведка ввела в поле зрения разведчиков абвера - из числа сотрудников германского посольства в Москве - некоего инженера с «Мосфильма». Абверовцы установили личность инженера и узнали, что он якобы связан с антисоветской группой «Престол» из «бывших». Контакт с ним они развивать не стали и оставили в покое, как предполагали чекисты, на перспективу.

Так была заложена предпосылка для проведения в годы войны наиболее крупных и важных по эффективности радиоигр «Монастырь» и «Березино».

«Некий инженер с «Мосфильма» - наш агент Гейне - Александр Демьянов, ставший для абвера Максом, превратился в значимый «источник информации» для командования вермахта. Руководство абвера считало, что Макс опирается в своей работе с германской разведкой на источники информации в окружении маршала Б.М. Шапошникова и генерала К.К. Рокоссовского.

Гейне был нашим проверенным агентом (с 1929 года), имевшим большой жизненный опыт. Передаваемая им дезинформация готовилась в Оперативном управлении Генштаба Красной Армии при участии одного из его руководителей С.М. Штеменко. Затем она возвращалась в Разведуправление Генштаба и передавалась для реализации в НКВД, где в разведке легендировалось её получение.

По свидетельству немецкого историка Винфреда Майера, данные Макса высоко ценились командованием вермахта. Об этом в восторженных тонах писали в своих воспоминаниях шефы германских разведок - Шелленберг (гитлеровской) и Гелен (западногерманской). Копии телеграмм Макса хранились в архивах рейхсфюрера СС Гиммлера под литерой «А».

Дезинформация, передаваемая Гейне, имела стратегическое значение. Так, в ноябре 1942 года Макс-Гейне предсказал, что Красная Армия нанесёт немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и подо Ржевом. Немцы ждали удара подо Ржевом и отразили его, но окружение группировки фельдмаршала Паулюса под Сталинградом было для них полной неожиданностью.

По замыслам генерала Штеменко, важные операции Красной Армии действительно осуществлялись в 1942-1943 годах там, где их предсказывал Макс-Гейне, но они имели отвлекающее и вспомогательное значение.

Как следует из воспоминаний Гелена, информация Макса (дезинформация Гейне) способствовала также тому, что принятие немцами решения о сроках наступления на Курской дуге неоднократно переносились и это было на руку командованию Красной Армии.

Следует отметить, что операция «Монастырь» с участием Гейне была задумана как чисто контрразведывательная. Действительно, Гейне пересёк линию фронта и был проверен немцами. Затем возвратился в Москву в качестве Макса - резидента германской разведки в начале 1942 года. С его помощью было захвачено только за один этот год более 20 агентов противника, в том числе немецких профессионалов-диверсантов. Однако позднее операция приняла характер стратегической дезинформационной радиоигры.

Накануне летнего наступления Красной Армии в Белоруссии в 1944 году И.В. Сталин вызвал Судоплатова (НКВД), Кузнецова (НКГБ) и Абакумова (военная контрразведка «Смерш»). Сталин одобрил план дальнейшего использования Гейне-Макса и предложил кардинально расширить рамки радиоигры. Он посоветовал создать у противника впечатление активных действий в тылу Красной Армии остатков германских войск, попавших в окружение в ходе нашего наступления.

19 августа 1944 года Генштаб сухопутных войск вермахта получил посланное Максом-Гейне в абвер сообщение о том, что соединение под командованием подполковника Шерхорна численностью 2500 человек блокировано Красной Армией в районе реки Березина. Так начался второй этап операций «Монастырь» и «Березино».

Для непосредственного руководства проведением операции к месту событий в Белоруссию выехали заместитель Судоплатова генерал-майор Эйтингон, начальник белорусского направления разведки НКВД-НКГБ полковник Маклярский и начальник радиослужбы Разведуправления Фишер, ставший известным после ареста в США в 1957 году, как полковник Рудольф Абель.

В действительности группировка Шерхорна в тылу Красной Армии не существовала. Германское соединение под его командованием численностью 1500 человек, защищавшее переправу на реке Березина, было разгромлено и пленено. Эйтингон и Маклярский при активном участии Гейне перевербовали Шерхорна и его радистов. С августа 1944-го по апрель 1945 года НКВД провело одну из самых успешных в истории этой войны радиоигру с Верховным командованием вермахта.

Дело в том, что германская спецслужба безопасности Генштаба сухопутных войск вермахта всерьёз думала использовать соединение Шерхорна для нарушения тыловых коммуникаций Красной Армии. С этой целью, в ответ на его просьбу о помощи, были посланы значительные подкрепления из числа специалистов по диверсиям. Была захвачена посланная для связи группа боевиков.

Гитлер произвёл Шерхорна в полковники и наградил Рыцарским крестом. Новоиспечённый полковник получил личное поздравление генерала Гудериана, мастера танковых ударов.

В начале апреля 1945 года, накануне завершения войны, командование вермахта прислало Шерхорну последнюю телеграмму, в которой ему предлагалось действовать по обстоятельствам. Максу было

приказано законсервировать источники информации и решительно порвать контакты с немецкими офицерами и солдатами-окруженцами, которым угрожало пленение.

Знаменательно, что Гелен, начальник разведки Западной Германии в послевоенное время, стремился завоевать доверие американских спецслужб и навязывал им дальнейшее использование Макса в качестве источника информации. Однако американская контрразведка к этому предложению отнеслась с недоверием.

Весьма примечательно, что оба шефа германских разведок - Шелленберг и Гелен - так и ушли в мир иной, не ведая, что «их» Макс был нашим агентом Гейне. Тайна операции «Монастырь» - «Березино» приоткрылась только в 90-х годах прошлого столетия.

Чекистская легенда для Гейне-Макса

Гейне - агент ОГПУ-НКВД с 1929 года, участник организации «Престол» и операции «Монастырь»; ценный агент по разработке граждан - в прошлом дворянского сословия, - оставшихся в СССР и имевших связи с зарубежной белой эмиграцией; главное действующее лицо в операциях «Монастырь» и «Березино».

Состав легендированной организации «Престол»

Глебов - из дворян, глава организации, использовался «втёмную»;

Демьянов - агент, из знатного дворянского рода, инженер-электрик «Мосфильма»; имеет связи в среде творческой интеллигенции, в кругах дипкорпуса и журналистов; известен в эмигрантских кругах Европы;

Березанцова - агент, жена Демьянова, помощник режиссёра на «Мосфильме»;

Березанцов - агент, отец жены Демьянова, светило медицины в Москве, известен дипкорпусу столицы, учился в Германии;

Садовский - агент, поэт, имеет связи в среде интеллигенции, учился в Германии;

Сидоров - агент, скульптор, имеет связи в среде творческой и художественной интеллигенции, учился в Германии;

Бывшие дворяне и офицеры царской армии - агенты и осведомители;

Чекисты - кадровые сотрудники НКВД (разведчики и контрразведчики).

Макс - агент абвера в штабе «Валли» с декабря 1941 года; ценный агент по добыванию военно-стратегической информации из Генштаба Красной Армии.

Хроника операций «Монастырь» - «Березино»

Военно-стратегическая дезинформационная радиоигра внешней

разведки НКВД (ГШ РККА) велась против военной разведки и контрразведки Германии (Верховное главнокомандование вермахта) в июле 1941 - мае 1945 годов.

Главными кураторами операций были:

с советской стороны - П.А. Судоплатов, генерал-майор, начальник Особой группы при наркоме НКВД, заместитель начальника внешней разведки и начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКГБ СССР (оперативное руководство); С.М. Штеменко, генерал армии, начальник Оперативного управления ГШ РККА (дезинформационное обеспечение).

с германской стороны - В.Ф. Канарис, вице-адмирал, начальник военной разведки и контрразведки Германии (оперативное руководство); В. Кейтель, генерал-фельдмаршал, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта (потребитель «информации»).

Главный фигурант операций - А.П. Демьянов: для советской стороны - агент Гейне, для германской стороны - агент Макс.

Июнь 1941 года. Операция «Монастырь» утверждается в высших кругах правительства, Наркомата обороны и госбезопасности. Операция предусматривает использование опытного агента органов госбезопасности Гейне в качестве эмиссара легендированной антисоветской и прогерманской организации «Престол» в контактах с гитлеровским абвером.

Декабрь 1941 года. Гейне переходит линию фронта, не зная, что идёт по минному полю. Этот факт вызывает серьёзные подозрения у абвера, который проводит жесточайшую проверку Гейне, чтобы выбить из него «правду» о связи с НКВД.

Февраль 1942 года. Абвер проводит проверку Гейне через его связи в бывшем германском посольстве в Москве и в среде эмигрантов в Париже. Обучает его в спецразведшколе, где ему присваивается кодовое имя Макс.

Конец февраля 1942 года. Абвер возвращает Макса-Гейне в тыл Советского Союза с целью использования организации «Престол» для проникновения в Генштаб Красной Армии, а также для оказания помощи немецким агентам в проведении диверсий на железных дорогах.

Лето 1942 года. Для подтверждения легенды успешной работы Макса в советских военных кругах и прессе инспирируются сведения о фактах диверсий на железных дорогах.

4 октября 1942 года. С целью отвлечения германских войск от усиления группировки Паулюса у стен Сталинграда Гейне-Макс передаёт в абвер дезинформацию о готовящемся ударе Красной Армии на Северном Кавказе и подо Ржевом.

В результате упорных боёв на указанном направлении, куда немцы перебросили значительные силы, советское командование осуществило

полное окружение гитлеровских войск под Сталинградом. Такой поворот событий для Верховного командования вермахта оказался полной неожиданностью.

1942-1943 годы. Гейне-Макс передаёт в абвер «предсказание» о военных действиях Красной Армии на различных участках советско-германского фронта, которые являются с нашей стороны войсковыми операциями отвлекающего характера.

К февралю 1943 года. В результате радиоигры Гейне-Макса с абвером органами госбезопасности захвачено 50 агентов-диверсантов, в том числе - 20 на «явочной квартире» Гейне. Часть из захваченных агентов перевербованы и стали участниками операции «Монастырь».

Январь - февраль 1943 года. Советская разведка перепроверяет эффективность дезинформационной игры «Монастырь» с абвером через возможности во Франции, Англии и Швейцарии (в последней стране работают наши военные разведчики).

Лето 1943 года. Дезинформация Гейне-Макса приводит к переносу сроков наступления немцев на Курской дуге. Это даёт Красной Армии возможность завершить полное развёртывание войск перед этой решающей битвой, известной в истории войны, как Орловско-Белгородская операция.

Лето 1944 года. На совещании руководящих работников советских спецслужб И.В. Сталин приказывает Разведуправлению ГШ РККА, военной разведке «Смерш» и управлению НКГБ подготовить и развернуть радиоигру для оказания помощи Красной Армии в наступательных операциях против вермахта. До присутствующих на совещании доводится приказ Оперативного управления ГШ РККА о разведывательной работе «по введению в заблуждение и созданию впечатления об активных действиях в тылу советских войск остатков немецких группировок, попавших в окружение».

Август 1944 года. И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.П. Берия утверждают план проведения операции «Березино» на основе действий легендированной группы немецких войск в тылу Красной Армии. В группу планируется ввести военнопленных антифашистов, агентов НКВД, НКГБ, а также агента Гейне-Макса.

19 августа 1944 года. Верховное командование вермахта получает от абвера радиосообщение, направленное Максом-Гейне: под командованием подполковника Шерхорна находится группировка войск численностью 2500 человек, которые блокированы Красной Армией в районе реки Березины. Шерхорн выражает готовность оказывать сопротивление и просит помощи.

1944-1945 годы. В помощь «окружённому» Шерхорну германское командование направляет боеприпасы и продовольствие, вооружение и технику, диверсантов и группу боевиков СД.

5 мая 1945 года. Абвер приказывает Максу-Гейне законсервировать

источники информации в Москве, прекратить контакты с немецкими офицерами-окруженцами и вернуться в Москву, где развивать полезные связи.

В 1944 году генерал-майор П.А. Судоплатов, в то время начальник разведуправления НКВД, и его заместитель генерал-майор Эйтингон за боевые операции в тылу немецких войск были награждены орденами Суворова.

Из Положения о награждении орденом Суворова:

«…награждаются военачальники за выдающиеся успехи в деле управления войсками, отличную организацию боевых операций и проявление при этом решительности и настойчивости в их проведении, в результате чего была достигнута победа в боях за Родину в Отечественной войне…».

1967-1971-1978. Операция «Турнир»

Известно, что спецслужбы большинства стран уделяют повышенное внимание борьбе разведок и контрразведок. Такое противостояние всегда отличается остротой содержания, хотя приёмы борьбы различны. И среди них - проникновение в агентурную сеть противника.

История русской и советской разведок знает немало примеров удачных операций по вскрытию замыслов противника и противодействию им. Но всегда считалось: наиболее сложными мероприятиями контрразведывательного характера были операции по проведению игр с привлечением подстав и тем более когда борьба велась со спецслужбами Запада под «флагом предательства».

В 70-х годах наша внешняя контрразведка проводила акцию тайного влияния путём внедрения кадрового сотрудника в агентурную сеть канадских спецслужб.

В середине 60-х годов в поле зрения канадцев оказался советский коммерсант, сотрудник Торгпредства СССР в Канаде, а на самом деле оперработник научно-технической разведки, уже побывавший за рубежом в коротких и долгосрочных командировках. Изучение его канадской контрразведкой показало, что русский, работая на Экспо-67 в Монреале в составе сотрудников Коммерческого центра Советской секции при павильоне СССР, активно заводил связи среди специалистов в области нефтехимии и смежных направлениях. Его прикрытие позволяло ему работать именно среди таких деловых людей.

Вторичный приезд русского коммерсанта в Канаду, но уже в долгосрочную командировку, позволил контрразведке - Канадской королевской конной полиции (КППП) - вплотную заняться этим советским гражданином. В списках канадцев объект интереса получил псевдоним «Аквариус», а сама акция стала именоваться «Золотая жила». В случае привлечения Аквариуса к работе на Страну кленового листа канадская сторона намеревалась проникнуть в торгово-экономические замыслы и дела советской стороны.

Разведчик Тургай заметил к себе пристальное внимание со стороны канадцев, доложил об этом факте резиденту и стал отслеживать действия канадских спецслужб по его изучению. Анализ поведения канадцев показал, что в разработке Тургая принимают участие бизнесмены, обслуживающий персонал (гараж, бензоколонка), соседи по месту жительства. В основном их работа велась в двух направлениях: изучения политического лица Тургая в свете его лояльности к советскому строю (на фоне расхваливания жизни в Канаде и США) и на возможном его интересе к материальным благам.

В конечном счёте один из бизнесменов, ставший «канадским другом» Тургая ещё с Экспо-67, активно обрабатывал его, склоняя к незаконным сделкам или нарушению правил поведения советских граждан за рубежом. Под хорошо легендированным предлогом делались попытки уговорить Тургая и его семью остаться за рубежом на постоянное жительство, то есть стать невозвращенцем.

Собранные сведения о ситуации вокруг Тургая сообщались резиденту, а потом в Центр.

Весной, после трёхлетнего пребывания в Канаде, Тургай с семьёй вылетел в очередной отпуск на Родину. За неделю до окончания отпуска Тургая вызвали к генералу, заместителю начальника внешней разведки, где ему предложили следующее:

- Вы докладывали о достаточно пристальном внимании к вам со стороны канадской контрразведки? - начал разговор генерал.

- Да, - Тургай перечислил аргументы в пользу такого предположения.

И тогда генерал сказал:

- На одну из операций нужен исполнитель… Мы думаем, что вы могли бы выступить в этой роли… Можете ли вы заинтересовать собой канадцев до такой степени, чтобы они сделали вам вербовочное предложение?

Тургай объяснил характер своих отношений с изучающим его канадским бизнесменом и обобщил:

- В основе воздействия на меня лежит попытка навязать мне внеслужебную и хорошо оплачиваемую коммерческую сделку. Он знает о наших порядках, но продолжает делать мне заманчивые предложения. Именно здесь лежит большая степень вероятности оказаться в сетях канадской спецслужбы…

- Вы уверены? - спросил генерал.

- Уверен. Предложения были достаточно конкретными и материально для меня выгодными… Это создаёт основу для компрометации со стороны канадцев меня в глазах моего руководства по линии торгпредства, если я не соглашусь сотрудничать с ними…

Генерал уточнил:

- Что, с вашей точки зрения, нужно для того, чтобы реализовать идею

внедрения в агентурную сеть канадцев?

Тургай понимал: речь шла о долговременной операции и, конечно, главное в этом деле - правильно выбрать основу для контактов с канадцами и мотивы его поступков в случае согласия на «сотрудничество». Он ответил:

- Нужна материальная основа - она не только перспективная, но и более разнообразная...

Так, на основе интереса канадцев к Тургаю, руководством разведки было принято решение о начале игры. Предполагалось, что в случае удачного развития событий операция позволит выявлять задачи, методы и средства работы канадских спецслужб против советских граждан; сковывать и отвлекать их силы при работе по советской колонии в Стране кленового листа. Проникновение в агентурную сеть канадцев сулило возможность реализации игры в удобный для советской стороны момент.

Операция получила кодовое название «Турнир».

Информацию о материальных затруднениях Тургая в делах семейных канадцы получали по нескольким каналам: через технику подслушивания и негласный досмотр в доме, через подведённых агентов - их было четверо - и от общения с главным разработчиком русского «канадским другом».

Занимая позицию очень осторожного человека, Тургай смог создать впечатление, что готов пойти на выгодную для него сделку, но только при условии максимальной гарантии скрытности таких деловых отношений с канадцами. Рубежом в отношениях с «другом» стала «попытка продать» икону XIX века, во что «друг» был вовлечён.

После этого канадская сторона отвела бизнесмена от Тургая, а к нему самому, когда он ехал в поезде, был совершён подход с вербовочным предложением со стороны канадской контрразведки. Как и было запланировано, на этом этапе «работы» с канадцами Тургай предложение отверг и от денег в обмен на информацию отказался, но поставил условие, которое можно было понять так: готов сотрудничать под гарантии безопасности со стороны канадского правительства - убежище в случае провала и материальное обеспечение.

Такая линия поведения решала две задачи: во время вербовочного предложения выявить позицию канадской стороны (интерес, условия, гарантии) и убедить их в том, что безопасность - главный «болевой вопрос» в работе русского с канадцами.

Последующие встречи в Торонто и Нью-Йорке закрепили «вербовку», а в Швейцарии встречи были продолжены для передачи «информации» в обмен на деньги.

Готовили канадцы работу с их «московским агентом» Аквариусом на основе «прейскуранта» с оплатой за информацию от сотни долларов до сумм с пятью нулями. Теперь уже речь шла о сведениях политико-экономического характера, разглашение которых могло привести к

миллионным убыткам для советской стороны.

В связи с антисоветской кампанией в Канаде советской стороной было принято решение реализовать собранные Тургаем сведения, а факт работы канадцев с «завербованным» русским коммерсантом предать гласности.

Канадская сторона отреагировала на провал работы своей контрразведки весьма болезненно. Была создана специальная правительственная комиссия - трибунал, которому советская сторона предоставила (через прессу) следующие доказательства вербовки советского коммерсанта: свидетельства о рождении, паспорта, счета в банках Канады и в Европе, карточки страхования, а главное - свидетельства участия правительственных чиновников в предоставлении от имени правительства Канады письменных гарантий на убежище в стране.

Члены трибунала признали, что эти документы имели очень важное значение для «дела», но всё же ценой провала стала карьера, как писали в прессе, «шести блестящих офицеров канадской контрразведки, уволенных на пенсию».

Операция «Турнир» в её активной стадии семь лет отвлекала усилия десятков сотрудников канадской спецслужбы. Советской разведке удалось заставить их работать по нашей программе. К «делу» оказалось причастным фактически всё руководство КППП. Курирующий спецслужбу министр юстиции, он же генеральный прокурор страны, вынужден был подать в отставку.

Упредив работу канадской стороны против советских людей в Стране кленового листа, наша разведка вывела из строя полтора десятка профессионалов, часть которых, кроме уволенных, была понижена в должности или переведена в «глухие места». Работа отдела канадской контрразведки по советской колонии была дезорганизована.

Характерно, что канадцы до 90-х годов считали советского разведчика Тургая (их Аквариуса) своим честным «московским агентом», «разоблачённым и замученным в подвалах КГБ на Лубянке».

Ну а «дело Пеньковского»? Оно при чём? Учитывая, что Тургай, Аквариус и автор этого повествования одно и то же лицо, то будет понятен мой интерес к «делу Пеньковского».

* * *

Закончен экскурс в историю проведения некоторых акций тайного влияния - операций советской разведки в 20-70-х годах. Общая для всех них характерная особенность - эффективность по дезинформации противника с целью дезорганизации работы спецслужб стран, враждебных СССР. В операции «Заговор послов» - против Англии, Франции, США; в операции «Трест» - против эмигрантских военизированных формирований во Франции и Германии, других странах Европы и Дальнего Востока; в операции «Снег» - против Японии; в

операциях «Монастырь» и «Березино» - против фашистской Германии; в операции «Турнир» - против Канады.

На фоне этих операций любопытно было бы рассмотреть спорное и таинственное «дело Пеньковского» с точки зрения указанной выше особенности в работе советской разведки в области дезинформации. А раз в «деле» есть «спорные сведения и факты», то они имеют право на интерпретацию. Ибо, как говорит Н. Маккиавелли: «факты беззащитны, если их не поддержат люди».

Следующая, самая большая глава книги, посвящается анализу «дела Пеньковского» под углом зрения: «подстава - неподстава», а значит - «предатель - непредатель».

> *«СССР является сверхдержавой благодаря двум главным инструментариям своей политики: его военной мощи и глобальному аппарату активных мероприятий». Рой Годсон, профессор, ведущий американский эксперт в области дезинформации*

Глава 3. «Феномен» - место и время задано

В предыдущих главах были рассмотрены послевоенные отношения двух великих держав - СССР и США на фоне Карибского кризиса. При этом затрагивались вопросы участия служб в этой ситуации в интересах советской стороны.

Каждая из служб Советского государства во время Карибского кризиса работала в рамках своей компетенции - дипломатической, военной, разведывательной... Они по-разному были эффективны в процессе разрешения кризиса. Но в этом повествовании говорится о внешней разведке, и потому отдельным разделом затронута проблема специфики проведения акций тайного влияния на примерах операций госбезопасности в 20-70-е годы.

Акции, анализ их и выводы об эффективности, сделанные в предыдущей главе книги, могут послужить фоном для более скрупулёзной, углублённой и всесторонней оценки «дела Пеньковского» в свете операций по дезинформации Запада в переломный период отношений между СССР и США в условиях ракетно-ядерного противостояния во время Карибского кризиса.

А потому «мемория досад» (претензий) к «делу Пеньковского» пополняется ещё тремя мнениями компетентных специалистов, которые упорно отстаивают версию о Пеньковском, как о «человеке советской госбезопасности».

Так, британский журналист Чепмен Пинчер утверждает в пользу советской стороны: «Дело Пеньковского было крупной операцией по дезинформации...» Один из авторов известной книги-анализа «Шпион, который спас мир» Джеральд Шектер высказывает множество версий о «деле», в частности и в пользу гипотезы «Пеньковский - подстава»: «С

этим также согласны некоторые старшие офицеры службы безопасности (МИ-5) и разведки (МИ-6)».

Наконец, главный оппонент тем, кто возводит в Британии Пеньковского на пьедестал «шпиона века» в пользу Запада, Питер Райт, контрразведчик и крупный аналитик, говорит: «Он (Пеньковский) помог убаюкать подозрения Запада более чем на десять лет и ввёл нас в заблуждение относительно истинного состояния советской ракетной техники».

В последнем высказывании содержится конкретизация цели советской стороны в «деле Пеньковского»: дезинформация Запада при создании Советами действенного «ракетно-ядерного щита».

Вот почему далее речь пойдёт об интерпретации известных фактов из «дела», но с точки зрения способности советской госбезопасности проводить акции тайного влияния, равные по масштабу этому «спорному делу». И главным здесь моментом станет сравнение «рабочей гипотезы» о месте и времени появления Пеньковского в интересах советской стороны (об этом говорилось в предисловии) с реалиями «дела» как источника сведений о Пеньковском-подставе.

В предыдущих двух главах автор выступал от третьего лица. Теперь будет вестись разговор о его личной позиции в отношении «дела Пеньковского», и потому он выступит уже от собственного имени. Он шаг за шагом попытается раскрыть логику и «механизм» его собственного «расследования», которое заняло у него не одно десятилетие.

В третьей главе большинство аргументов приводится в пользу «рабочей гипотезы» автора, и путеводной нитью для него будет глубокая убеждённость в аксиоме: согласно жизнью подтверждённому «правилу» органы госбезопасности Советского государства за предшествующие «делу» более сорока лет проводили подобные акции тайного влияния и именно в переломные моменты истории страны, в её усилиях на международной арене.

«Феномен Пеньковского»

В который раз я вчитывался в хорошо знакомое мне обращение О. Пеньковского к американскому и английскому разведчикам:

«Как стратег, выпускник двух академий, я знаю многие слабые места. Я убеждён, что в случае будущей войны в час «Х» такие важные объекты, как Генштаб, КГБ на площади Дзержинского, ЦК партии, должны быть взорваны заранее установленными атомными устройствами с часовым механизмом.

Согласно предлагаемому мной плану необходимо будет уничтожить 150 тысяч опытных генералов, офицеров и штабных работников.

Обсудите мой план. Готов принять любое задание, взорву в Москве всё, что смогу…»

Это обращение к противнику потрясало своей чёткостью изложения

цели. С трудом верилось, что автор этого плана - участник советско-финляндской войны и боевой офицер Великой Отечественной, на тот момент действующий сотрудник военной разведки. И вот - предатель Родины.

«Феномен Пеньковского», как окрестили его предательство на Западе, интересовал меня давно. Как-никак, но судьба трижды сводила меня с Пеньковским именно в тот момент, когда он активно, естественно, скрытно сотрудничал с разведками противника. Но ещё в 1994 году, до того, как в моих руках оказалась книга Дж. Шектера и П. Дерябина под звучным названием «Шпион, который спас мир», мне попалась заметка с этим обращением - письмом Пеньковского. Приведённые мною строки особенно ярко высветили позицию Пеньковского в сотрудничестве с нашими главными противниками в «тайной войне».

В то время, когда циничное отношение предателя к своему народу обнажилось так резко, где-то в глубине моей души всплыли многолетние сомнения: а было ли предательство? Всплыли и… не исчезли.

Гипертрофированная кощунственность мыслей Пеньковского создавала эффект отторжения от самой идеи - высказать их вслух. Даже перед нашими противниками, а на тот час - его коллегами. И тем более их реализовать. Подавая этот факт, западная пресса писала, что американская разведка оценила надёжность Пеньковского- агента и назвала его «анархистом и человеком с причудами, который по какой-то причине пытается втянуть нас в войну с Россией». (Это высказывание принадлежит шефу управления контрразведки ЦРУ Джеймсу Энгелтону, который вместе с бывшим сотрудником КГБ - перебежчиком Анатолием Голицыным - весьма категорично не доверял Пеньковскому).

На Западе преподносили одно время Пеньковского как самого лучшего агента английской СИС. Он был старшим офицером Главного разведывательного управления Генштаба Минобороны. В 1961-1962 годах он одновременно являлся агентом СИС и ЦРУ. За этот период он передал им достаточно много ценных материалов о советских военных намерениях и секретной технике. Его информация оценивалась в Лондоне и по другую сторону океана как самое выдающееся проникновение в советские спецслужбы после окончания Второй мировой войны.

Он предупредил Запад о размещении советских ракет на Кубе, а информация о советском ядерном арсенале привела к Карибскому кризису, поставившему мир на грань войны. Но в конце 1962 года Пеньковский и сотрудничавший с СИС Гревелл Винн, его связник в Москве, были арестованы КГБ. Винна приговорили к длительному сроку тюремного заключения (его затем обменяли на разведчика Бена-Лонсдейла - Молодого), а Пеньковского - к расстрелу.

Запад изощрялся, разыгрывая «карту Пеньковского», и представлял его борцом с коммунизмом. А меня мучили сомнения: предатель или не предатель? Потому заметка в «Комсомольской правде» с претенциозным заголовком «Сколько людей получили 30 сребреников?» - имела в виду

тех, кто шёл дорогами Иуды, - оказалась весьма кстати. Ибо она объясняла отношение плативших эти сребреники к берущим их. В статье говорилось следующее:

«Предателей презирали всегда. Недаром имя Иуды стало нарицательным, а Данте поместил предателей в самый последний, девятый круг ада. Кто оказался последователем Иуды? Увы - их множество.

Министр внутренних дел наполеоновской Франции Фуше говорил: «Те, кто собирается меня убить, - дураки, а те, кто об этом мне сообщает, - подлецы».

Знаменитого двойного агента Азефа, выдававшего своих товарищей царской охранке и использовавшего сведения из полиции в своих делах, разоблачили революционер Бурцев и бывший директор департамента русской полиции Лопухин. Бурцев давно подозревал Азефа, шесть часов подряд говорил Лопухину о двойной роли Азефа. Все шесть часов Лопухин молчал и в конце признался: Бурцев прав. Лопухин точно знал, что его ждёт за разглашение тайны - каторжные работы. Каторгу, правда, заменили ссылкой в Сибирь.

Когда московский губернатор Джунковский узнал о провокаторской роли большевика Малиновского, депутата Думы, он твёрдо решил прекратить безобразие. Рискуя карьерой, губернатор сообщил о предательстве председателю IV Государственной думы Родзянко.

Даже Гитлер, когда Гиммлер попытался представить ему генерала Власова, наотрез отказался от встречи, сказав: «Человек, предавший Родину, может предать и нас»».

А вот как трактуется в этой заметке предательство Пеньковского, оценка деяний которого на суде была дана сорок лет назад: «...его до сих пор называют «предателем века». Тогда Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Пеньковского к расстрелу».

Ну а если...

Кое-кто воскликнет: «Опять это «если»!» Но ведь опорой на «если» в таких оценках, как: неясно, сомнительно, настораживает, подозрительно, - есть движитель цепочек логических умозаключений. Я попытался вспомнить: много ли было предателей в моей стране из числа сотрудников спецслужб, которые безоговорочно могли бы быть оценены таковыми: не были предателями, а инспирировали это омерзительное действо в интересах Отчизны. И перечень оказался внушительным.

Ян Буйкис - в «Заговоре послов» (1918), Тойво Вяхе - в «деле Рейли» (1925), маршал Тухачевский - в «Синдикате-4», Александр Орлов - ушёл на Запад в зловещем 1938 году, Александр Демьянов - немецкий Макс и наш Гейне в операциях «Монастырь» и «Березино» (1941-1945), Тургай - он же Аквариус - в операции «Турнир» и «Золотая жила» (1967-1978) советской и канадской спецслужб соответственно.

Их участие в указанных случаях не вызывает сомнение в том, что это

были акции тайного влияния советских органов госбезопасности. Но стало-то это известно лишь в 60-90-х годах!

Семьдесят лет назад остался на Западе советский разведчик высочайшего класса. И только в 1993 году о нём появилась серьёзная книга-исследование «Роковые иллюзии». Его авторы английский эксперт по спецслужбам Джон Кастелло и сотрудник советской внешней разведки Олег Царёв посвятили её судьбе классического перебежчика - высокопоставленного офицера ИНО ОГПУ Александра Орлова. В 1938 году он, главный резидент в Испании, отказался возвратиться в Советский Союз: он знал, что там ждёт его, как и других резидентов, - пуля. Опытный разведчик с 20-х годов, герой гражданской войны на Пиренеях, орденоносец, обласканный советской властью за участие в испанских событиях, он не заблуждался в вероятности своей гибели в годы репрессий против военного командования страны (А. Орлов получил блестящее юридическое образование, знал иностранные языки, обладал аналитическим умом и волевым характером. Как разведчик успешно выполнял задания в Париже, Берлине, Вене).

И тому были примеры. Григорий Сыроежкин - сослуживец Орлова по разведке в Испании, имел орден Красного Знамени за поимку Бориса Савинкова в знаменитой операции 20-х годов «Синдикат-2» и орден Ленина - за Испанию. Тогда двенадцать человек, включая его самого, создали в Испании 3-тысячную разведывательно-диверсионную бригаду. Сыроежкин был отозван в Москву, судим и расстрелян за то, что подверг сомнению целесообразность «чисток» в рядах командного состава Красной Армии.

Нет, Орлов не заблуждался. Перебежчик и предатель! Но предатель ли? Под пером авторов исследования его фигура вырастает до масштабов, по крайней мере, Рихарда Зорге. Выясняется, что именно под руководством Орлова были привлечены к работе на советскую госбезопасность не только члены знаменитой «Кембриджской пятёрки» (Ким Филби, Маклин, Берджесс, Блант и Кернкросс), но и не менее ценные агенты в Оксфорде, ряд которых, возможно, работает на нашу разведку и по сей день.

Почему такая слава Орлову? В эмиграции он не выдал многих тайн, которыми обладал. Десятилетия своего периода жизни в США Орлов умело манипулировал, создавая иллюзию приверженности американскому образу жизни и сотрудничеству с могущественным ФБР.

В каком году оказалась в поле моего зрения информация о предательстве Пеньковского? Да, несомненно: это было в Японии. Тогда газеты Страны восходящего солнца писали об этом «деле» много и охотно. Это было в 1963 году.

Потом была Канада с её Экспо-67, где мне попалась на глаза книга карманного формата о судьбе всё того же Пеньковского. Там было много сведений о его прежней жизни и... фотографии. Что меня поразило, так это восемь боевых наград в годы войны и среди них - редкий орден

Александра Невского, два ордена Красного Знамени, Отечественной войны и Красной Звезды.

Моё поколение - продукт особого времени, военного. Я не участник Великой Отечественной войны - мне было семь лет, когда она началась, - однако её активный свидетель. Война фактически сформировала наши характеры. У нас было особое отношение к людям, побывавшим на Великой Битве Народов. Для меня эти люди остаются святыми и по сей день. Что-то встревожилось в моей душе, когда я увидел в этой карманной книге портрет Пеньковского в форме участника Парада Победы и рядом на фото его же - в форме Вооруженных сил Великобритании.

Может быть, меня поразила глубина падения бывшего героя войны?! Вернее всего, так оно и было.

И только личное участие в операции органов госбезопасности, когда мне пришлось длительное время играть роль предателя моей Родины, заставило меня вернуться к мысли о предательстве либо... непредательстве Пеньковского. Особенно острую необходимость осмыслить «феномен Пеньковского» помогла моя работа над книгой «Операция «Турнир», в которой отдельная глава отводилась сомнениям по этому «делу».

Но почему «феномен» привлёк моё внимание? Ведь в судебном порядке было доказано: предал, разоблачён, судим, расстрелян. В моей оперативной биографии, после завершения операции «Турнир» и до появления той главы в рукописи, была работа в службе акций тайного влияния. В основе операций этой службы лежал блеф. Хотя и хорошо аргументированный, и в малых дозах, но всё же блеф.

Так вот. Во время работы над рукописью книги «Операция «Турнир» история с Пеньковским стала всё более занимать меня. Вспоминая обстоятельства встреч с ним, я понял: Пеньковский трижды оказывался в поле моего зрения. Причем всё говорило о том, что он ещё в 1962 году должен был «засветить» меня перед англичанами и американцами, то есть в самом начале моей карьеры разведчика.

Однако потом была Англия (и не единожды), Япония, Канада и другие страны. Чтобы быть кратким, скажу: если бы американцы и англичане, с подачи Пеньковского, отслеживали мою работу в интересах научно-технической разведки с позиции Минвнешторга в десяти странах мира, то они были бы просто обязаны воспрепятствовать многим операциям в пользу советской стороны. Вот как оценивается этот период моей работы в разведке: «...добытая им научно-техническая информация имела конкретный выход в развитии оборонной мощи страны, а его операции содействия внешнеторговой политике и крупным сделкам на международном рынке позволили сэкономить сотни миллионов долларов...» («Парламентская газета», 2001, 25 апреля).

Видимо, следует описать всё по порядку. В главе «Пеньковский» из моей книги «Операция «Турнир» (М.: «Гея-Итерум». 1999) я впервые

публично признавался в своих сомнениях - предатель ли он? Сразу оговорюсь: не просто мне дались и написание этой главы, и решение включить её в книгу. Слишком много людей, причём профессионалов, были свидетелями судебного процесса по «делу Пеньковского». И все они с тех пор убеждены: он - предатель Родины.

Моя - противоположная версия появилась в конце 90-х годов в результате собственного «любительского расследования» и стала достоянием средств массовой информации. Последующее углубление в «тему» показало, что реалии этого «дела» оказались богаче любой фантазии.

Встреча с «Феноменом»

После окончания разведшколы в сентябре 1961 года я приступил к работе во внешней разведке госбезопасности. И где-то через полгода руководство отдела научно-технической разведки, где я трудился, приняло решение направить меня с ознакомительной поездкой в Англию под видом молодого учёного.

Наша группа выезжала на конференцию нефтехимиков, эта специальность была моей легендой в гражданской жизни. В группу входили специалисты из организаций, связанных с наукой, промышленностью и образованием, а также работники госбезопасности. Готовил нас к поездке заместитель начальника отдела внешних сношений Госкомитета по координации научных и исследовательских работ (ГК КНИР) Олег Пеньковский. Возглавлял группу заведующий сектором химии ЦК партии. Он выступал от имени Академии наук, где работал до перехода на Старую площадь.

Виктор Сергеевич, фронтовик и большой души человек, отличался от кадровых партийных работников. Он, как я понял позднее, тяжело переживал фактическое разделение компартии на элитную верхушку приспособленцев и истинных коммунистов. Последних, а к ним относился Виктор Сергеевич, становилось в ЦК на Старой площади всё меньше. В его лице судьба свела меня, без преувеличения, с совестью партии. Сама же партийная верхушка всё больше теряла контакт с народом. В полную меру я ещё этого не чувствовал, но по отрывочным репликам знакомых партийцев с фронтовой закваской понимал, что не всё так просто.

Виктор Сергеевич поручил мне заниматься вопросами обеспечения безопасности группы. Я получил подробный инструктаж в контрразведывательном управлении КГБ: следить, чтобы в Лондоне члены группы не отлучались в город поодиночке, вовремя приходили ночевать в гостиницу, не имели внеслужебных контактов с англичанами.

- В общем, увези в Англию и привези назад всех семерых, включая себя, - весело закончил инструктаж контрразведчик.

Документы на поездку оформлял Пеньковский сам. Так, по крайней мере, это выглядело внешне и так должно было быть, - он отвечал за полноту и правильность заполнения всех бумаг. В первый визит в ГК КНИР

мне пришлось некоторое время его ждать, сидя у стола. Было заметно, что хозяин стола отлучился ненадолго: на столе лежали бумаги и ближе ко мне стандартный бланк-заявка на поездку нашей группы за рубеж. Скосив взгляд, я уловил его текст: от ЦК - 1, от ГК КНИР - 1, от Академии наук - 2, от НИИ - 1, от КГБ - 2. Фамилии не указывались.

По существующим в то время правилам специалистов в области науки и техники со всех уголков Советского Союза оформляли за рубеж только в отделе внешних сношений ГК КНИР. Там готовились документы для ЦК партии: письмо-заявка организации на членов делегации с указанием цели визита за рубеж, фамилий, должностей (причём независимо от того, была ли это спецслужба либо обычное учреждение); характеристика, утверждённая парткомом и руководством даже для непартийных; справка из учётно-архивного отдела госбезопасности с разрешением на выезд за рубеж - эдакое резюме по спецпроверке о лояльности и доступе к секретам. Не следует думать, что последняя бумага была плодом подозрительных чекистов. Нет, это практиковалось во всех странах мира, имевших государственные секреты. Например, в США до сих пор определённая категория лиц пока состоит на государственной службе, не имеет права выезжать за пределы страны.

Таким образом, Пеньковский знал достаточно много о наших людях, в том числе и из КГБ или военной разведки.

Тут следует заметить, что в то время, когда Пеньковский был одним из руководителей отдела внешних сношений этого госкомитета (1961-1962), во внешней разведке была своеобразная традиция на «обкатку» молодых разведчиков в странах Запада в форме ознакомительных поездок недели на две-три. Кроме того, только по линии НТР через руки Пеньковского должны были пройти десятки документов на тех сотрудников, которые выезжали за рубеж с оперативными, а не только с ознакомительными целями.

Оперативные цели? Это могла быть встреча с перспективным источником, с которым предварительно установлен контакт в Москве, например, либо операция по получению материалов разведывательного характера. И все эти поездки в различные регионы мира и в конкретные города, предусмотренные программой пребывания делегаций в стране, разведчик использовал как «крышу».

За несколько дней до отъезда провёл инструктаж и Пеньковский. Он куда-то торопился, был хмур и скороговоркой пояснил нашей группе, как себя вести в капиталистической Англии, фактически повторив наставления сотрудника контрразведки. Пожелав счастливого пути и ещё раз призвав к бдительности в условиях провокаций западных спецслужб, Пеньковский бросил:

- Может быть, увидимся в Лондоне…

И действительно, я встретил его в посольстве, уже не такого хмурого. Как и в первый раз, он произвёл на меня впечатление вечно небритого. На приветствие ответил вяло, явно тяготясь разговором со случайным

человеком.

И в ГК КНИР, и в Лондоне я не мог даже представить, что передо мной сотрудник ГРУ и… предатель, именно тогда сотрудничавший с британской и американской разведками, и что в мире скоро появится «феномен Пеньковского». Что о нём будут написаны десятки книг на Западе, а уже на Экспо-67 в Канаде я смогу прочитать одну из них на английском языке. Что в 90-х годах в бывшем клубе имени Дзержинского - месте торжественных собраний чекистов всех времён - свободно куплю двухтомник Дж. Шектера и П. Дерябина «Шпион, который спас мир» с интригующим подзаголовком «Как советский полковник изменил курс «холодной войны». (Книга была написана в США с участием другого предателя - сотрудника КГБ Петра Дерябина, перебежавшего на Запад в 50-х годах).

На судебном процессе над Пеньковским были представлены фотодокументы и описания к ним, в частности тайника, куда в 1962 году Пеньковский закладывал информацию. Место это было взято под наблюдение и на тайнике захватили с поличным сотрудника ЦРУ.

Любопытно, что весной 1961 года я проводил учебную тайниковую операцию именно в том же подъезде дома № 5-6 по Пушкинской улице. Так же за батарею парового отопления я повесил на проволочке-крючочке спичечный коробок с учебной информацией. Учебная операция не была зафиксирована, хотя сотрудники бригады наружного наблюдения отметили в своих отчётах вероятность её проведения.

Итак, судьба трижды меня сводила с Пеньковским. Правда, в третий раз - на Пушкинской улице - не то что «сводила», но предостерегала: мой визит в подъезд состоялся на год раньше!

А встречи в ГК КНИР и в Лондоне? Сомнений теперь не может быть, что обо мне он знал достаточно много: сведения из моей биографии и в короткой «объективке» раскрывали десять лет моей жизни - от секретного военно-морского училища до работы на Северном флоте в особом отделе и выхода за рубеж под прикрытием.

Еще в бытность моей учёбы в училище в середине 50-х годов американская разведка пыталась проникнуть в секреты профиля его работы. Сам факт, что я был выпускником такого училища, мог заинтересовать западные спецслужбы. Почему? В системе нашей подготовки «красной нитью» проходило требование: готовить новую плеяду военных моряков - командно-инженерные кадры для флота. Поэтому ежегодно во время практики нам приходилось бывать на лучших кораблях (самых современных) нашего флота, передовых заводах и полигонах (это мне, как морскому артиллеристу). Но была ещё и школа военной контрразведки и служба на Севере, затем - разведшкола и НТР. Конечно, не всё было в открытом виде, но вычислить служебный путь всё же можно было.

Думается, появление таких фигур (а я в НТР был не один с такой биографией, прошедший через руки Пеньковского) в поле зрения англо-

американской стороны могло носить в реестре западных спецслужб далеко не последнее место, если, конечно, Пеньковский навёл на нас…

Следует отметить, что именно в это время западные спецслужбы не особенно отягощались высокоморальными принципами в отношении к советским спецслужбам, чьи сотрудники работали за рубежом. Были случаи побоев и захватов наших разведчиков, к ним применялись специальные медицинские средства. Об этих «медицинских находках» в области психотропных веществ из лабораторий и НИИ США и Канады, куда заказы поступали из ЦРУ, говорилось в открытой печати.

Это были годы нетерпимого противостояния, когда человеческая жизнь ценилась не столь высоко и бывала своеобразной разменной монетой в политической игре. Политические отношения были столь натянуты, что исчезновение кого-либо из советских людей могло взволновать лишь при условии значительного ущерба советской стороне. И обе стороны - западная и восточная - относились к таким фактам по-философски: «В политике всё бывает».

Может быть, это преувеличение? Судите сами, но по более позднему случаю, когда соблюдение «джентльменских правил» в делах разведок уже вступило в силу.

В апреле 1979 года в одном из номеров швейцарского отеля был обнаружен труп. Его идентификация показала, что это было тело старшего экономиста секретариата Международной организации производителей какао и шоколада, штаб-квартира которой располагалась в Лондоне. Это был Леонид Панченко, советский дипломат, прибывший в город Аарауэр для работы на международной конференции.

Из дела полиции следовало: Панченко совершил акт самоубийства, вскрыв себе вены. Однако последовавшее затем более тщательное расследование с участием советской стороны показало, что он стал жертвой западных спецслужб.

Уже первые сведения, полученные от полиции, наводили на мысль о том, что речь идёт не о самоубийстве, а попытке навязать именно эту версию гибели дипломата: обстановка в номере, орудие убийства, поведение прислуги, исчезновение документов. Характеристика дипломата также говорила в пользу версии не о самоубийстве, а об убийстве.

Медицинская экспертиза тканей тела в Москве (внутренние органы от советской стороны были скрыты) установила, что Панченко подвергался воздействию ЛСД, причём в завышенной дозе. Это был самый активный на тот период психотоксический препарат, известный на Западе, как вещество, вызывающее утрату человеком контакта с внешним миром и потерю контроля за собственным поведением.

Был сделан вывод, что ЛСД введён в организм Панченко посторонним лицом и с определённым умыслом. К тому времени было известно, что этим препаратом располагают спецслужбы Запада, используя его для воздействия на психику человека.

Панченко постоянно работал в Англии, и советская разведка располагала данными о повышенном внимании к нему местных спецслужб. Его разработку вёл англичанин, который после гибели Панченко бесследно исчез. И в СМИ ушла версия о том, что Панченко подвергся психотропной обработке с целью заставить его быть «откровенным» - честно ли он работал с англичанами? Была и другая версия: преднамеренное убийство с помощью передозировки в связи с тем, что Панченко отказался сотрудничать со спецслужбой и угрожал рассказать о воздействии на его психику.

Это случилось в годы некоторого «потепления» отношений между Востоком и Западом. Отсюда и желание нашей стороны сгладить «острые углы» инцидента. Всё же шёл 1979 год и «братание» с Америкой было в разгаре.

Можно предполагать, что Панченко был подставлен западной спецслужбе советской стороной и, попав под их проверочную акцию «на честность», погиб, возможно, от случайной передозировки.

Но случаи психотропного воздействия имели место и в 60-е и в 70-е, позднее. Как результат таких попыток со стороны спецслужб Запада, люди, оказавшиеся в поле их зрения, становились невозвращенцами, чаще всего невольными. Схема была проста: задержание, психотропное воздействие, демонстрация письменного отказа от советского гражданства и от контактов с представителями советского посольства.

Возвращаясь к теме информированности Пеньковского о наших разведчиках, выезжающих за рубеж, нужно отметить следующее. Каждый сотрудник органов - хранилище информации: о разведчиках, агентах, операциях. Сбор сведений о «краеугольных камнях» советской разведки - это главная цель любой западной спецслужбы. На этом направлении работает целое разведывательное сообщество стран НАТО. Как говорилось ранее, это вполне могло быть отнесено к моей персоне или моим коллегам по службе в разведке.

Допустим, что в Англии ко мне во время визита в 1962 году интереса местных спецслужб не было. Но почему тогда западные спецслужбы позволили мне работать достаточно активно в десяти странах Европы, Юго-Восточной Азии и Северной Америки?

Пойдём дальше. Мои ближайшие коллеги, которых я знал с десяток лет и которые «прошли через руки Пеньковского», работали после суда над ним за рубежом, причём в двух и более странах в длительных командировках. Работали успешно!

Считается, что об аресте Пеньковского стало известно миру в конце октября 1962 года. Тогда почему меня не сняли с подготовки к долгосрочной командировке в Японию? Готовился я к ней после контактов с Пеньковским в том же году и оказался на Японских островах в первых числах марта следующего, 1963 года.

И ещё. В огромной 800-страничной «энциклопедии шпионажа», изданной на Западе в 1997 году, в статье о Пеньковском сказано, что в

результате его предательства «из ГРУ и КГБ выгнали в общей сложности около 300 сотрудников…» К чести авторов статьи в том фолианте, говоря об этих «кадровых чистках», они делают оговорку: «по слухам». Эту версию - разнятся только цифры - в печати перепевают уже не один год. Но вот что характерно: о том, что «выгнали», казалось бы, говорят и знают всё, кроме тех, кто работал в это время в КГБ - внешней разведке и в ГРУ - военной разведке. Но никакого бума или «шороха» в связи с этим «делом» там не было.

Например, мне неизвестно ни одного случая об «изгнании» из разведки либо уход в другие подразделения КГБ в связи с «засветкой» из-за Пеньковского. Не делая пока выводов, предлагаю подумать над этим фактом и попытаться осмыслить роль «феномена» в те годы - 50-60-е.

При подготовке к изданию своей книги «Операция «Турнир» я изучал ряд статей и даже объёмные книги об этом «деле». Анализируя их, я опирался на личный опыт работы в качестве «московского агента» канадской спецслужбы.

Почему мой интерес был именно к этому «делу»? У меня была рабочая гипотеза, точнее - часть её. Я пытался взглянуть на это «дело» как на операцию по дезинформации западных держав о реалиях ядерной мощи Советского Союза.

В начале 60-х годов наша страна в научно-техническом отношении проигрывала Западу. Требовалась дерзкая и убедительная акция по дезинформации противника. Советской стороне нужно было выиграть время для перевооружения армии на межконтинентальные баллистические ракеты. Ведь наши ракеты в системе ПВО страны не могли сбить У-2 - американский высотный самолёт-разведчик, который не один год безнаказанно летал над Союзом. И только в мае 1960 года шпионская акция была пресечена, а захват пилота Гарри Пауэрса в плен стал сенсацией и «яблоком раздора» между СССР и США.

После этого, к началу Карибского кризиса, до которого оставалось менее двух лет, советская сторона не могла развернуть в полную меру свой «ракетно-ядерный щит». Технически не могла. Вот представляется мне: Пеньковский действительно спас мир от ядерной войны, но не как шпион в пользу Запада, а как двойной агент-дезинформатор.

Что меня натолкнуло на эту мысль? Слишком хорошие его разведывательные возможности по доступу к сверхсекретной информации, казалось бы, стратегического значения. Сотруднику ГРУ, работающему «под крышей», они не доступны. Задания, которые ему ставились Западом (и выполнялись им), затрагивали такие секреты, что и дюжина Пеньковских не могла бы их осветить. Каждая информация, тем более документальная, - это секреты высшей важности, к которой доступ имеют единицы. Были ли у Пеньковского такие возможности в спецбиблиотеках либо среди его связей?

Правило работы с агентом гласит: сомневаться в возможностях источника информации, которые являются одним из признаков подставы.

И в ЦРУ считали, что уж всё у Пеньковского шло гладко. Мои сомнения в отношении его «дела» ещё более усилились после выступления по телевидению Владимира Семичастного, возглавлявшего КГБ в то время. Имея подозрения в отношении Пеньковского, КГБ оставил его в покое чуть ли не на целый год. Еще больше убедили в вероятности существования моей версии исследования серьёзного знатока шпионских дел Филиппа Найтли, ставшего известным у нас после опубликования биографии Кима Филби. Именно ему (Найтли) супершпион-разведчик в пользу СССР в 30-60-х годах доверил свою тайную судьбу.

Когда планы превентивного ядерного удара уже созрели у американцев, спасти мир и Советский Союз могли только адекватные меры с советской стороны. Информация, а точнее, дезинформация Пеньковского, должна была стать частью такой задумки Кремля по предотвращению Третьей мировой войны. Другой частью было появление советских ракет на Кубе. «Помощь» Пеньковского в «обнаружении» ракетных позиций на Острове Свободы только придала вес его дезинформационным действиям в работе с СИС и ЦРУ. Но ведь операция «Анадырь» - это скрытные действия по завозу ракет на Кубу. Вспомните пожелание Хрущёва: «Поставить Америку перед фактом появления ракет на Кубе!»

В «Энциклопедии шпионажа» раскрываются обстоятельства появления на Западе книги «Записки Пеньковского». Уже тогда было легко причислить этот опус к публикациям с окраской «чёрной пропаганды». Цель ЦРУ была шокировать Запад агрессивными замыслами советской стороны. Конечно, в книге был затронут вопрос противостояния между Востоком и Западом. «Энциклопедия» так повествует о «ракетной теме»: «Есть там и строки Пеньковского («подредактированные» в ЦРУ. - Авт .), посвящённые так называемому ракетному отставанию». И далее приводятся соображения, якобы высказанные Пеньковским:

«Хрущёв часто хвастается советскими ракетами и всячески пропагандирует их. Зачастую новая модель ещё только находится в стадии испытания (которые, кстати, могут завершиться неудачей), а он уже тут как тут и кричит на весь мир о новом «достижении» советского военного ракетостроения! Общее стремление Хрущёва и Политбюро ЦК заключается в том, чтобы любыми способами неустанно демонстрировать всем советское превосходство в ядерной области: запуском новых спутников, проведением очередных ядерных взрывов и так далее».

Вот таким образом Пеньковский - двойной агент «убаюкивал подозрения Запада», как говорил британский контрразведчик Питер Райт, в отношении «ракетного отставания» советской стороны на тот период.

Есть и другой аргумент в части возможностей Пеньковского. Англичане знали, что Пеньковского подозревают в КГБ. Однако для СИС работа с ним была единственным оправданием в серии провалов на фронте разведывательной борьбы с СССР. Доведя до ареста своего агента Пеньковского, СИС, да и ЦРУ, подтвердили версию о значимости своих разведок в политических делах Великобритании и США. «Честь мундира» -

не это ли было использовано в основе советской акции по дезинформации противника?

Упрёки в адрес связника Пеньковского, бизнесмена Винна, несостоятельны. Их встречи не носили конспиративного характера: виделись они открыто в людных местах - у памятников Маяковскому и Карлу Марксу, у подъезда гостиницы «Пекин». Мне, проработавшему около двадцати лет «под крышей» Внешторга, это понятно. Я проводил сотни встреч со многими иностранцами, в том числе и с носителями секретной информации, в Союзе и за рубежом. И только в крайнем случае стал бы использовать тайники в чужой стране, конечно, при наличии хорошо легендированных контактов по линии Внешторга. У Пеньковского такие контакты были по линии ГК КНИР.

Многое говорит о том, что Пеньковский сознательно вывел спецслужбы Запада на тайники и свои моментальные встречи. Эти операции по связи «нужны» были нашей госбезопасности для легализации факта его работы в качестве агента с западными спецслужбами и документального подтверждения характера передаваемой якобы секретной информации. Газетная шумиха, суд и приговор только подтвердили блеф о достоверности всех передаваемых Пеньковским на Запад сведений.

«В отличие от фигурантов других операций советской разведки, когда использовались игры с дезинформацией, Олег Пеньковский не появится через сорок и более лет в ореоле героя своей Родины. Разве что в мемуарах участников этой операции...» - такой пессимистической нотой заканчивалась небольшая глава о Пеньковском в моей книге «Операция «Турнир».

Но была ещё одна «загвоздка» в «деле». Она не даёт мне покоя и по сей день. Еще в Англии мой коллега по НТР пригласил меня на кружку пива. Повод был, нам обоим присвоили очередное воинское звание: ему - капитана, а мне - капитан-лейтенанта.

Я спросил коллегу о возможной встрече с руководителем НТР в Лондоне. И вот какой ответ я получил:

- Сейчас руководству всей нашей «точки» не до тебя и до всех нас. В городе проводится какая-то серьёзная операция... В гостинице проходят встречи с кем-то из спецслужбы англичан...

Расспрашивать было не в обычаях разведчиков. Но этот момент и через десятки лет беспокоит меня: а не были ли это встречи Пеньковского с «коллегами» из СИС и ЦРУ? И, возможно, резидентура участвовала в их обеспечении. По времени всё совпадает: и моя беседа с коллегой за кружкой пива, и работа Пеньковского с западными спецслужбами... Совпадение? Ответа нет. Может быть, ответ в архивах? Но в годы правления Хрущёва из архивов КГБ исчезло множество дел или была ревизия их содержания. Кто знает...

Ранее я уже упоминал о Бюро по дезинформации, действовавшем в 20-х годах. Тогда документальные следы многих острых акций тайного

влияния в оперативных делах фактически отсутствовали. Таково было правило работы тех лет в органах госбезопасности с операциями по дезинформации. А «дело Пеньковского» несомненно носит характер более широкого масштаба, чем рядовая акция только органов госбезопасности. Тем более что последствия её актуальны и по сей день.

Но вот ещё один парадокс. Высшее руководство страны всегда очень заботилось о «лице государства» на фоне всего мира в любых областях, не допуская никаких отрицательных проявлений, начиная со спорта и балета. Но тогда почему оно позволило, чтобы в процессе разоблачения и суда над Пеньковским был вылит «на голову страны» огромный ушат грязи - шпион среди нас? Да ещё и с выходом на верхи! Почему? Ведь к имиджу у государства отношение было весьма болезненным.

Как бы ни осторожен я был в оценках действий советской стороны в отношении Пеньковского, но время диктовало свою логику в развитии событий. Мне представляется, что Пеньковский, пройдя все круги ада в образе предателя - разоблачение, суд и приговор, - мог быть действительно расстрелян, чтобы скрыть лет на пятьдесят далеко идущую акцию в отношениях СССР с США. Если, конечно, Пеньковский был всё же предателем, но на определённом этапе, будучи разоблачён, стал сотрудничать с органами госбезопасности.

Итак, в 1997 году рукопись книги «Операция «Турнир» с главой о Пеньковском ушла от меня и зажила самостоятельной жизнью. Конечно, с ней ознакомились компетентные люди из Пресс-бюро службы разведки и с их подачи - в самой штаб-квартире разведки. Были незначительные замечания, но только не в отношении главы «Пеньковский». Даже намёком никто не подверг сомнению гипотезу о его участии в важной государственной акции.

Что говорить, такой подход именно к этой главе меня как бы окрылил. Мне представлялось: возможно, я стою на верном пути и нахожусь в нескольких шагах от раскрытия одной из загадок борьбы на «тайном фронте» в XX столетии. А так как не в моём характере было сидеть сложа руки, то я стал искать пути «публичного» изложения моей версии, в первую очередь среди профессионалов - специалистов по тайным операциям. И не прошло и полугода, как случай представился.

Готовилась практическая конференция по истории операций тайного влияния и один из последних пунктов в перечне тем гласил: «Реалии и мифы акций». Такая тема была равносильна бальзаму на мою душу, и я её «застолбил». Более того, пошёл дальше: в своём выступлении во главу угла поставил мастерство разведывательных операций, обобщив открытые материалы по нескольким значимым акциям тайного влияния.

Моё 20-минутное выступление на фоне анализа пяти операций легализовало версию с «делом Пеньковского». Результат? Ни да, ни нет. Правда, я тешил себя надеждой, что сказанное мною требует осмысления. Но оппоненты так и не появились, хотя интерес к постановке проблемы был.

Лишь однажды, в перерыве, ко мне подошёл ветеран разведки и выразил кое в чём сомнение:

- Вы рискованно перебрасываете мостик между операцией «Снег» и «делом Пеньковского».

- В чём же риск? - попытался уточнить я, рассчитывая услышать веские аргументы.

- Ну, во-первых, операции «Снег», как таковой, не было…

Я терпеливо слушал. «Терпеливо» потому, что не было оснований не доверять одному их патриархов советской разведки - генерал-лейтенанту Павлову, человеку весьма авторитетному в наших специфических делах. Но были и другие причины, и я прервал собеседника.

- Значит, генерал Павлов сознательно вводит в заблуждение всех нас… и общественность, на него это не похоже. Не правда ли?

Собеседник мягко возразил:

- Но как мог Павлов беседовать о столь важном деле, если даже не знал английского?

- Ну а если он ему не был нужен? - возразил я.

- Как так? - удивился коллега на два воинских звания выше, чем я, - капитан первого ранга.

- Павлов шёл наверняка, к нашему человеку - ценному источнику, а не к сочувствующему нам американцу, как говорится в книге Виталия Павлова «Операция «Снег»… Либо вообще к русскому, внедрённому в США ещё с 20-х годов… Например, на волне эмиграции через Дальний Восток, как это сделал герой из фильма «Семнадцать мгновений весны»… - убеждённо говорил я.

- Но мы не подтверждаем факта нашего участия в подготовке меморандума американцев в адрес японцев! - настаивал коллега, явно давя на меня своим ветеранским авторитетом.

Я развёл руками, давая понять, что в этой ситуации нужно было бы отделить «мух» от «котлет» - политику от реалий. Мы явно понимали друг друга, но оба не хотели подвергать сомнению и тем более опровергать официальную точку зрения на операцию «Снег», незадолго до этого высказанную советской стороной. И подоплёка всего этого была в том, что акция в определённой степени сыграла роль в ускорении трагедии Пёрл-Харбора - это в отношении американской стороны. Но она же создала условия для отказа японцев открыть дальневосточный фронт - это в отношении советской стороны. А пока я возразил:

- Хорошо, - пошёл я на «компромисс», - операция «Снег» не имела места… по названию. В этом вы правы: название её Павлов придумал, лишь когда готовил рукопись своей книги. Но в чём риск в отношении «дела Пеньковского»?

И тут коллега обезоруживающе просто изрёк:

- Раз не было операции «Снег», значит и «дела», с нашей точки зрения, не было. Предатель - непредатель - это домыслы…

Собеседник меня достал своей логикой, прямой как телеграфный столб, который гудит, но никакой информации не передаёт. И я начал чуть-чуть закипать.

- Из политических соображений наша сторона - служба и страна в целом - изложенные Павловым факты отрицает. Может быть, и в случае… с «делом» что-то от политики. В основе раскрытия этой акции сверхважного стратегического звучания лежит нежелание признаваться в таком явлении, как блеф на многих уровнях: партия, власти, спецслужбы… Как вы думаете?

Коллега даже руки поднял в знак протеста, но я был неумолим и продолжал:

- …может быть, парня расстреляли… для большего придания веса делу?

Так, ещё в год выхода моей книги, я пытался привнести в души моих коллег смятение. А ведь это были сотрудники элитного подразделения разведки - службы тайных операций. В моём выступлении «дело», казалось бы, стояло обособленно, но всё же было в одном ряду с такими операциями, как «Заговор послов», «Трест», «Снег», «Монастырь» и одной операцией из 60-70-х годов.

Чтобы выстроить логическую цепочку в моих рассуждениях, я выступил не просто по «делу», а провёл краткий сравнительный анализ шести указанных операций. Причем по критериям: предвидение и упреждение замыслов противника с последующим противодействием ему с целью дезорганизации его работы против советской стороны.

В этой цепочке умозаключений «дело Пеньковского» выглядело уже в ином свете. Однако, чтобы понять, в чём была суть версии с её аргументами и доказательствами, следует ознакомиться с анализом по всем шести акциям - ярко выраженными примерами мастерства советской внешней разведки.

Может показаться, что следующий раздел главы похож на всплеск «эмоций» по «делу Пеньковского». Правда, по широкому спектру вопросов. Делается попытка опираться в оценках на факты с точки зрения, как говорят в криминалистике, «достаточности доказательной базы». В этих рассуждениях имеются посылки, которые в дальнейшем будут осмыслены с помощью, как писал Юлиан Семёнов в одной из своих книг, «железной логики шахматного игрока».

По крайней мере, я буду стараться сделать это.

Трактовка «Феномена»

Рассказывая о «краеугольных камнях» в мастерстве разведки, рассматривались операции 20-70-х. Теперь о них следует напомнить с оценкой под иным углом зрения.

Яркой, одной из первых акций тайного влияния госбезопасности явилась в 1918 году операция по вскрытию заговора англо-франко-американской коалиции против молодой Советской республики с целью свержения большевистского правительства. В операции «Заговор послов» наши чекисты через «доверенное лицо» британского посла-разведчика Локкарта установили связь с якобы антисоветски настроенными латышскими стрелками, охранявшими Кремль, и «договорились» о ликвидации советского правительства.

Впервые факт подставы в «деле Локкарта», кадрового сотрудника ВЧК, был предан гласности лишь спустя сорок восемь лет. В качестве подставы под именем Шмидхена выступал чекист Ян Буйкис. За четыре месяца чекисту удалось: войти в доверие военной организации бывших царских офицеров и затем к британскому послу; выявить планы Великобритании, Франции и США по организации переворота в стране и физическому устранению советского правительства. В результате удалось сорвать скоординированное выступление контрреволюции.

Что общего с «делом Пеньковского» в этой операции? Подстава, целью которой было проникновение в планы, а средство - чекист с отлично отработанной легендой. Эта операция стала своеобразным эталоном для других операций советской госбезопасности на долгие годы потому, что в ней, как в капле воды, отражаются главные составляющие успеха - предвидение и упреждение действий противника.

В свете рабочей гипотезы «дело Пеньковского» не будет понято ещё без одного примера. Речь идёт об операции «Трест». Крупномасштабная и долговременная операция по проникновению в белоэмигрантские зарубежные военизированные организации сорвала их попытки террористической и диверсионной работы на территории страны в 20-х годах. Более того, их удалось дезорганизовать путём дискредитации перед правительствами государств - противников Страны Советов. После завершения операции все эти антисоветские организации в глазах Запада стали считаться контактирующими с советской госбезопасностью.

Операция «Трест» стала дезорганизующим фактором и в работе СИС - её активный разведчик Сидней Рейли (носитель далеко идущих планов британской разведки в отношении Советской России) был выведен в нашу страну и обезврежен. Характерным было то, что акция по выводу Рейли предусматривала легендированную его гибель при переходе границы, а также имитацию суда с последующим «расстрелом» «пособника» английского шпиона - командира пограничного отряда Тойво Вяха. Правда о роли пограничника в «деле Рейли» стала известна лишь в конце 60-х годов.

Итак, снова подстава и снова раскрытие обстоятельств легендирования операции через десятки лет.

В преддверии нападения фашистской Германии на СССР традиция советской разведки - масштабное влияние на ход международных событий в интересах государства - была продолжена.

Примером этому может служить разведработа госбезопасности в отношении союзников Германии по «оси» Берлин - Рим - Токио, в частности Японии. До войны и во время её внешняя разведка активно занималась ликвидацией угрозы открытия реальных фронтов прогермански настроенными правительствами в так называемых нейтральных странах: на Кавказе - Турция и Иран, в Средней Азии - Афганистан, на Дальнем Востоке - Япония.

Борьба США и Японии за влияние в регионе Юго-Восточной Азии должна была закончиться конфронтацией военного характера. Наша разведка ускорила ход событий в интересах СССР.

В основе проведения операции «Снег» указанные противоречия учитывались, как и наличие реальных возможностей у нашей разведки в среде влиятельных чиновников американского правительства, которые могли бы действовать против Японии, но по просьбе советской стороны (легендированный подход).

В ответ на меморандум американцев нападение японцев на военную гавань США в Пёрл-Харборе в начале декабря 1941 года похоронило надежды Германии на открытие советско-японского фронта. Высвободившиеся дивизии определили решительное поражение немцев под Москвой.

Эта акция, дезорганизовавшая планы японцев, стала известна лишь в конце 90-х годов.

Трагический период времени в жизни нашей страны - Великая Отечественная война, - казалось бы, не очень связан с «делом Пеньковского». Но масштабность акции из времён войны и её долгосрочность (1941-1945) говорили сами за себя, причём в пользу иллюстрации по «делу».

Война внесла коррективы в работу нашей разведки. Особенно по направлениям работы. Был широко использован опыт гражданских войн в России и в Испании для развёртывания хорошо организованной разведывательно-диверсионной работы, подпольного и партизанского движения в тылу гитлеровских войск на оккупированной советской территории.

Проникновение нашей разведки в разведывательные и контрразведывательные органы Германии и других государств - участников Второй мировой войны носило всеобъемлющий характер. На этом поприще подчас решались уникальные задачи по внедрению чекистов-разведчиков и агентов в среду спецслужб противника либо временного союзника.

На фоне повседневной работы нашей разведки дезинформация противника носила разносторонний характер - от введения в заблуждение об истинных задачах советских войск в прифронтовой полосе до крупномасштабных игр военно-стратегического характера.

В частности, речь идёт о такой игре между советской разведкой по

заданию Генштаба РККА и абвером - военной разведкой и контрразведкой вермахта.

И снова - легендирование как залог успеха в длительном «сотрудничестве» со спецслужбой противника. Легенда нашего Гейне и их Макса предусматривала доверие со стороны германской разведки к «беглецу из России», но с хорошей антисоветской биографией и родословной за целое столетие. Как и в случае с Пеньковским, доминирующее значение для начала работы с новым агентом имела родословная, а затем - информация (точнее, дезинформация) захватывающего дух значения. Вот в чём был успех радиоигры «Монастырь» и в последующем «Березино».

В послевоенные годы наша разведка смогла проникнуть в спецслужбы фактически всех стран Запада и в центры идеологических диверсий: радиостанции «Свобода», «Свободная Европа», Народно-трудовой союз (НТС), Организация украинских националистов (ОУН) и другие. Причем всё с той же целью - дезорганизации работы.

Операция «Турнир», в которой я принимал непосредственное участие, - это проникновение в агентурную сеть канадской спецслужбы. В процессе её проведения был пассивный период, предшествовавший операции, когда разведчик только фиксировал интерес канадцев к себе, а затем - его согласие на «сотрудничество» при условии работы только на территории западных стран, а не в СССР.

Как и в «деле Пеньковского», операция «Турнир» опиралась на предвидение ситуации и упреждение действий противника. Разведчик выступал в следующих качествах: информатор для нашей разведки о приёмах и способах работы канадцев, дезинформатор в области экономических отношений советской стороны с Западом, так же как провокатор - сбор сведений для последующей компрометации канадских сотрудников и дискредитации их службы в целом - в глазах общества и собственного правительства. Была достигнута цель дезорганизации коллектива сотрудников контрразведки страны - Канадской королевской конной полиции, - занятых работой против граждан советской колонии в Стране кленового листа.

При организации подстав в 20-70-х годах наша разведка проводила легендирование различных сторон операций на высоком уровне, особенно при подборе и подготовке на эту роль чекистов-разведчиков либо агентов органов госбезопасности. Главным «инструментарием» в таких акциях были следующие особенности.

В операции «Заговор послов» - это предвидение устремлений Запада участвовать в свержении советской власти. Та же тенденция отмечалась в действиях зарубежных эмигрантских центров (операция «Трест»). В операции «Снег» - предвидение нарастания противоречий в американо-японских отношениях и ускорение их развития до военного конфликта.

В операции «Монастырь» предвидение органов госбезопасности заключалось в упреждении действий германской разведки, которая

должна была искать опору в антибольшевистских кругах населения, особенно в среде из бывших состоятельных сословий. Упреждающий характер операции «Турнир» заключался в пресечении работы канадской контрразведки против советских граждан путём контроля канала создания агентурной сети в среде советской колонии в этой стране.

И вот к каким выводам я пришёл после анализа пяти акций: и предвидение и упреждение действий противника были направлены для решения сверхзадачи - дезорганизации его планов в отношении Советского государства на международной арене. Без такого резюме невозможно рассматривать версию: «дело Пеньковского» как дезорганизующая работа против Запада. Цепочка умозаключений о работе госбезопасности в приведённых выше операциях выстраивалась для того, чтобы по аналогии «вписать» «дело» в этот ряд.

И всё же, даже на этом фоне «дело Пеньковского» выглядит весьма проблематично, хотя уже несколько десятилетий находится в пристальном поле зрения западных и наших специалистов по разведке и, в частности, по её тайным акциям и дезинформации. С точки зрения объективной оценки, анализ «дела» как явления в работе госбезопасности страны всё ещё требует переосмысления и дополнительных выводов. Причем всё по тем же критериям: с позиции наступательности акций тайного влияния, их упреждающего характера с опорой на предвидение действий противника.

Еще во время работы британской и американской разведок с Пеньковским в среде компетентных сотрудников этих спецслужб высказывались (и аргументировались) предположения, что агент Алекс (кличка Пеньковского у западных спецслужб) является искусной подставой русских. И по сей день мнения специалистов сходятся в том, что заявитель Пеньковский - это акция, спланированная в недрах госбезопасности Страны Советов.

В частности, об этом говорил весьма серьёзный «эксперт шпионских дел» Филипп Найтли в своей книге «Вторая древнейшая профессия». Эту же версию по «делу» рассматривал Джеральд Шектер, крупный журналист и аналитик в области американо-советских отношений и автор пяти книг по советской тематике, в которых видное место занимает рассмотрение «дела Пеньковского». Питер Райт, английский контрразведчик из СИС во времена «дела», за сомнения в успехах коллег в «Деле» подвергался в стране «самой старой буржуазной демократии» серьёзным нападкам, вплоть до попыток запретить публикацию его версии.

Если судить по конечному результату, то «дело Пеньковского» - его разоблачение и публичное разбирательство в суде, даже смертный приговор, - усилило позицию советского правительства по нескольким политическим аспектам. Первый - это компромиссное решение между СССР и США в отношении Кубы (вывод советских ракет с острова в обмен на ликвидацию угрозы военного вторжения на Остров Свободы). Выигрыш СССР заключается в том, что в «подбрюшье» Соединённых Штатов и

рядом с их заповедной зоной - регионом традиционного экономического влияния остался оплот коммунизма - Куба.

Второй аспект: советский ракетно-ядерный потенциал на ближайшее время представляет реальную угрозу, с которой следует считаться (занижение показателей подтвердила, а глубокое отставание по межконтинентальным ракетам опровергла «информация» Алекса). Нашей стороной было выиграно время для создания «ракетно-ядерного щита» с использованием межконтинентальных баллистических ракет.

Наибольшую безоговорочность в предательстве Пеньковского вызывают сведения, которые он передавал на Запад. Однако более глубокий взгляд на их содержание говорит, что эти сведения были малоэффективны. Они, в частности, подтверждали уже известные данные - о ракетах на Кубе или о размещении некоторых баллистических ракет в СССР, обнаруженных американским спутником-шпионом. Разница в информации в несколько дней поднимала престиж агента и усиливала доверие к его информации. Это была тонкая дезинформационная работа.

Известно, что практика маскировки в нашей армии (у нас были даже специальные войска) в год Карибского кризиса была на высоком уровне. Снимки наших ракетных позиций, сделанные с самолёта-шпиона У-2, выглядели навязчивой демонстрацией, составной частью «блефа» - «мы тайно завезли ракеты, и вот они здесь - давайте торговаться...» Эти позиции были показаны с намеренно демаскирующей целью. Зачем?

Снимки и «информация» Пеньковского выполнили своё назначение - доверие спецслужб Запада к агенту возросло, и Пеньковский выиграл как дезинформатор.

Следующий аспект - проникновение в планы противника. Пеньковский многократно (6 раз) возвращался в беседах с «коллегами» из СИС и ЦРУ к одной и той же идее - «дайте мне портативный ядерный заряд для уничтожения важных стратегических объектов в Москве». Но именно в это время нашими военными конструкторами боеприпасов велись работы по поиску возможностей создания малых атомных зарядов - мин, торпед, снарядов (об этом я знал не понаслышке, а как инженер морской артиллерии и по боеприпасам). В этой связи упреждающая практика работы госбезопасности страны должна была предусмотреть возможность провокации с «ядерными зарядами» на территории СССР, если таковыми противник располагал.

В этом случае Пеньковский выступал нашим информатором об интересах Запада, потому что советская сторона знала о зловещих американских планах, предусматривающих упреждающий ядерный удар по Советскому Союзу.

И наконец, ещё один аспект. Связь с Алексом на территории Союза была организована западными спецслужбами с вопиющей безграмотностью, граничащей с пренебрежением к безопасности работы со своим агентом. А ведь Пеньковский был профессионалом - военным разведчиком ГРУ. И при этом, с точки зрения подставы, он мог выступать

как компрометирующее западные спецслужбы лицо, ибо последующая демонстрация на суде его операций по связи, например, с Винном, показала глубочайший непрофессионализм тех, кто его курировал со стороны англичан и американцев. Но этого не должно (и не могло) быть! И потому напрашиваются два вывода: Пеньковский в «играх в разведку» с Винном задался целью задокументировать их «конспиративные» отношения, а Запад в подобной ситуации на грани провала «списывал» агента со счетов для придания ещё большего веса ему в глазах своих правительств как ценному источнику информации в СССР.

И всё же главное, на что нельзя не обращать внимание, учитывая близость «дела» к Карибскому кризису, - это совпадение в двух плоскостях: Куба и «щит».

Действительно, недоверие к работе Алекса, и с нашей стороны и со стороны западных критиков действий кураторов Пеньковского, главным образом было вызвано тем, что в 1958 году новым руководителем КГБ А.Н. Шелепиным было дано указание по изменению методов работы против Запада с акцентом на активную наступательную стратегию. При этом он ссылался на положительный опыт органов госбезопасности в 20-30-е годы и позднее, в военные годы. В 1959 году предатель - сотрудник КГБ Голицын - сообщил ЦРУ о намерении советской госбезопасности провести акции тайного влияния, назвав якобы уже разрабатываемую операцию по дезинформации Запада с участием ГРУ.

С точки зрения объективности оценки намерений Алекса в работе с СИС и ЦРУ в его биографии была Турция, где он «наследил» и как разведчик и как человек с отрицательными чертами характера. «Турецкий период» в оперативной жизни Пеньковского поддавался проверке. Как тут не вспомнить появление в Европе в 1921 году эмиссаров легендированной организации МОЦР (операция «Трест») или в 1941 году эмиссара в абвере от организации «Престол» (операция «Монастырь»)?!

Советская сторона учитывала факт подмоченной репутации СИС, которая пострадала после провалов с военно-морским атташе Весселом, нашим нелегалом Беном-Лонсдейлом-Молодым, Маклином и Берджессом из «Кембриджской пятёрки» или Джорджем Блейком. СИС стремилась реабилитировать себя в глазах своего правительства, союзников по разведывательному сообществу в НАТО и перед налогоплательщиками. Наша разведка «помогла» им в «деле» с Пеньковским.

Анализ «дела» говорит о том, что к моменту появления перед западными спецслужбами Пеньковского-заявителя для советской госбезопасности необходимы были условия - фон начала крупномасштабной акции по дезинформации стратегического значения. Итогом усилий разведки могло стать следующее.

Если с самого начала у Пеньковского была роль подставы-дезинформатора, то ответ следует искать в области политики двух великих держав, проводимой в отношении Кубы, и в вопросах, связанных с проблемой контроля за вооружением.

В начале 60-х годов Советский Союз имел две большие стратегические задачи: сохранить режим Ф. Кастро на Кубе (американцы делали всё возможное, чтобы его свергнуть путём переворота, и готовили мощное вторжение); разработать и увеличить выпуск межконтинентальных баллистических ракет, не вызывая подозрений Запада. При этом СССР всячески старался убедить Запад в своём отставании от США в этой области.

Подозрения о том, что Пеньковский являлся частью операции по дезинформации Запада (сведения Голицына), аргументировал ещё британский контрразведчик Питер Райт. Твёрдо не веря в честность Алекса, он говорил: Пеньковский пришёл в американское посольство как заявитель, и беседа с ним проходила под подслушивающей техникой русских. Это был ответ на вопрос, Пеньковский завербовался. Райт сомневался в разведывательной информации Алекса - слишком широкие возможности и факт передачи подлинных секретных материалов. Часть этой информации содержала сведения об известных Западу советских разведчиках, а значит, не наносила ущерба нашей стране. (В ГРУ чуть ранее Пеньковского был предатель Пётр Попов, и его информация, переданная на Запад, работала на Пеньковского - Алекс был «свободен» в передаче сведений своим «коллегам» из СИС и ЦРУ).

Мне, как бывшему контрразведчику и профессиональному сотруднику госбезопасности, близка и понятна позиция Райта, касающаяся получения Пеньковским информации (добыча): пренебрежение личной безопасностью и факт массовой утечки секретных сведений в условиях жёсткого контрразведывательного режима в СССР. Такой массовый отток информации говорит о том, что к её «утечке» приложили руку органы.

Что же могло произойти в «деле Пеньковского»? Есть несколько вариантов ответа на эти вопросы:

Вариант 1. Пеньковский - предатель: разоблачён, судим, расстрелян. Сам факт его судебного разбирательства работает на схему «Куба-МРБ».

Вариант 2. Пеньковский - предатель: разоблачён, сотрудничал с органами госбезопасности против западных спецслужб, судим, всё же (якобы) расстрелян. Судебное разбирательство построено с учётом дезинформации Запада в отношении схемы «Куба-МБР».

Вариант 3. Пеньковский не предатель: «разоблачён», «судим», «расстрелян». «Достоверность» переданных на Запад сведений подтверждается фактами «разбирательства», «осуждения», «расстрела». То есть проводится классическая акция по типу операции «Трест» (дезинформация и дезорганизация усилий Запада).

По любому из этих вариантов наши органы госбезопасности решали суперзадачу - дезорганизации внешнеполитических усилий Великобритании и США путём дезориентации их в истинных целях Советского Союза относительно Кубы и МБР.

Вот к каким удалось прийти выводам после многочисленных сопоставлений фактов, имевших право на интерпретацию. А поднимался я

к этим выводам по ступенькам-акциям «Заговор послов», «Трест», «Снег», «Монастырь» и, особенно понятной мне, - «Турнир».

Следующий вопрос вытекает из всего сказанного: почему «дело Пеньковского» не раскрыто до сих пор? Тем более, если правилен вариант 3 (не предатель). Однако вспомним: Буйкис-Шмидхен «судим», дело раскрыто через 48 лет; Тойво Вяха - «судим», «расстрелян», дело раскрыто через 38 лет; операция «Снег» предана гласности почти через 50 лет и операция «Монастырь» - через четыре десятка лет.

«Дело Пеньковского» - щепетильное. Если считать, что сработал вариант 2 (предал, но после разоблачения пошёл на контакт с властью), то его могли действительно расстрелять, несмотря на сотрудничество с органами в процессе следствия и разбирательства в суде.

И пример тому следующее. В 1954 году ЦРУ заслало в Советский Союз четырёх шпионов - русских военнопленных-невозвращенцев. О них стало известно нашим органам от источника в НТС. После задержания шпионам было обещано помилование в обмен на сотрудничество с госбезопасностью и судом. Однако по личному указанию главы государства Хрущёва их всё же расстреляли. Зачем? «Чтобы Западу было неповадно...».

Не исключено, что в случае с «делом» приговор мог быть приведён в исполнение в связи с важностью дезинформационной акции стратегического значения, составной частью которой был Алекс (вариант 2). Тогда и суд и приговор работали на акцию.

Следует отметить, что факты принесения в жертву фигурантов или людей в крупных акциях не новы. Во время Странной войны (1939-1940) Англии и Франции с Германией У. Черчилль принёс в жертву город Ковентри, скрыв сведения о подготовке бомбардировки города. Цель - не раскрыть факт дешифровки англичанами немецких шифркодов.

Считают, что американский президент Рузвельт скрыл ставшие ему известными сведения о подготовке нападения японцев на Пёрл-Харбор, вызвав таким образом национальный подъём в душах американцев и облегчив вступление США в войну на стороне антигитлеровской коалиции.

Итак, рассмотрен характер акций тайного влияния в процессе проведения пяти операций для выявления их общности с «делом Пеньковского». Кроме упреждения и предвидения действий противника, у этих акций с «делом» есть ещё один общий момент: все они «страдают» целесообразностью появления по месту и времени в период противостояния (причём острого) советской и западной сторон.

Общий вывод: «дело Пеньковского» согласно выдвинутой мной рабочей гипотезе вписывается в ряд акций тайного влияния советской госбезопасности 20-70-х годов.

«Постулат разумности»: цель - средство - результат и в случае с «делом» достаточно убедительно констатирует свою логическую законченность. Цель - заставить американскую сторону оставить Кубу в

покое на бессрочное время; средство - дезинформация о МБР, качество которых якобы оставляет желает лучшего, но всё же опасно для США; результат - по завершении Карибского кризиса американское руководство вынуждено считаться с фактом, что Советский Союз является Великой Ядерной Державой.

Естественен вопрос: а 5000 листов фотодокументов и устные сообщения, переданные Пеньковским на Запад? Известно, что в процессе проведения дезинформационных акций масштабного характера приходится жертвовать кое-какими секретами второстепенного значения. Однако «его» тысячи документов - это так называемый «информационный шум», то есть фон, создаваемый для иллюзии «эффекта доверия» к источнику информации. А «шуметь» Пеньковский мог достаточно, ибо перед его «переходом» в стан западных спецслужб был разоблачён сотрудник ГРУ Пётр Попов, а по линии ГК КНИР так же ушёл на Запад его сотрудник.

Именно такой «шум» (заинтересовавший американцев) позволил Пеньковскому выйти на американскую службу после его контактов с англичанами. Ранее, ещё в 20-х годах, были аналогичные сведения об РККА, которые дали засечь эстонским спецслужбам в письме от МОЦР в РОВС (операция «Трест»).

Итак, моя трактовка этого «дела»: Пеньковский - дезинформатор Запада, то есть подстава советской госбезопасности.

«Феномен» - подстава

Прежде, чем продолжу отстаивать свою позицию по «делу Пеньковского», хотелось бы привести собственные аргументы в пользу версии: Пеньковский - не предатель. И я решился вынести своё суждение на суд читателей. Обстоятельства подтолкнули меня к такому рискованному шагу.

Однажды из Пресс-бюро службы разведки мне позвонил знакомый сотрудник, большой мой доброжелатель ещё со времени подготовки к изданию книги «Операция «Турнир».

- Тут из еженедельника «Век» хотел с тобой переговорить журналист… Говорит, что ты его знаешь… Так как? Давать ему «добро» на интервью?

- Конечно, особенно, если я его знаю… Действуй…

Так в моей квартире снова появился Николай Николаевич Поросков, до недавнего времени один из опытнейших сотрудников газеты «Красная Звезда». Это он доводил мою рукопись до 300 страниц, изрядно урезая милые моему сердцу куски. Но таково было требование издательства - и книга похудела почти вдвое. Знакомство принесло мне большую пользу, ибо в результате общения и работы над рукописью я почерпнул много полезного в части «издательских секретов».

Тогда мы впервые оговорили мою позицию по главе о «деле

Пеньковского». Ведь книга вышла в августе 1999 года, и внимание пишущей братии привлекла к себе глава о Пеньковском - размышления о «феномене», особенно мои сомнения в его искренности при работе с Западом. По этой причине состоялся разговор-интервью, то есть вопросы и ответы. Николай Николаевич задал первый вопрос:

- Вы в течение многих лет играли роль «московского агента» канадской контрразведки. Это привело к дезорганизации её работы, стоило карьеры нескольким её офицерам... Видимо, исходя из собственного опыта, вы и на историю Пеньковского смотрите нетрадиционно. Официальная фабула простая - предал, разоблачён, судим, расстрелян. А по-вашему, как вы упоминаете в недавно вышедшей своей книге, - «подстава» КГБ?

- Если была «подстава», то не Комитета и даже не органов госбезопасности, а всей страны - речь надо вести о возможном стратегическом замысле. Доказательств у меня нет, есть факты, которые имеют право на интерпретацию...

Николай Николаевич отлично подготовился и задал следующий вопрос:

- Если ваша версия верна, почему бы СВР - Службе внешней разведки - за давностью лет не сказать, как всё было в действительности?

Тут следовало начать с событий 20-х годов.

- Опыт проведения масштабных игр у нашей разведки большой. 1918 год - «Заговор послов» или «Заговор Локкарта». Главный участник Ян Буйкис куда-то исчез и не присутствовал даже на суде. И только в 1973 году, через 55 лет, появилась книга под названием «Под именем Шмидхена».

С 1921 по 1927 годы велась масштабная операция «Трест». Одно из действующих лиц - начальник погранзаставы Тойво Вяха, который держал канал связи через границу и перетащил на себе Сиднея Рейли, английского разведчика, был за содействие противнику судим и расстрелян. А в 1965 году, почти через 40 лет, он появился на экране телевизора под именем Петров, стал писать книги...

Об операции «Снег» 1940-1941 годов, нацеленной на ускорение столкновения интересов американцев и японцев на Дальнем Востоке, участник тех событий генерал Павлов упомянул лишь в середине 90-х годов.

Всю Великую Отечественную войну под непосредственным руководством Сталина шли операции «Монастырь», а затем - «Березино». Даже Жуков не был в курсе дела. И Шелленберг, и Гелен упоминают в своих книгах о немецкой операции. Но оба ушли из жизни в уверенности, что их операция была образцом проникновения германской разведки абвер в Генштаб Красной Армии. Более того, Гелен после войны настаивал, чтобы американцы разыскали в Москве их Макса (нашего Гейне), который «работал» с немцами до мая 1945 года. И только в

середине 90-х годов Павел Судоплатов эту историю предал гласности…

Николай Николаевич:

- Значит, время Пеньковского ещё не пришло. Но что же он передал американцам и англичанам?

- Сведения о людях. Цифры гуляют разные: 200-300 человек. Правда, они уже были известны американцам и англичанам. Передал около 5000 кадров фотоплёнки. За Пеньковским отмечено стремление дать максимум информации - это не характерно для перебежчиков. Он передал даже подлинные документы с грифом, что в условиях того времени - времени жесточайшего контрразведывательного режима в вопросе охраны секретных документов - абсолютно невозможно. И потом, если передал 5000 кадров, зачем рисковать с подлинниками?! Разве для того, чтобы показать, что он имеет доступ к секретам? Для этой цели это вполне сгодится.

- Через маршала Варенцова, который якобы помогал ему двигаться по служебной лестнице, он имел выход на высокие инстанции? - задал вопрос мой собеседник, имея в виду источники информации Пеньковского.

Здесь нужно было отвечать кратко, чтобы не утонуть в нюансах.

- И ЦРУ, и СИС стремились заполучить документальную информацию. Трёпу, даже в высоких сферах, они вряд ли верили безоговорочно… Именно характер информации с точки зрения её достоверности определяет оценку полезности агента… Наша сторона знала об этом.

Наконец, Пороскoв затронул мою любимую тему, на которую можно было говорить много. Можно было бы посвятить целую статью, но мне пришлось быть кратким.

- Как вы расцениваете готовность Пеньковского взорвать в центре Москвы ядерные портативные заряды, эдакие «миниатюрные бомбы», которые парализовали бы управление боевыми действиями наших войск в случае войны?

- Его настойчивое желание заполучить в этом поддержку американцев и англичан говорит не против него, а наоборот. И вот почему. Двойной агент, помимо прочего, ведёт сбор сведений о намерениях противника, а также собирает данные для дискредитации или компрометации его. Замыслы американцев нам необходимо было знать. Теперь ещё об одном факте: Пеньковский совершенно пренебрегал вопросами личной безопасности…

- Значит, Пеньковский рисковал неоднократно, спрашивая о «малых ядерных зарядах»? - уточнил Николай Николаевич.

- Да, - коротко ответил я и продолжил разговор о вопросах безопасности. - Профессионал не станет проводить тайниковые операции и «моменталки» в своей стране, тем более, если это СССР. Он как заместитель начальника управления внешних сношений ГК КНИР мог каждый день принимать иностранцев. К этому времени у него уже был

связной Винн. Настораживает обилие у него разведвозможностей, которых хватило бы на дюжину «пеньковских».

Безопасность! Надо быть самоубийцей, чтобы, зная как работает наша служба наружного наблюдения (буквально за несколько дней до этого она разоблачила подполковника из ГРУ Петра Попова), тем не менее пытаться установить контакт с американцами в районе Кремля. А ведь там каждый второй милиционер в то время был сотрудником госбезопасности. Зная, что и западная сторона боится провокации, он оставался настойчивым, даже навязчивым в поисках контактов.

- Ну и что же? Выводы? - заинтересованно спросил мой собеседник, с любопытством следя за моей эмоциональной тирадой.

- Выводы? Пожалуйста. Все эти «неправильности» делались им для того, чтобы задокументировать и предать гласности действия западных спецслужб, в частности скомпрометировать американцев…

Николай Николаевич парировал:

- Та сторона, скорее всего, рассуждала так же. Почему всё же клюнули на приманку?

Вопрос меня обрадовал. Тут было что ответить.

- В то время произошли крупные провалы в СИС и ЦРУ: ушли Маклин и Берджесс из «Кембриджской пятёрки», скандал с министром обороны Великобритании Профьюмо; разоблачён Вессел - военно-морской атташе, передавший русским многие планы военных блоков по всему миру; ушёл Блейк, англичане «накололись» с Лонсдейлом - нашим нелегалом Молодым. И СИС и ЦРУ позарез нужен был успех, и они хотели зацепиться хотя бы за кого-нибудь. Наша спецслужба также догадывалась об этом их желании…

(Небольшое отступление. Американская разведка относительно молодая. К моменту встречи с Пеньковским ей насчитывалось менее двадцати лет. Фактически у неё не было опыта проведения масштабных операций. А в разведке важны три компонента: разведчики, агенты, операции. Причем во взаимосвязи. Это уже потом, с конца 60-х годов, ЦРУ развернуло тотальные тайные операции по всему миру… А ведь до начала 50-х годов американская разведка не имела ни одного агента на территории СССР. Первыми в ГРУ стали Попов и Пеньковский. И завалила она Пеньковского в силу своего непрофессионализма… Если он действительно был её агентом!)

Тем временем журналист лил воду на мельницу моей версии, спрашивая:

- Может быть, сыграл роль и турецкий период в жизни Пеньковского, когда он, будучи заместителем резидента ГРУ в этой стране, звонил в местную контрразведку и сообщал о планируемых операциях наших разведок?

- Да. Его действия в Турции наверняка проверялись сотрудниками

СИС и ЦРУ. Они убедились: человек давно стремится к сотрудничеству с ними. Хотя он звонил якобы с другой целью - подсидеть своего начальника. Но это больше похоже на легенду объяснения контактов с турками.

Николай Николаевич перешёл к следующему вопросу.

- Разве неубедительна основа его работы на Запад - ненависть к коммунизму, отец был белым офицером?.. Из-за отца, мол, Пеньковского задвигали по службе, и отсюда страсть к алкоголю и женщинам?

Вопрос был «хлебным», ибо мотивы его желания сотрудничать с Западом ярко определялись целым «букетом» причин. Я остановился на одной:

- В середине 70-х годов был случай, когда человек исключительно нужный разведке, волевой, прекрасно организованный и ценный руководитель, в возрасте 50 лет был уволен за то, что его отец был полицаем в годы войны. Этот разведчик был обвинён в неискренности, хотя не знал об отце практически ничего: тот бросил семью, когда сыну было три года. Пеньковского, зная его историю с отцом, КГБ никогда бы не выпустило за рубеж. Более того, даже не подпустило б к иностранцам. Всё это с точки зрения правил тех лет - большой «криминал» в биографии гражданина. За границей, по логике кадровиков, должны работать кристально чистые люди - по анкетным данным. Да, Пеньковского подталкивали влиятельные люди, но кадры не взяли бы на себя такую ответственность - я имею в виду историю отца Пеньковского. Заблуждений на этот счёт не может быть. Всё говорит о том, что Пеньковский работал под контролем (либо в контакте с КГБ). И тогда... история с отцом - это легенда.

Мне нужно было глубоко аргументировать свои сомнения в мотивах сотрудничества Пеньковского с англичанами и американцами. И я продолжал:

- ...человек, работавший по «делу» Пеньковского, рассказывал мне, что тот, вопреки имиджу бабника и пьяницы, таковым не был. В своё время Шульце-Бойзена из «Красной капеллы» тоже называли пьяницей, картёжником и бабником. Потому что, по тогдашним меркам, агент советской разведки мог быть либо идейным сторонником, либо купленным за деньги. Из нашей резидентуры в Берлине об этом антифашисте писали так для того, чтобы заинтересовать Центр. У американцев большинство агентов были либо предателями, либо пойманными на компрматериалах. Пеньковский об этом знал и, вместе с органами, успешно подыгрывал.

Родная дочь Пеньковского, после разоблачения отца, работала у нас в КГБ, в информационной службе. И начальник контрразведывательного главка госбезопасности генерал Грибанов, и председатель КГБ Семичастный говорят, что помогали ей устроиться на работу в Комитет. Если только из альтруистических побуждений, то могли бы устроить её куда-либо ещё. Это могло случиться, если Пеньковский поставил такое условие... Органы всё же не благотворительная организация!

Николай Николаевич подкинул новый вопрос:

- Может быть, дочь была принята на работу в органы, потому что на банковском счёте её отца было около миллиона долларов и по западным законам она могла их получить?

- Трудно сказать... Но для этого не надо работать в Комитете госбезопасности, сотрудникам которого не дозволено бывать за рубежом. Проще выехать из-под крыши другого ведомства...

Николай Николаевич поставил вопрос ребром:

- А теперь о главном: для чего Пеньковского подставили?

Журналист дал мне сосредоточиться и перезарядил кассету магнитофона. Вопрос поставлен, но нужно прояснить ситуацию издалека.

(...В начале книги говорилось о планах США в отношении Советского Союза, которому американское правительство отказывало в праве существования на Земле. Начиная с 1945 года, в рамках директив Совета национальной безопасности США появилась целая серия решений, которые касались планов «как разделаться с СССР», причём политическими и военными средствами. Военные планы появлялись ежегодно - «Тоталити», «Чариотир» и его варианты - «Кагуил», «Даблетор» и другие.

Сущность этих планов сводилась к одному: ведение превентивной войны против СССР с применением атомного оружия - 180 бомб и, если капитуляции не будет, - ещё 200. Конкретно: дьявольский план Пентагона «Троян» предусматривал нанесение атомных ударов по 70 целям. На секретных картах американских военных атомными мишенями стали Москва (8 бомб), Ленинград (7), Горький, Свердловск, Баку, Тбилиси...)

- Атомное нападение на Советский Союз должно было осуществиться 1 января 1950 года. Однако за несколько месяцев до рокового дня усилиями учёных и разведчиков была прервана монополия США на атомное оружие - в СССР прошло испытание первой отечественной атомной бомбы. Позднее мы взорвали ещё более мощную атомную бомбу. Но в конце 1949 года в Соединённых Штатах появился ещё один план - «Дропшот», содержание которого стало достоянием советской стороны сразу после его утверждения в Белом доме. В активе нашей разведки тогда были Ким Филби, Джордж Блейк, а позднее - Вессел, о котором военный министр Великобритании, узнав о его связях с советской разведкой, сказал: «У Британии теперь нет секретов!»

Конечно, Киму Филби, который к тому времени курировал молодое ЦРУ, было известно об этом зловещем плане с применением 300 атомных бомб и последующем наступлении на СССР 164 дивизий НАТО. Предусматривалась оккупация Советского Союза и раздел его на четыре зоны. Наша сторона знала, что «Дропшот» по своей злонамеренности превосходит гитлеровский план «Барбаросса». Его реализация имела в виду завершение военных действий к 1957 году с окончательной оккупацией и разделом СССР к 1960 году...

- А Пеньковский? - спросил Пороскоов.

- ...Поэтому, представляется, что действия Пеньковского в Турции (контакты с американцами и турками, меркантильные дела, конфликты с коллегами) были частью плана по выходу на спецслужбы Запада. И после призыва председателя КГБ Шелепина к разработке масштабных акций тайного влияния по дезинформации Запада Пеньковский был задействован в такую акцию. Об этом говорят его настойчивые попытки установить контакты с ЦРУ, а затем с СИС, заворожить их своими разведвозможностями в Министерстве обороны.

К 1962 году в США созрел очередной план превентивного удара по Стране Советов. Кроме того, американцы планировали «сковырнуть» Кубу с её просоветским Фиделем Кастро. Уже была подготовлена 500-тысячная группировка войск, со Средиземного моря пришёл 6-й американский флот. А у нас к тому времени не был ещё развёрнут «ядерный щит». По данным ЦРУ, у СССР находились на вооружении 400 ядерных боеголовок, и первый запущенный американский спутник-шпион обнаружил только 25 ракетных позиций - мы хотели создать настоящий «ядрный щит», прикидываясь при этом слабаками. Что мы, собственно, и сделали - обычно мы догоняли американцев, а они двигались вперёд...

- Вот почему была важна информация Пеньковского, - завершил я столь длинный ответ к вопросу и добавил: - Это и сеть первая причина для подставы.

Следующую причину сформулировал мой собеседник сам, затронув тему Кубы:

- А его роль в Кубинском кризисе?

- Незадолго до кризиса, в июле 1962 года, Пеньковский сообщил своим «коллегам» на Западе о строительстве площадок для наших ракет на Острове Свободы. Это случилось как раз накануне запуска американского спутника-шпиона, который всё обнаружил. Слава агенту! Чудо-агент! Ну а как быть с нашим искусством маскировки?! Ведь обнаружить следы наших ракетных площадок, тем более сами ракеты на Кубе в сельве, пальмовом лесу - просто невозможно. Да там целый аэродром можно спрятать.

Вернее всего, дело обстояло так: нам нужно было легализовать сам факт возможного появления ракетных позиций на Кубе. Потом мы быстро согласились вывезти ракеты с острова: шёл большой торг, смысл которого - не трогайте Кубу! На Западе это назвали «большим блефом» Хрущёва...

Наш разговор длился более часа, а вопросы явно не убывали. Николай Николаевич высказал сомнение в продолжении «допроса». Он опасался меня переутомить. Но это была моя тема, можно сказать, выстраданная. И мы продолжили.

- Почему Пеньковского не вывели из игры «мягко»? - спросил журналист.

- Как было объявлено официально, Пеньковского арестовали 22

октября - в этот день Карибский кризис достиг своего пика. Это был момент, когда американцы принимали решение о превентивном ударе… Но уже в наши дни Владимир Семичастный, глава КГБ в то время, говорил, что ещё за полгода до этой даты ему запретили заниматься Пеньковским… А ведь в отношении него у госбезопасности были серьёзные подозрения - значит, чтобы не вспугнуть работающих с ним американцев и англичан. Да и сам факт ареста повышал значимость агента для Запада…

Работая с ним, наша сторона получала информацию: задачи, которые ставили спецслужбы внедрённому агенту, - то есть обнаруживался конкретный интерес той стороны, её уровень знаний и осведомлённости о нас. А затем - гласный суд и мощная политическая кампания…

Вопрос:

- Почему выбор пал именно на Пеньковского?

- Думаю, было несколько каналов, но у него пошло лучше. Мы узнаём о наших успехах по нашим провалам… Но провалы ещё и учат.

- Полтора десятка американцев, работавших с Пеньковским и на него, были выдворены из СССР. Пострадали и наши: маршал, начальник ГРУ - они были сняты с должностей и понижены в звании. А офицеры спецслужб? - беседа носила явно завершающий характер, но «порох в пороховницах» у Николай Николаевича ещё был.

- И восемь англичан, - добавил я. - Мне удалось поговорить с некоторыми офицерами из ГРУ. Многим объявили наказание публично за… ротозейство, но фактически все остались на своих местах.

Далее разговор стал выходить за рамки темы и стал касаться большой политики.

- Могла ли какая-то группировка, борющаяся за власть в Союзе и знающая непредсказуемость Хрущёва, послать Пеньковского известить американцев, чтобы они, не дай бог, не начали войну?

Вопрос был не по теме, но всё же о Пеньковском, и я мог отвечать на него, опираясь на собственный жизненный опыт.

- При нашей разветвлённой и централизованной партийной системе и сильной госбезопасности - это невозможно! Тем более наверху. Любой побежал бы к партийному секретарю «посоветоваться». Для таких целей нужна хорошо законспирированная организация в высшем эшелоне, что было абсолютно невероятно. И необходимости не было, как мне представляется.

- Но Пеньковский оставил след и в Берлинском кризисе? - опять «вода на мою мельницу».

- По нему он никакой информации не дал. Кроме того, что будет подписан договор о сотрудничестве. О планировавшемся факте возведения Берлинской стены он ничего не сообщил. А ведь об этом его высокие источники могли бы знать, раз уж о ракетах говорили! Этот факт

также в пользу моей версии…

А Николай Николаевич требовал ответа и «брал быка за рога».

- Могли его расстрелять потому, что столь высокую игру нужно было довести до полного логического конца?

- Нет, не могли. Хотя… - вопрос был более чем щекотливый и на него отвечать всуе не хотелось.

- А может быть и так: Комитет, чтобы реабилитировать себя в истории с действительным предательством, придумал эту версию с двойным агентом? - коварно допытывался журналист.

- Тогда нужно признать, что «масштабно липовали» все: разведка и контрразведка, Верховный Совет, судьи… Сотни людей были завязаны в «дело»… Поэтому Пеньковский сегодня не может появиться в ореоле национального героя… И не только поэтому - «деза» с его подачи всё ещё работает на нашу страну.

И тут я перешёл на личный опыт.

- При подготовке к работе в качестве двойного агента - «московского агента» канадцев меня спрашивали: готов ли я сыграть роль предателя, причём со всеми вытекающими последствиями - суд, телевидение… В моей истории, когда у канадцев «по моей вине» произошёл провал, участвовавшим в их операции «Золотая жила» канадским офицерам правительственные «бонзы» навязывали линию поведения: возьмите всё на себя, пусть правительство страны останется в стороне… Страны и службы - разные, а тактика может быть одна. Канадцы до конца считали, что я работал с ними честно, искренне и, после разоблачения, был «замучен в подвалах Лубянки».

- Значит, вполне возможно, что Пеньковского не расстреляли? - задал последний вопрос мой собеседник.

И получил обтекаемый ответ:

- Если что-то и будет известно, то лет через пятьдесят. А о том, что он, возможно, жив, высказывались аналитики на Западе…

Интервью поместили на первой полосе еженедельника «Век» под рубрикой «Версия» и с броским заголовком: «Шпион века» был «подставой» КГБ?» Правда, со знаком вопроса, но, я надеюсь, пока. Подзаголовок подливал масла в интригу, ибо гласил: «Свою трактовку истории высказывает разведчик, сам побывавший в шкуре двойного агента».

Озвучить-то мою версию я озвучил, но вот дать детальную аргументацию не смог - всё же это газетная статья, а не трактовка «на тему». Надеялся получить отклики и возражения - мне нужны были оппоненты и выходы на людей, бывших близко к «делу» и самому Пеньковскому. Но… увы и ах! И через месяц, и через два реакции на интервью не было. Думается, что всё же сыграл фактор времени: прошло без малого сорок лет.

Руки я не опустил. Хотя временами казалось: в этом расследовании можно поставить точку. Всё, что я говорил, носило косвенный характер, - интерпретация фактов. Поддерживало во мне уверенность в своей правоте то, что я на верном пути. Видимо, во мне с годами проросли умные мысли, высказанные великими людьми. Альберт Эйнштейн: «Самое прекрасное, что мы можем испытать, - это ощущение тайны…»; Джордано Бруно: «Нужно лишь немного увидеть и услышать, для того чтобы потом долго размышлять и многое понять»; наконец, всё тот же Эйнштейн: «У меня нет никакого таланта - есть только упрямство мула и страшное любопытство».

Особенно радовало меня и вселяло уверенность поучение нашего замечательного соотечественника Михаила Кутузова, полководца, разведчика, государственного деятеля: «От того времени, когда ты познал истину, до того момента, когда она восторжествует, может и не хватить жизни…» Неправда ли, такой совет вселяет надежду!

«Тайна», «рассуждения», «любопытство», «надежда» и… опора на системный подход к анализу этого «дела» - вот и всё!

Так вот. Объективная реальность предусматривает три, причём обязательных, условия в работе с агентом: его разведывательные возможности, основа сотрудничества и безопасность. При анализе работы Пеньковского с СИС и ЦРУ возникает масса вопросов, не говоря уже о том, что значительная их часть носит характер подозрительный.

В разведке имеет значение проверка информации, поступающей от источника, поведение носителя её. Разведка - «их» или «наша» - должна однозначно ответить на вопросы: что неясно или неточно? что сомнительно либо настораживает? И тем более - что подозрительно? Недоверие к источнику перерастает в доверие только после получения ответов на все эти вопросы, «добытые железной логикой шахматного игрока». Иначе такой источник - это «бомба замедленного действия», взрывной силой которой будет: дезинформация собственного правительства, дискредитация работы спецслужбы, компрометация её кадровых сотрудников, а в целом - дезорганизация направления работы разведки либо контрразведки. (Всё это произошло в работе против канадцев в операции «Турнир». Конечно, по сравнению с Пеньковским-подставой масштабы эффективности были значительно слабее.)

Этими вопросами в «деле» задавались и биограф Кима Филби - Филипп Найтли, и английский контрразведчик Питер Райт, и аналитик «дела» в двух томах - Шектер. Задавался этими вопросами и я. Все искали свои ответы в оценке источника информации, коим был Пеньковский для Запада: ценность его информации (что?), способ передачи её (как?) и характеристика источника (кто?). Об этом говорилось ранее в «краеугольных камнях» мастерства разведки.

Постепенно при оценке работы Пеньковского на СИС и ЦРУ выстраивался ряд аргументов, в которых было место двойственности. И высвечивалась его работа в пользу советской стороны в роли подставы -

информатора, дезинформатора, дискредитатора. В целом - дезорганизатора намерений Запада в сложное для СССР время Карибского кризиса и нашего ракетно-ядерного перевооружения.

Чтобы не утомлять читателя описанием версии «Пеньковский-подстава», приведу лишь несколько, самых ярких примеров. Сразу ещё раз оговорюсь: исхожу из того положения, что целью «дела» была подстава его для дезориентации западных политологов и военных в отношении ядерной мощи Советского Союза. Каким образом? Путём сковывания попыток противника проникнуть в наши секреты, отвлечения сил западных спецслужб на ложные объекты интереса, а значит, сдерживания таким образом его активных действий по расширению агентурной сети в Союзе.

В начале 2000 года в «Независимой газете» прошла информация о крупной советской операции, связанной с «делом Пеньковского».

В 1957 году советская военная разведка начала операцию «Великая ракетная деза». Ее цель - продемонстрировать руководству США советское отставание в ракетной сфере. Западу настойчиво внушалось через сотрудников ГРУ, публикации в специализированных «закрытых» изданиях, технические мероприятия и через Пеньковского, что советские МБР имеют очень неточную систему прицеливания. Поэтому их нельзя использовать в качестве средства поражения позиций американских ракет. Обман раскрылся случайно только в 1968 году, а до этого времени американские пусковые установки МБР фактически были беззащитными.

Но ещё ранее английский контрразведчик Питер Райт увязал появление на небосклоне СИС и ЦРУ «звезды первой величины» - Пеньковского - с задумками наших органов госбезопасности по стратегической дезинформации Запада. Пеньковский, по Райту, вписывался в рамки далеко идущих прогнозов, сделанных перебежчиком Голицыным, бывшим сотрудником КГБ и работавшим на ЦРУ. Он рассказал, что в декабре 1958 года в руководстве КГБ произошли изменения: глава Комитета генерал Серов стал руководителем ГРУ Генштаба Минобороны, а начальником КГБ оказался человек новой формации Шелепин, из поколения более ловких и гибких в сложных обстоятельствах «хрущёвской оттепели».

Советское руководство страной считало, что изнурительная война с Западом - политическая, экономическая, идеологическая и разведывательная - набирает силу. Руководство хотело понять, как можно выйти из неё победителем с наименьшими потерями, прежде всего в политическом отношении. Шелепин шесть месяцев изучал проблему и затем провёл в штаб-квартире КГБ на площади Дзержинского расширенное заседание. Он призвал вернуться к методам работы ОГПУ-ИНО и НКВД времён войны. При этом он сослался на масштабную операцию «Трест» как пример акции по скрытию истинных стратегических намерений советской разведки.

Вскоре после этого совещания в системе КГБ было создано

подразделение, в задачу которого входили планирование и подготовка дезинформации на стратегическом уровне (вспомните работу «Дезинфбюро» под руководством высших руководителей страны!).

И в 1959 году работавший в КГБ Голицын от одного из друзей узнал, что в недрах нового отдела готовится крупная дезинформационная акция с участием ГРУ. Однако в то время её реализовать не могли, так как стало известно, что Запад имеет в военной разведке (ГРУ) агента, и сначала необходимо было его выявить и обезвредить.

Этим агентом оказался подполковник Попов, которого разоблачили в конце 1959 года. Выход был найден: принято было решение о стратегической дезинформации на фоне «дела Попова» и появлении в стане противника Пеньковского.

В чём состоит уверенность, что «дело Пеньковского» инспирировано органами госбезопасности? Причем в масштабе страны. Это сделали силы, которые можно было бы назвать «сообщество спецслужб»: в первую очередь - ПГУ (внешняя разведка), контрразведка и ГРУ (военная разведка).

Расстановка сил к началу 60-х годов показывала, что наши спецслужбы имели необходимые возможности и условия для начала крупномасштабной акции по дезинформации. Питер Райт говорил: «Русские имели в то время довольно внушительные источники информации на Западе, особенно в Великобритании и США...» Он имел в виду Хисса - агента на военно-морской базе в Британии, Филби - из «Кембриджской пятёрки» и, как значительно позднее стало известно, в высшем эшелоне британской разведки и контрразведки, в Форин офисе. Еще был в «тылу» Запада Блейк из СИС, «автор» провала англо-американской операции «Золото» по попытке перехвата советских подземных коммуникаций в Берлине. Эти источники советской внешней разведки подробно информировали нашу сторону об организациях, которые нужно (можно и как) дезинформировать.

Вот такие рассуждения взяты мною за основу версии о подставе. Понятно, что нужны ещё более веские аргументы - трактовки известных фактов. Начинать нужно с оценки понятия «кто?», то есть: кто предстал перед СИС и ЦРУ и кто такой Пеньковский для советской стороны?

Западные спецслужбы имели с Пеньковским секретные отношения - это 17 встреч в Лондоне и Париже и 14 его контактов в Москве со связником Винном и сотрудницей-разведчицей посольства Великобритании, а также через тайники и «моменталки». Всё это происходило с января 1961-го по август 1962 года. Отдельные встречи за рубежом длились по четыре часа. Систематичность встреч с представителями спецслужб не подвергается сомнению.

Еще один момент: сознательность в сотрудничестве Пеньковского со спецслужбами. Казалось бы, всё ясно - сам пришёл. Было ещё письмо президенту США, которое сам Пеньковский назвал «клятвой» в преданности, эдакий стандартный контракт на вербовку. В нём были

слова «о службе правительствам Великобритании и США», причём «верой и правдой», об условиях политического убежища и даже пафосное определение своего места в такой работе - «солдат свободного мира». Заканчивал он своё письмо так: «Настоящим заявляю, что подписываю этот акт, осознавая всю его важность и проявляя свою собственную волю».

Этот документ стал символом его новой роли, реализации его возможностей и расплаты. «Бумага всё стерпит», но к ней добавилась ещё игра с военными формами полковников армии США и Великобритании.

Когда речь заходит об основе и мотивах сотрудничества Пеньковского, то они сводятся к следующим моментам: отец - дворянин, погиб, возможно, за Белое движение, сын (О. Пеньковский) - герой войны - не у дел, не оценён и лишён заслуг (должности, звания, наград) в мирное время. Десятки раз во время бесед с «коллегами» из СИС и ЦРУ он обращался к теме отца, навязывая им себя в образе жертвы советского строя из-за отцовского прошлого.

Что даёт это всё советской стороне? Попав в агентурную сеть западных спецслужб, Пеньковский - их Алекс (Янг, Герой) - как информатор нашей службы, становился проводником сведений о задачах противника и методах его работы в конкретной ситуации. Еще раз упомяну о «миниядерных зарядах» - он шесть раз поднимал этот вопрос, в то же время был каналом по дезинформации.

Так мы подошли к следующему понятию «что?». То есть что передавал Пеньковский в СИС и ЦРУ и что это было с точки зрения советской стороны. На Запад от него поступала информация секретная (были грифы на материалах, да и по сути она была таковой), актуальная - о святая святых, то есть ядерном и ракетном оружии. И наконец, документальная, а значит - подлинная. Пеньковский обладал отличными разведывательными возможностями по месту работы, имел доступ к секретам на других объектах. Кроме того, он имел связи в среде высшего командования Минобороны.

Мой незримый «помощник» в этом расследовании, Питер Райт, категорически подвергал сомнению разведвозможности Пеньковского. Более того, и разведывательные и контрразведывательные сведения от Пеньковского вызывали у него серьёзные подозрения - он сравнивал работу другого агента Запада Петра Попова (нанёс ущерб Советам) с работой Пеньковского (ущерба не было).

Так что же сообщил Пеньковский на Запад? Иногда наши журналисты-аналитики отмечают: «Ничего существенного». Им вторят исследователи на Западе. Например, автор книги «Шпионы XX века» Филипп Найтли утверждает: «Хотя в ходе операции каждый клочок информации жадно подхватывался западными спецслужбами и тщательно изучался, в ретроспективе они не могут привести ни одного примера полученной от Пеньковского информации, имевшей серьёзное военное значение».

Как это похоже на действительность? Западным спецслужбам - СИС и ЦРУ - нужен был блеф о проникновении в секреты СССР и они его раздули до мифических размеров. Питер Райт иронизирует по этому поводу: «Первое, на что я обратил внимание, это странное стечение обстоятельств его приезда в Лондон. Если какая-либо организация и нуждалась в успехе, так это МИ-6 (СИС. - Авт.), чья репутация в начале 60-х годов серьёзно пошатнулась». Естественно, все замечания Райта в адрес операции с Пеньковским профессионалы СИС встретили с негодованием. «Эта операция была примером мужества и отваги и казалась верхом такого триумфа, что люди просто не могли воспринимать критику в свой адрес», - говорил Райт.

Так вот, что ещё можно сказать об информации, передаваемой Пеньковским на Запад, например, о секретах советской военной разведки? Подполковник Пётр Попов, который работал на американскую разведку, и генерал Дмитрий Поляков - агент ЦРУ в 1961-1980 годах - знали о внутренней жизни ГРУ значительно больше, чем Пеньковский. Собственно, он подтвердил информацию двух этих предателей, сообщив мало что нового. Возможно, в этом и был наш расчёт: Пеньковский был свободен в выборе передаваемой информации и потому выглядел в глазах западных спецслужб искренним их сторонником.

Теперь об информации по ракетной технике. Здесь западных экспертов ждало разочарование: знания Пеньковского были на уровне командного состава ракетных войск среднего звена. Казалось бы, чуть ценнее были копии журналов «Военная мысль», «Артиллерийский сборник», «Военный вестник» и других. Но и тут экспертов Запада ожидала весьма неприятная «бомба», о чём они узнали лишь в конце 60-х годов. Закрытые издания, полученные из рук их агента Алекса, носили характер дезинформации.

Последующий, более тщательный анализ всех сведений, полученных от агента, - это 5000 фотостраниц, - повергли в шок тех, кто уверовал в своё время в информационный «клондайк» в лице Пеньковского. Кажущаяся ценной в момент получения информация теряла свою актуальность буквально через считаные часы. Советская сторона работала явно на упреждение, заведомо зная, что сведения устаревают. Так же было, например, с ракетными позициями на Кубе или с нашими пусковыми площадками для МБР перед запуском американского спутника-шпиона.

Пеньковский завоевал доверие ещё и таким путём. Ему показали 7000 фотографий советских людей, из которых он выделил сотрудников ГРУ. Однако на этих снимках он опознал только десять процентов из тех, кто на самом деле принадлежал к этой организации.

Дезинформация Пеньковского заключалась не только в скрытии правды от Запада о наших ракетных установках на Кубе или в Союзе, либо о решении по возведению Берлинской стены. Кстати, технические данные о конструкции стены он передал только спустя десять дней (задним числом) после принятия решения о её строительстве. По этому

вопросу он ответил, что знал о её возведении ещё за четыре дня, но был вне связи со своим «куратором». В «деле со стеной» для советской стороны был главным фактор неожиданности, и ценность информации (заранее) от агента Пеньковского имела бы чрезвычайное значение. Но… Получается, с одной стороны, «молчаливая дезинформация», а с другой - он подсказал Западу о позиции советских руководителей при подготовке к межправительственным переговорам по Берлину.

Итак: Пеньковский передал наши условия по Берлинскому кризису, «помогая» тем самым Западу найти компромиссное решение с советской стороной. Его заявление, что Советский Союз не станет воевать из-за Кубы, «помогло» понять Соединенным Штатам позицию Хрущёва в этом вопросе и отказаться от решительных действий. Именно от него стало американцам известно, что Советы пойдут на уступки и выведут ракеты с Кубы (президент Кеннеди использовал канал в Вашингтоне через резидента Феклисова для обратной связи с Хрущёвым - отсюда и решительность американских спецслужб в работе по этому каналу). Пеньковский подсказал, что в добавление к этой акции Хрущёв хочет, чтобы США убрали свои ракеты из Ирана, Пакистана и Турции. «Секретные» сведения о требованиях Хрущёва подготовили Запад к переговорам, в результате которых Кубу оставили в покое… (и по сей день). Итак, Пеньковский - дезинформатор в пользу Советов. Активный дезинформатор.

И наконец, понятие «как?». Здесь в «деле» огромное поле неясностей, сомнений и подозрений. Безопасность работы с агентом имеет чётко очерченные контуры. В данном случае обстановка контролировалась не просто агентом и профессионалом, каким был Пеньковский. Он чувствовал изменения в обстановке вокруг него. И потому совершенно необъяснимо, почему так непрофессионально и упрощённо выглядела организация связи с ним в Москве.

На Пеньковского вывели Чизхолм, которая была известна нашему агенту Блейку как сотрудница СИС. Далее - тайники и «моменталки». Их фиксировали, и он знал об этом, но продолжал работать. Он не пытался скрыть следы своей шпионской деятельности, нарушив (и это профессионал!) главную заповедь в безопасности: уничтожить улики, которые хранил дома, и даже сам факт нахождения в квартире тайника. Напрашивается только один вывод: все эти «нарушения», «отклонения» и «пренебрежения» в вопросе безопасности нужны были как улики для компрометации «хозяев» - «кураторов» Пеньковского, а в последующем - дискредитация самих СИС и ЦРУ и дезорганизация работы в нашей стране американского и британского дипкорпусов в целом.

Непрофессиональным шагом выглядит беседа в гостинице со связником Винном в ванной комнате при включённой воде. Сам этот «водный трюк» - антиконспиративен, ибо включение воды в этой ситуации наводит на мысль, что людям есть что скрывать и что они боятся возможного подслушивания со стороны властей. Всё это вызывало подозрение в отношениях Пеньковского с Винном - отсюда один шаг до

провала.

Только как провокацию можно расценить поведение Пеньковского 5 июля 1962 года против западных спецслужб с целью их компрометации. Винн был связником между Пеньковским и спецслужбами. Но Винн был прекрасно дважды прикрыт во время контактов с агентом Алексом: во-первых, официальной работой с ГК КНИР, во-вторых, неофициальной работой Пеньковского «под крышей» как сотрудника ГРУ, в процессе которой Винн проходил в качестве оперативной его связи.

В тот день «игра в шпионов» была зафиксирована на киноплёнку и затем представлена на суде как образец тайных встреч агента Пеньковского с его связником. Всё происходило у входа в ресторан «Пекин» и внутри его, затем вблизи ресторана.

Вот как эта встреча описана в одной из книг, изданной на Западе, и в записках Винна. Винн заметил слежку, но её увидел и Пеньковский. На виду следящих, установив визуальный контакт, Пеньковский дал понять Винну: в личный контакт не вступать. Затем они оба бродили по ресторану якобы в поисках свободных мест, но в контакт не вступали. Винн пошёл за Пеньковским, который несколько раз оглянулся и показал жестом: следуйте за мной. Во дворе дома Пеньковский сказал Винну: «Я видел, что за вами следят. Мы должны немедленно прекратить встречу…» После появления во дворе следящих Пеньковский поспешно скрылся в подъезде.

О грубой слежке в районе ресторана «Пекин» Винн доложил в Лондоне. И тем не менее работа с Пеньковским продолжалась: контакты, контакты, контакты… В адрес «хозяев» из СИС и ЦРУ проследовало «успокоительное письмо» Пеньковского - его он передал на квартире американского атташе, куда был приглашён по линии ГК КНИР. На квартире?! Передача письма произошла в туалете, где они оба уединились. Письмо было датировано 25 августа 1962 года.

В нём Пеньковский пишет, что за ним идёт слежка, но он «бодр и работоспособен». Наивно предполагать, что Пеньковский не осознавал зловещего смысла, когда писал: «Я уже привык к тому, что время от времени замечаю за собой слежку. «Соседи» продолжают проявлять ко мне пристальное внимание… Что-то заставило их сделать это. Я далёк от того, чтобы преувеличивать опасность и серьёзность причин…» («Соседи» - это всемогущественный КГБ.)

Далее Пеньковский с надеждой сообщает, что его, возможно, пошлют за границу в краткосрочную командировку - в Японию, Австралию, США или на книжную ярмарку во Францию. И в это же время, видимо, для ушей западных спецслужб, он легализует факт слежки за собой, написав рапорт своему начальству в ГРУ и переговорив с руководителем группы КГБ в ГК КНИР.

«Игра» под наблюдением с Винном - это лишь один штрих в дискредитационной работе Пеньковского против западных спецслужб. Но были и другие моменты. Так он прощупывал каналы побега за рубеж,

обсуждая возможные пути: на подводной лодке, самолётом или через сухопутную границу. Но если у Запада есть канал для побега из СССР, значит, его (этот канал) можно использовать и для проникновения в нашу страну. Знать всё это - задача наших контрразведчиков и погранвойск. И ещё: во время суда Пеньковский настойчиво советовал Винну сотрудничать с органами дознания.

Как уже говорилось ранее, Пеньковский пренебрегал безопасностью при добывании материалов. Об этом высказывались и Питер Райт, и Филипп Найтли, и даже автор «Записок из тайника» Джибни. Лондонская газета «Таймс» от 13 мая 1963 года в редакционной статье отмечала: «Хотя судебный процесс и происходил с соблюдением законности… тем не менее создаётся впечатление, что всё это дело чрезвычайно раздуто. Очевидная неуклюжесть Пеньковского вступить в контакт с американской разведкой и небрежный характер его последующих отношений с Винном могли бы подтвердить предположение, что он, возможно, с самого начала находился под контролем русских».

С июля 1962 года, после перевода контактов с Пеньковским в Союз, он как агент своим поведением содействовал документированию работы западных спецслужб. Именно собранные в это время доказательства фигурировали на суде.

Капкан, расставленный госбезопасностью в отношении СИС и ЦРУ, захлопнулся якобы 22 октября. Но ведь Пеньковский уже в августе был вне поля зрения его западных «хозяев»?! И потому финал был оглушительно громким: из Москвы вылетело два десятка англичан и американцев, чья работа с Пеньковским стала достоянием наших спецслужб.

Столь же «честно», как с Западом, Пеньковский сотрудничал и с органами дознания на следствии по собственному делу. Он помог взять западных связников с поличными, дав в руки органов госбезопасности серьёзные улики в их шпионской деятельности против Советского Союза. В то же время разоблачение, арест, суд и суровый приговор агенту Алексу резко повышал значимость переданной им на Запад информации, которая содержала целенаправленные дезинформационные сведения.

Подведя итог информационной (в пользу Союза), дезинформационной (против правительств Запада) и дискредитационной (против западных спецслужб) работы, можно сделать общий вывод: «дело Пеньковского» работало на советскую сторону.

Эффективность оперативной работы Пеньковского с Западом, этапы и способы его «активной жизни» в качестве агента весьма сомнительны.

Его появление в поле зрения западных спецслужб подозрительно хотя бы потому, что в такой ситуации первостепенное правило гласит: это опасно - инициатива контакта исходила от Пеньковского. И делал он шаги к установлению контактов настойчиво и многократно - Турция (1956), Москва (1960, 1961).

Правило второе: «бойся данайцев, дары приносящих» - обширные

разведвозможности по важности стратегического характера и по источникам информации.

Правило третье: обилие устной информации (17 бесед от двух до четырёх часов) трудно поддающейся проверке, ведёт к сковыванию сил противника, требуя изучения якобы полезной информации («информационный шум» - выигрыш во времени).

Правило четвёртое: навязчивость в ряде моментов по мотивам сотрудничества с Западом: об отце - белом офицере, многократные вопросы о миниядерных зарядах (важное задание советской стороны стратегического значения в условиях американской концепции превентивного атомного удара по СССР).

И наконец, правило пятое - самое спорное: агент, пренебрегающий безопасностью в работе со спецслужбой, обречён на поражение. Но провал в делах спецслужбы грозит весьма неприятными последствиями - государственными, политическими, внутриведомственными. Подчас непредсказуемого порядка - от разборок на парламентском уровне до конфликтов международного характера. Фактически в «деле Пеньковского» все эти правила предвидеть Западу было не столь уж сложно.

Скрупулёзный анализ работы Пеньковского со спецслужбами в оперативном плане, а также в психологическом и информационном показывает, что при оценке его «честности» в контактах с Западом возникает значительно больше вопросов (сомнений и подозрений), чем положительных сторон в интересах того же Запада.

И последнее. В Карибском кризисе выиграл здравый смысл - военной конфронтации между Востоком и Западом удалось избежать. Каждая из сторон считает это собственной заслугой. Для спецслужб Великобритании и США это «дело Пеньковского» стало опорой в информационной войне с Советами. Но было ли это так? Или советская сторона навязала свои условия? Рассмотрим следующие факты:

- Пеньковский сообщил, что из-за Кубы Хрущёв воевать не будет. Такое же желание было и у американской стороны, которые сведения ценного агента перепроверили через другие возможности и официальные контакты по линии спецслужб и дипломатов;

- Ракеты Хрущёв с Кубы уберёт при условии вывода американских ракет с Ближнего Востока. Сам факт появления такой альтернативы, подсказанной Пеньковским, рассматривался американской стороной «как свет в окошке» и подталкивал их к конкретным переговорам с Советами. Но главное - это и случилось: ракеты были выведены, в частности, из Турции;

- Отставание от Запада в развёртывании системы МБР настойчиво подчёркивали Пеньковский и «его» материалы специзданий Минобороны, которые, в конечном счёте, оказались советской дезой. Американские спутники-шпионы подтвердили сообщение агента. На этом фоне заявление Хрущёва о ракетно-ядерной мощи СССР выглядели

дезинформацией в адрес Запада. Именно настойчивое желание публично внушить Соединенным Штатам наличие ядерной силы в контрасте с неофициальными данными агента Алекса и техническими средствами разведки создавало у Запада устойчивое мнение: Хрущёв блефует. Правда, теперь известно, что блефовал он для прикрытия истинных намерений советской стороны в вопросе создания реального «ракетно-ядерного щита», причём расчёт был на снижение темпов роста такой силы в США.

В ретроспективе: задумка госбезопасности (КГБ) и Минобороны (ГРУ) по стратегической дезинформации, реализация которой была начата в конце 50-х годов, была завершена полностью. Таким образом и защита Кубы и создание «ядерного щита» стали результатом акции «большого блефа» Хрущёва и «великой ракетной дезы».

Почему такая уверенность? Разрешение Кубинского кризиса сыграло значительную роль в установлении стабильных отношений между Востоком и Западом. И США после этого кризиса были вынуждены считаться с СССР как с великой ядерной державой.

По следам «Феномена»

Итак, кажется, удалось в определённой степени найти доказательства, что Пеньковский мог быть инструментом - одним из средств в масштабной дезинформационной акции советской стороны в отношении Запада. Но нужно было разобраться ещё в том, что стало с ним после… И был ли расстрел?

Я снова засел за публикации и книги. Первое, что бросалось в глаза, - это в десятках статей, особенно после 1991 года, - не было в личных показаниях или воспоминаниях свидетельств о факте присутствия при расстреле Пеньковского. Вот о расстреле Берия имеются и не одно, других приговорённых - также, а о казни фигуранта по столь громкому судебному процессу - ни полслова. Нет таких упоминаний и в зарубежных изданиях, хотя бы со слов бывших сотрудников ГРУ, перебежавших на Запад.

Пускай косвенные, но всё же имеются свидетельства о встрече Пеньковского с матерью в тюрьме. Тогда якобы он сказал ей: «Не сомневайся, мама, так было нужно!» Мать до самой своей смерти не верила в предательство сына.

Все эти неясности настраивали на оптимистический лад. Особенно, когда мне стало ясно, что появление «Записок Пеньковского» инспирировалось западными спецслужбами - СИС и ЦРУ. Причем сразу же после судебного разбирательства. В основе «записок» лежали устные беседы с агентом Алексом в Лондоне и Париже.

Один из участников «дела» бывший сотрудник ЦРУ объяснял: «Если книга выйдет, пройдя цензуру ЦРУ, читатели скажут, что она сфабрикована…» Директор ЦРУ Дик Хелмс назвал впоследствии «Записки Пеньковского» чёрной пропагандой. Так оно и случилось: содержание

книги - это открытый антисоветизм, чрезмерная атака на Хрущёва, Кеннеди в Карибском кризисе, пасквиль на отношения Сирии и Египта, венгерские события и т.д.

Эта книга стала прикрытием для «чёрной пропаганды» и дезинфомацией Запада. Правда, временно. Вот несколько слов из неё о личности Пеньковского: он обижен и возвёл личную неудовлетворённость в политический принцип, ему не удалось стать генералом в Советской Армии, но он мог бы стать полковником в армии США и Англии - это якобы восстанавливало уверенность в себе. Всё это - мотивы для работы с Западом плюс дворянское прошлое отца.

Но вот что характерно: момент появления его в поле зрения западных спецслужб. Это было время, когда хрупкое равновесие периода «холодной войны» между США и СССР нарушилось, и чаша весов склонилась в сторону ядерной войны - сначала в связи в Берлином, а затем - с Кубой.

В международных делах с острыми периодами требуется присутствие возможностей разведок. И такое присутствие было: Пеньковский - у Запада. А кто же у СССР? Или решение партии по стратегической дезинформации можно было не выполнять?! И это при значительном опыте в таких делах советской госбезопасности.

По мнению психиатров, изучавших «дело» как объект клинического анализа, Пеньковский был чрезмерно самоуверен: «Он не мог представить, что его поймают. Простых смертных могут поймать, но не его, баловня судьбы, обладающего такой проницательностью…» Или: «Он походил на юнца, ведущего автомобиль по наклонной дороге о скоростью 140 миль в час и воображающего, что он контролирует ситуацию». Инфантильность в разведывательной работе? У профессионала и в прошлом боевого офицера?

Жизнь Пеньковского до прихода к спецслужбам Запада - это военная косточка с юных лет, война, военные академии, интересная работа в разведке под прикрытием. А это говорит о том, что он не мог быть расхлябанным и самоуверенным человеком. Даже если он предатель.

Так что же случилось с Пеньковским после суда? Одна из версий - грубая дезинформация с нашей стороны: советский представитель в ООН Федоренко довёл до сведения западного дипломата, связанного с ЦРУ, информацию о том, что Пеньковский якобы жив и работает против американцев.

Связник Пеньковского Винн в своей книге утверждал, что смертный приговор не был приведён в исполнение в 1963 году, о чём он узнал два года спустя. Якобы в целях дальнейшего расследования Пеньковского содержали в заключении в маленькой деревушке, где он покончил жизнь самоубийством.

В 1990 году представитель КГБ во время беседы с Дж. Шектером - одним из авторов книги о Пеньковском «Шпион, который спас мир» - сказал: приговор привели в исполнение в Бутырской тюрьме 6 мая 1963 года. Была показана копия свидетельства о смерти, подлинник которого

хранится у вдовы Пеньковского. Но ведь судебный процесс над Пеньковским проходил с 7 по 11 мая 1963 года?! Известна и другая дата - 16 мая. Почему так? Пока ответа нет.

В 1997 году в газете «Совершенно секретно» было напечатано: «Однако о нём пишут и как об агенте КГБ, которого всемогущественное ведомство подкинуло простодушному Западу. Процесс над ним и расстрел стал всего лишь эпилогом поставленного на Лубянке спектакля. Пеньковский живёт себе припеваючи под чужим именем...»

Итак, есть версия о «шпионе», либо оставленном в живых для работы с ним в оперативных целях, либо исчезнувшим из поля зрения общества после успешной работы для Родины и мнимого расстрела. Когда я давал интервью еженедельнику «Век», журналист спросил меня, почему КГБ не предал гласности все обстоятельства «дела», особенно после 1991 года. И тогда, отвечая, я не отметил особо о том, что одним из участников «дела» было ГРУ, которое весьма не охотно говорит о своих операциях. И если в стенах ГРУ против гласности в отношении «дела Пеньковского», то с этим нужно считаться - главный фигурант «дела» был их человек.

Ранее уже говорилось об операции внешней разведки «Центр». И несколько слов об этой операции должны помочь проиллюстрировать следующую мысль: почему всё ещё скрываются деликатные особенности «дела Пеньковского». Почти в то же время, когда шла операция с «делом», 1961-1963 годах, нашей разведке удалось проникнуть в планы НАТО. Это сделал агент Джонсон, фельдъегерь пересыльного почтового пункта Вооруженных сил США и НАТО, в аэропорту Орли под Парижем. Сотни секретных документов попали в наши руки. Однако сам Джонсон не был в курсе дела, что конкретно он передавал. И сегодня американцы и натовцы не знают, что же попало в руки русских. Мы же храним молчание и очень бережно используем материалы в «тайной войне» против Запада и по сей день. Но тогда уже было ясно: документы должны были быть использованы при подготовке Хельсинкских соглашений. В частности, для давления на союзников США по НАТО в пользу СССР.

Именно по этой причине американцы не раскрывают (и англичане так же) всего списка полученных от Пеньковского документов, считая, что в них содержатся сведения по стратегической концепции оборонной доктрины СССР, а затем - России. Естественно, они исходят из того положения, что Пеньковский был честным агентом. Они не хотят, чтобы русские знали: что именно он передал на Запад.

Но если Пеньковский работал в контакте и под контролем нашей госбезопасности, нам так же невыгодно признаваться в этом, ибо среди переданных документов «информационного шума» была дезинформация - всё по той же концепции и доктрине советской стороны.

Вот почему в интервью газете «Век» я ответил, что «дело» будет раскрыто, по моему мнению, лет через пятьдесят. Правда, я чуть-чуть лукавил, завышая сроки, так как надеюсь дожить до той поры.

Чтобы более конкретно разобраться с «делом», необходимо было

подобрать методику оценки известных фактов с позиции двух сторон - советской и западной. А сами факты отобрать в изложении каждой из сторон - либо из книги «Записки Пеньковского» (1965), которую на Западе назвали «чёрной пропагандой», либо из советского издания «Судебный процесс» (1963).

Меня интересовали только факты - в описании судебного процесса их было предостаточно. В конце концов выбор пал на три группы источников по «делу»: 1) «Судебный процесс»; 2) все другие издания - книги, статьи, очерки; 3) моё личное мнение как автора этой книги, который в 60-70-х годах выступал в качестве «московского агента» западной спецслужбы под личиной предателя Родины.

Прежде, чем построить триаду оценок по «делу», мне хотелось бы представить читателю ход своих рассуждений о судебном процессе по «делу Пеньковского» как источника для… дезинформации Запада. Какие критерии применительны для оценки действий агента в интересах разведки, с которой он сотрудничал? В первую очередь - это разведвозможности. Затем - мотивация и, наконец, - безопасность.

Эффективность использования разведвозможностей агента Алекса определяется заинтересованностью спецслужб Запада в возвеличивании своего источника в СССР. В основе такой положительной оценки лежит «информационный шум» - листажный вал в 5000 единиц. В то же время суд отмечал, что, по экспертной оценке, 90 % информации, полученной от Пеньковского, носили несекретный характер. Правда, с точки зрения профессионалов разведки, оставшиеся 10 % - достаточно высокая информационная отдача.

Сознательность в сотрудничестве агента Алекса с западными спецслужбами, то есть мотивация, оценивается его добровольным приходом в стан Запада и представленным спецслужбам собственным имиджем человека, несогласного с советским строем и желающего бороться с ним. Свои слова он с первых шагов подтвердил делом - информацией.

На судебном процессе было заявлено о его лояльности к советской власти и были представлены доказательства его личного перерождения из-за карьеристских устремлений. Косвенно подтверждался факт искренности Пеньковского в отношении к Западу - цитирования отрицательной характеристики времён 50-х годов, то есть периода его работы в Турции и контактов с гражданами западных стран.

На процессе много внимания уделялось организации связи с Пеньковским за рубежом и в Союзе. Отмечались тонкая работа спецслужб Запада и трудности советских спецслужб при работе с опытными профессионалами из СИС и ЦРУ. Как представляется, у процесса была важная цель: убедить западных наблюдателей в том, что Пеньковский не мог в силу объективных причин часто бывать за рубежом и потому связь с ним осуществлялась в Москве.

В целом судебный процесс решал триединую задачу: убедить Запад в

том, что Пеньковский был ценным источником информации, искренне сотрудничал с Западом и был разоблачён в силу объективных причин - сложности в поддержании контактов с ним в СССР.

Однако ситуация на судебном процессе вызывает сомнения следующего порядка: почему советская сторона пошла на беспрецедентную акцию по публичному разоблачению шпионажа в своих рядах, особенно в среде чиновников важнейшего государственного ведомства, коим является ГК КНИР? почему судебный процесс был столь беспощаден к вскрытию притупления бдительности в среде сотрудников Минобороны, но не в ГК КНИР? почему судебный процесс столь много обсуждал вопрос о «технике шпионских игр» (организация связи) и обтекаемо затрагивал вопрос о конкретном ущербе от информации, попавшей на Запад через Пеньковского?

Напрашивается вывод: Запад должен оставаться в неведении относительно того, в чём конкретно сознался Пеньковский во время следствия по его «делу» (информация). Для Запада это означало, что полученной от агента информации следует продолжать верить, ведь данные из досье ГК КНИР - это стратегия и тактика СССР в области экономики; данные в военной области - это уровень и перспективы военного строительства; данные в конкретных вопросах ракетного оружия - это уровень того периода, когда решалась проблема с Кубой и советская сторона готовила операцию «Анадырь» для спасения Кубинской республики.

Чтобы лучше понять дезинформационную роль судебного процесса, вниманию предлагается сравнительный анализ фактов: преданных гласности на судебном процессе; изложенных в книге «Шпион, который спас мир»; приводимых в моей книге «Операция «Турнир».

Вот как главный обвинитель на суде сформулировал проблему с «делом Пеньковского»:

«При рассмотрении настоящего дела неизбежно возникает вопрос: как могло случиться, что Пеньковский, родившийся, получивший воспитание и образование в годы советской власти, в нашем обществе, мог полностью утратить облик советского человека, потерять стыд, совесть, элементарное чувство долга и докатиться до тягчайшего преступления?»

Далее он констатирует:

«Материалами предварительного и судебного следствий установлено, что подсудимый Пеньковский, являясь авантюристом, карьеристом и морально разложившимся человеком, стал на путь предательства, измены Родине и был завербован империалистическими разведками».

История любой из разведок - советской либо западной - в вопросе вербовки интересующих её лиц опирается на мотивы поведения человека на службе и в обществе. Мотивы составляют основу согласия на сотрудничество в результате неприязни к политическому режиму, материальной заинтересованности или моральной неудовлетворённости в

служебных либо других отношениях.

Ранее уже была попытка сделать сравнительный анализ мотивов сотрудничества Пеньковского с западными спецслужбами, но с позиции рабочей гипотезы: Пеньковский - подстава органов госбезопасности. Поэтому речь пойдёт об использовании материалов судебного процесса в качестве легенды прикрытия в работе советской суперподставы Западу. Вернее всего, судебное разбирательство использовалось органами госбезопасности в интересах «дела Пеньковского» «втёмную».

Итак, три взгляда на «легенду прикрытия» работы Пеньковского перед Западом по трём основным источникам.

1. Легенда прикрытия, прозвучавшая в ходе судебного процесса по «делу Пеньковского» (Судебный процесс 7-11 мая 1963 года. Изд. ПЛ. М.: 1963). («Суд»). 2. Легенда прикрытия, воспринятая западными спецслужбами при работе с Пеньковским (Шпион, который спас мир. Изд. МО, М: 1993) («Шпион»).

3. Легенда прикрытия, использованная автором - сотрудником внешней разведки при работе по операции «Турнир» (Операция «Турнир». Изд. Гея-Итерум. М: 1999) («Турнир»).

Суд. 1. « В конце 1960 года он предпринял попытку связаться с американской разведкой…» Шпион. 1. ЦРУ на контакт не пошло, однако проверило личность инициативщика по его работе в Турции.

Турнир. 1. Советская госбезопасность использовала типичный приём западных спецслужб, особенно американских, подставлять «спецконтингент» противнику.

Суд. 2. В апреле 1961 года в Лондоне «Пеньковский (далее П. - Авт .) имел четыре встречи с иностранными разведчиками… Он был завербован английской и американской разведками… - дал письменное обязательство сотрудничать с ними, обратился с просьбой к правительствам этих государств о предоставлении ему в случае необходимости английского подданства или гражданства США».

Шпион. 2. П. с самого начала передал информацию и сообщил о своих разведывательных возможностях. Его отношения с разведками были закреплены официальной подпиской, а просьба о гражданстве усилила доверие к мотивам его сотрудничества, коим был антисоветизм.

Турнир. 2. До канадской стороны было доведено о материальных затруднениях будущего «московского агента», и первый подход к нему со стороны службы был лишь попыткой на возможную удачу с вербовкой.

Суд. 3. « …желая получить ещё более прочные гарантии, набивая себе цену, П. настойчиво требовал от разведчиков организовать ему встречу с высокопоставленным представителем английского правительства…»

Шпион. 3. Такое требование со стороны мнительного агента любая спецслужба воспринимает как законную - эти гарантии являются

реалиями его благополучия и безопасности в будущем.

Турнир. 3. Ситуация с требованием гарантий была использована для создания предпосылок по доверию к будущему агенту: документы за подписью канадского премьер-министра в целях материального благополучия и безопасности на случай побега за рубеж.

Суд. 4. « Я скатился в пропасть и стал негодяем, - заявил П. на суде, - под влиянием причин перерожденческого характера. Низменные качества: зависть, тщеславие, любовь к лёгкой жизни, женщинам, частое употребление спиртных напитков...»

Шпион. 4. Эти качества (кроме употребления спиртных напитков - с ними он был весьма осторожен) были продемонстрированы П. во время его трёх поездок за рубеж - в Лондон и Париж.

Турнир. 4. Эти качества легко демонстрируются, но в основе доверия к П. у западных разведчиков лежал антисоветизм, который на суде упорно отрицался из-за пропагандистских целей. Указанные отрицательные качества у «московского агента» канадцев отсутствовали, но, как у делового человека, было желание тайно найти источник дополнительного дохода.

Суд. 5. « Он пролез в семью ответственного военного работника, у которого одно время состоял в порученцах. Женился на его дочери...»

Шпион. 5. Факт семейной близости был воспринят западными разведчиками как возможность П. бывать в среде крупных военачальников и получать устную информацию важного значения.

Турнир. 5. Достаточно типичная уловка при подставе: выход через связи на ценных источников информации.

Суд. 6. « ...никогда у меня не было никаких разногласий с политикой партии и правительства, никогда не брюзжал...»

Шпион. 6. На Западе при контактах со спецслужбами П. упорно и многократно подчёркивал, что он ярый антисоветчик, которым стал в результате разочарования в политике государства. Корни такой убеждённости - в прошлом его отца - белого офицера, из-за которого к нему несправедливо относятся в армии и ГРУ.

Турнир. 6. Эта легенда антисоветчика, обиженного советской властью, хорошо работала на всех встречах с западными разведчиками и в Лондоне, и в Париже.

Суд. 7. «А что же привело П. в лагерь агентов англо-американской разведки? Различие взглядов на пути развития нашего общества? Нет, думаю, что не это... В результате мелкой, непринципиальной обиды на действия своих непосредственных руководителей, которые, по его мнению, препятствовали его дальнейшему продвижению по служебной лестнице...»

Шпион. 7. В большинстве печатных западных изданий о «деле Пеньковского» подчёркивается его карьеристское отношение к службе

как мотив перехода в стан противника: боевой офицер в годы войны не был понят и оценён по заслугам в мирное время.

Турнир. 7. Всё время работы с Западом П. отлично демонстрировал легенду мотивов по двум направлениям: отец - белый офицер и потому его не продвигают по службе; антисоветизм вплоть до готовности любой ценой свергнуть советский строй (предложение о взрыве мини-ядерного заряда в центре Москвы).

Суд. 8. « …его неудовлетворённость служебным положением и озлобленность как раз и были порождены тем, что ему не предоставляли службу за границей»

Шпион. 8. По советским меркам это был серьёзный мотив личной претензии к своему руководству, а значит, причина для решительного протеста даже путём предательства, когда работа за рубежом - это материальное благо.

Турнир. 8. Вывод П. «под крышу» в ГК ГНИР - это высокое доверие к офицеру ГРУ, лояльному к власти. Невыездных там не держали, особенно оперативников из спецслужб (КГБ, ГРУ). Кратковременные командировки за рубеж - это «трамплин» для поездки туда на длительное время. П. знал об этом и ему не было необходимости «мстить» своему руководству в ГК КНИР в форме предательства, тем более что его руководством были офицеры в ГРУ.

Суд. 9. « Исключительный карьеризм, эгоизм и честолюбие П. проявлялись давно. Он постоянно вращался вокруг и около людей, имеющих власть и влияние…»

Шпион. 9. Это заявление на суде означало для западных разведчиков, что П. имел контакты в высших кругах и информация его от них достоверна.

Турнир. 9. Такое заявление на суде имитирует одну из составляющих разведвозможностей агента - работу через связи.

Суд. 10. «…во всех переговорах с иностранными разведками и в Лондоне, и в Париже доллары и фунты стерлингов фигурировали непременно…»

Шпион. 10. Это естественное желание агента иметь уверенность в хорошо обеспеченном завтрашнем дне.

Турнир. 10. Из всех основ: политическая - антисоветизм, морально-психологическая - жажда самоутверждения и материальная, - последняя является наиболее естественной и понятной для западных спецслужб, а для игры в подставу - наиболее разнообразной. Она и была использована «московским агентом» для вовлечения канадской спецслужбы в операцию «Турнир».

Суд. 11. « Речь идёт о встречах с разведчиками в Лондоне, на которых П. облачался в сшитые для него военные мундиры английской и американской армий, фотографировался в них, знакомился с документами

на случай вступления в подданство Британии или гражданства США, получил заверения, что после окончания его работы на территории СССР ему будет гарантирована соответствующая должность…»

Шпион. 11. Закрепление агента идёт по нескольким направлениям: фото в мундире - это компромат против П., документы на гражданство за рубежом - это стимул к работе со спецслужбами, должность в будущем - это выражение доверия к нему. Документы готовятся по согласованию с правительствами, а это означает, что спецслужбы убедили верхи власти в своих странах на всех уровнях в том, что П. - ценный агент.

Турнир. 11. Фото в мундире, документы, будущая должность - это всё форма «мягкого давления» на агента: работай и заслужишь. «Московский агент» имел от спецслужбы Канады вначале документы-«липу», а затем подлинные, когда… «заслужил».

Суд. 12. « Я обращаю внимание на эту дальновидность П., который на суде настойчиво открещивался от своих намерений бежать на Запад».

Шпион. 12. Эксперты западных спецслужб отмечали почти фантастическое желание П. навредить Советам как можно больше. Заявление главного обвинителя на суде «лило воду на мельницу» честного сотрудничества его с Западом.

Турнир. 12. П. не мог уйти на Запад и даже обещать сделать это конкретно по дате и месту. Он знал, что нужен им в СССР. И это устраивало советскую сторону: вывести контакты с разведкой в Союз, причём в нужное время.

Суд. 13. « П. сослался на суде на то, что он в 1961 году трижды выезжал за границу, но не стал невозвращенцем… что СИС делала предложение П. остаться в Англии, но он его отклонил…»

Шпион. 13. Предложение остаться в Англии не более, чем «любезность» со стороны западной разведки, хотя такое внимание стимулирует работу агента и в то же время проверяется его реакция на желание работать в своей стране подольше.

Турнир. 13. « Трижды» - это закрепление отношений П. с СИС и ЦРУ для твёрдой убеждённости их в полезности агента. В то же время это был этап советской разведки в переводе работы с западными разведками в Союз. «Московскому агенту» также предлагали остаться в Канаде или в США, однако мотивом сотрудничества у «агента» был материальный интерес, а не жизнь за рубежом.

Суд. 14. « В 1961 году необходимость в побеге П. ещё не созрела. Иностранным разведкам П. нужен был именно в СССР как источник информации. К тому же и не набежало ещё солидное вознаграждение за его труды…»

Шпион. 14. На Западе считали, что П. не был приманкой для спецслужб. Заявление на суде подтверждало это мнение для тех, кто верил, что П. жаждал денег и много.

Турнир. 14. «Честность» агента, даже арестованного, подтверждается его несогласием работать с правосудием и повышает к нему доверие со стороны его «хозяев» на Западе.

Суд. 15. « П. получил от Карсона пакет с фиктивным советским паспортом на случай перехода на нелегальное положение и инструктивное письмо, в котором иностранные разведчики требовали данных о состоянии обороны столицы… и войск Московского военного округа».

Шпион. 15. Паспорт был фиктивным, но это могли определить только специалисты. П. этот документ давал право быть уверенным в своей безопасности и воспользоваться им в случае необходимости.

Турнир. 15. Паспорт говорил советской стороне о том, что агент пользуется доверием на Западе. Паспорт и задание - это одно звено в цепи эффективного использования агента западными спецслужбами.

Суд. 16. « О том, что П. вынашивал план побега на Запад… свидетельствуют его переговоры с иностранными разведчиками, обсуждение с Винном вариантов побега при помощи подводной лодки и другим путём, настойчивые попытки выехать в загранкомандировку в течение 1962 года, получение советского фиктивного паспорта…»

Шпион. 16. Беспокойство агента на Западе воспринималось как естественное желание обезопасить себя на случай провала. Отсюда все эти разговоры и возможные выезды за рубеж на выставки в США, Бразилию и так далее. Однако отсутствие реальных возможностей на выезд за рубеж заставляло спецслужбы расширить работу с агентом в Москве.

Турнир. 16. П. работал над выявлением каналов проникновения в СССР посланцев СИС и ЦРУ, а его планы возможных выездов за рубеж на выставки - это способ держать спецслужбы в напряжении и активизировать их работу с ним в Союзе по различным каналам связи - тайникам, «моменталкам», посредникам. Советская сторона изучала формы связи, собирала данные на кадровый состав разведок Запада на территории Союза и за рубежом для их компрометации и дискредитации спецслужб и правительств Англии и США в целом.

Суд. 17. « В августе 1962 года в письме в разведцентр П. жалуется, что его положение становится тревожным и просит дать подробные данные о том, какое вознаграждение он получит за свою работу и как конкретно будет обеспечен на Западе, когда сможет туда выехать…»

Шпион. 17. Тревожное состояние агента - это нормальное явление, однако до определённого предела. П. знал уже в то время, что им интересуется КГБ, но надеялся, что его работа в военной разведке станет прикрытием при его проверке органами госбезопасности. Именно так он успокаивал западные спецслужбы.

Турнир. 17. « Тревожность» позволяла советской стороне стимулировать западные спецслужбы обсуждать с П. конкретные каналы

побега на Запад. Этим письмом и ответом на него П. задокументировал для органов госбезопасности условия приёма агента в Англии и США после возможного ухода за рубеж.

Суд. 18. « …22 октября 1962 года советские чекисты положили конец всей этой тонко задуманной и тщательно разработанной шпионской операции».

Шпион. 18. Эта дата стала известна Западу значительно позднее. С августа П. был вне поля зрения западных спецслужб. Так 2 ноября «органы следствия провели эксперимент с тайником» на Пушкинской улице, где был взят с поличными сотрудник американского посольства.

Турнир. 18. В любом случае П. - подстава либо он стал активно сотрудничать с органами после задержания (например, в начале августа). Задержание американца на тайнике - это акция запрограммирована советской стороной для документирования шпионской работы Запада на территории СССР.

…Мотивы мотивами, но интерес любой разведки состоит в возможностях потенциального источника информации. Конечно, инициативный выход Пеньковского на спецслужбы Запада упрощал им выяснение характера доступа заявителя к информации. Однако эти службы должно тревожить вечное сомнение: а не подстава ли такой «инициативщик»? И тогда вступает в силу правило: убедиться, что человек работает с ними честно. Это можно сделать, в частности, путём анализа получаемой от него информации. Проще говоря, если материалы наносят ущерб государству «инициативщика», то значит он искренен в своём желании работать на Запад.

Ниже речь пойдёт о разведвозможностях Пеньковского всё в том же ключе по трём анализируемым источникам.

Суд. 19. « Между ним и П. состоялся откровенный разговор, в котором П. рассказал, а затем по предложению Винна изложил в письменной форме свои возможности по сбору сведений, интересующих английскую разведку…»

Шпион. 19. Инициативный выход П. на западную спецслужбу мог быть ею не поддержан, если бы не два момента: там знали, что П. - сотрудник военной разведки и располагали сведениями о его попытках связаться с американцами в Турции и Москве.

Турнир. 19. Винн оказался не случайно в поле зрения П. Такие люди, часто бывавшие в Союзе, обычно связаны со спецслужбами. П. в обращении к Винну (по подсказке нашей госбезопасности) действовал наверняка. Через этот канал связи он довёл до Запада свои интригующие любую разведку информационные возможности.

Суд. 20. « В июне в Лондоне П. передал Винну пакет с новыми секретными материалами… и имел пять встреч с представителями разведок… Он рассказал о своей прошлой работе, о военных учреждениях, выдал ряд важных сведений, военную тайну СССР, получил

высокую оценку иностранных военных…»

Шпион. 20. Отмечалось, что на пяти встречах П. говорил несколько десятков часов и всю эту информацию анализировали десятки специалистов в свете её полезности, мотивов обращения П. к Западу и перспективах использования агента.

Турнир. 20. П. в большой степени был свободен в передаче сведений на Запад, так как незадолго до его контактов с разведками был разоблачён другой сотрудник ГРУ - Пётр Попов, который нанёс конкретный ущерб - выдал секреты, включая имена и характеристики разведчиков, данные о ракетах. На встречах П. с «коллегами» из СИС и ЦРУ ему ставили задания, оговаривали условия связи - всё конкретно. Вот это и называется проникновением в агентурную сеть противника.

Суд. 21. « От своих «хозяев» П. получал задания по широкому кругу вопросов, причём особый интерес проявлялся к сведениям военного характера…»

Шпион. 21. П. работал по конкретным заданиям военного, экономического и политического характера. Нацелен был на сбор сведений о военнослужащих, которые были в курсе дел по жгучим проблемам - Берлину, советско-китайским отношениям, военно-экономическим вопросам.

Турнир. 21. Выяснение советской стороной круга вопросов, интересующих спецслужбы по СССР, - это создание предпосылок для канала по дезинформации Запада. Канал был создан к тому моменту, когда в нём была острая необходимость для контактов с США в период Карибского кризиса: и для дезинформации, и для передачи нужной советской стороне информации при поиске компромиссных решений.

Суд. 22 . «Секретные документы, которые он фотографировал и передавал затем иностранным разведкам, объективно подтверждаются данными полученных в этот период П. в спецбиблиотеках ряда закрытых изданий, в которых содержались статьи и другие материалы».

Шпион. 22. На Западе на основе полученных от П. материалов из спецбиблиотек создавалось впечатление о советском ракетно-ядерном потенциале и доктрине Советов по применению ядерного оружия.

Турнир. 22. Своими материалами и устными сообщениями о ракетно-ядерном оружии (характеристика) и его количестве (300 зарядов) П. серьёзно озадачил США в момент Карибского кризиса. К этому времени США обнаружили в СССР всего лишь 25 стартовых площадок для МБР. А где были остальные?

Суд. 23. « Иностранным разведкам я передал 25 сфотографированных отчётов из разных областей техники и промышленности, примерно в 35 томах».

Шпион. 23. Эта информация тщательно анализировалась и исследовалась в плане выявления тенденций в развитии промышленности в СССР.

Турнир. 23. Это был вал информации, в которой могли увязнуть любые эксперты Запада на многие месяцы. Особенно, если учитывать, что советская статистика не была откровенной перед своей страной и тем более перед Западом. Несколько расхождений в отчётах официальной статистики с данными П. создавали эффект достоверности документов и усиливали доверие западных спецслужб к агенту.

Суд. 24. « Экспертиза по определению степени секретности сведений о деятельности ГК КНИР также пришла к выводу, что эти сведения являются секретными. Эксперты аргументировали свои выводы и указали, что в совокупности большое количество документов, переданных П., содержат важные сведения экономического характера».

Шпион. 24. Именно совокупность множества документов и их подлинность, которая была проверена западными спецслужбами в результате сравнения с материалами от других источников в ГК КНИР, позволили Западу признать материалы от П. ценными.

Турнир. 24. Достоверность определяется секретностью, актуальностью и документальностью - всё это в материалах П. присутствовало. Доверие к нему росло, и эта была работа советской стороны по созданию канала дезинформации. Сообщение в зале суда о печатных источниках П. в спецбиблиотеках лишь усиливало значимость его работы в интересах Запада. Во время процесса в зале возник вопрос о расхождении в данных П. и западных спецслужб (тома и плёнки). Это создало эффект нелояльности П. к судебному процессу и к следствию, даже в условиях смертельной опасности для него.

Суд. 25 . «За время сотрудничества с английской и американской разведками П. нанёс большой вред нашему государству, передав устно, в письменных донесениях и на фотоплёнках обширную информацию… часть которой составляет государственную и военную тайну СССР… Передал 106 экспонированных фотоплёнок по 50 кадров в каждой, то есть более 5000 фотоснимков…»

Шпион. 25. Эксперты западных спецслужб оценивали информационную работу П. высоко. Над изучением информации трудилась большая группа специалистов из разных областей науки и техники.

Турнир. 25. Называя число переданных П. на Запад листов, советская сторона убеждала западные спецслужбы в глубине и эффективности следствия по работе П. на противника. Однако возможное расхождение данных с количеством томов со сведениями, которыми располагали спецслужбы (9000 листов), создавали эффект нелояльности П. к судебному процессу - это сигнал: «Я не сдаюсь», который мог быть понят на Западе так: «Верьте моей информации».

Суд. 27. « Эксперты Минобороны СССР, изучавшие материалы дела, в том числе показания П. о содержании выданных им сведений военного характера, а также рассмотрение подготовленных данных, которые он не успел передать, дали заключение, что некоторые из этих сведений не

составляют государственную тайну, но являются секретными».

Шпион. 27. Именно отчёты из спецбиблиотеки военной разведки и статьи в спецжурналах создали мнение на Западе о концепции Вооруженных сил СССР, их стратегии и видах вооружений в перспективе.

Турнир. 27. Эсперты подтвердили для Запада: П. нужно верить. А позднее, в конце 60-х годов, там узнали, что статьи в спецжурналах были сфальсифицированы в качестве намеренной дезинформации Запада согласно операции советской стороны под кодовым названием «Великая ракетная деза». С точки зрения наших органов госбезопасности непроявленные фотоплёнки, найденные в тайнике в квартире П., стали вещественным доказательством его шпионской деятельности. Но для Запада - это доказательство вины П. и, как следствие, его осуждение и расстрел: погиб ценный агент.

...Разведка уязвима на каналах связи. Годами создаваемая агентурная сеть больше всего опасается провалов в результате вскрытия факта общения агентов с разведчиками. Чтобы обезопасить работу разведки с агентами, каналы связи разнообразят по степени их скрытности, быстроте срабатывания и надёжности в агентурном сохранении материалов.

Пеньковский работал фактически на всех каналах связи: личной - встречи в Лондоне и Париже, моментальной - с Чизхолм на Цветном бульваре и на Арбате в Москве, тайниковой - на Пушкинской улице, сигнальной - открытки и радио (радиоприемы из разведцентра Запада). Но всё же главный канал - посреднический, через Винна. Все эти каналы были хорошо задокументированы советской стороной.

Суд. 28. « Используя своё положение заместителя начальника иностранного отдела ГК КНИР и имея по роду службы возможность встречаться с иностранцами, приезжающими в Советский Союз в составе различных научно-технических делегаций...»

Шпион. 28. П. имел выходы на важную государственную структуру - ГК КНИР и, как военный разведчик, был вхож в Минобороны СССР. Этими потенциальными возможностями определялся интерес к П. со стороны спецслужб Запада.

Турнир. 28. « Крыша» позволяла П. найти нужный для советской стороны контакт - ниточку к спецслужбам Запада из числа бизнесменов, бывавших в СССР. Несомненно, Винн был выбран потому, что имелись сведения о его связях с СИС.

Суд. 29. « ...вступил в доверительные отношения с владельцем посреднических компаний «Гревилл Винн Лимитед», одновременно выполнявшим функции консультанта ряда английских фирм, подданным Великобритании Гревиллом Винном...»

Шпион. 29. На Западе эксперты спецслужб и специалисты по разведке считают, что Винн был кадровым сотрудником СИС, но глубоко зашифрованным. В делах с П. - это был отличный канал связи.

Турнир. 29. П., то ли сам, то ли по заданию советской стороны, выбрал Винна в посредники по нескольким причинам: бизнесмен широкого профиля, контакты в Англии, работа на выставках по всему миру, регулярные визиты в Союз. Такое прикрытие для спецслужбы - одно из лучших.

Суд. 30. « В Лондоне было обусловлено, что дальнейшие инструкции П. получит через Винна… в Москве…»

Шпион. 30. Регулярные визиты Винна в Москву создавали бесперебойную связь с П. как агентом и позволяли официально видеться с ним в рамках работы по линии ГК КНИР.

Турнир. 30. Канал Пеньковский - Винн был наиболее неуязвим для советской контрразведки потому, что П. был кадровым сотрудником ГРУ ГШ МО СССР. Винн проходил у него как оперативный контакт. Этот канал был достаточно конспиративен, регулярен и надёжен для передаваемой информации, гарантировал максимальную дееспособность агента в работе с Западом. Однако лишь до тех пор, пока Винн мог ездить в Союз или П. за рубеж.

Суд. 31. « П. был снабжён шпионским снаряжением: фотоаппаратом «Минокс», плёнками к нему, транзисторным приёмником марки «Сони», шифровальными блокнотами, бумагой для тайнописи…»

Шпион. 31. П. достаточно эффективно использовал технические средства для сбора материалов (фото) и контактов с разведцентром на Западе (радио).

Турнир. 31. Весь этот «шпионский набор» попал в руки советских спецслужб, хотя ещё в августе П. сообщал о внимании к нему со стороны органов госбезопасности?!

Суд. 32. « Сигнальные открытки, полученные от Винна, представляли собой обычные советские открытки с видами Москвы, заполненные текстом и адресами на английском языке. Посылкой таких открыток П. должен был дать знать о тех или иных изменениях его деятельности».

Шпион. 32. Фактически П. в работе с западными спецслужбами использовал весь арсенал условий связи, и это было для него опасно. Анализ западных экспертов показывает, что расширение форм связи вело дело к провалу, но СИС и ЦРУ упорно не замечали этого факта, форсируя работу с агентом в Москве.

Турнир. 32. Удивляет тот факт, что западные спецслужбы сделали из ценного агента Пеньковского полигон для применения всех доступных форм связи.

Суд. 33. « П. осмотрел показанные ему фотографии новых лиц, с которыми он должен был поддерживать шпионские связи… - атташе посольства США и секретарь посольства Великобритании…»

Шпион. 33. Интенсивность работы с П. требовала от спецслужб Запада введения новых контролёров на территории Союза.

Турнир. 33. Каждое новое лицо в поле зрения агента усложняло его отношения с западными спецслужбами. А появление новых контролёров в арсенале П. повышало уровень опасности быть замеченным в конспиративных контактах с иностранцами. Даже если они проходили в официальной обстановке, например на приёмах. Новому лицу в посольстве - всегда особое внимание со стороны и нашей, и западных контрразведок.

Суд. 34. « Шпионскую информацию П. передавал через разведчицу Чизхолм на состоявшихся в конце 1961 и начале 1962 года встречах на улицах Москвы».

Шпион. 34. Супруги-разведчики Чизхолм были известны советской стороне по их работе в одной из соцстран, из которой они были выдворены. Вывод их на П. означал путь к провалу.

Турнир. 34. Моментальные встречи на улицах Москвы - это крупнейшая ошибка западных спецслужб, взявшихся обеспечивать безопасность работы со своим ценным агентом. Создаётся впечатление, что «мёртвый агент» им был даже более нужен (и полезен), чем живой.

Суд. 35. « В октябре 1961 года П. подготовил ряд материалов военного характера, в том числе данные об одной военной академии, список известных ему офицеров, генералов с краткими характеристиками на них, статьи из военных журналов..., и по паролю передал связнику иностранной разведки в районе гостиницы «Балчуг». Этот вид связи был обусловлен с П. во время его пребывания в Париже».

Шпион. 35. Было замечено, что западные спецслужбы мало уделяли внимания анализу работы П. по добыванию информации с точки зрения безопасности. Как профессионалу-разведчику, считали они, ему было виднее.

Турнир. 35. В случае у «Балчуга» только актуальность информации могла заставить западные спецслужбы пойти на риск и направить на связь с ценным источником в страну его пребывания с мощной контрразведывательной службой своего агента.

Суд. 36. « ...беседы Винна с П. в туалетных комнатах при открытых кранах, чтобы шум текущей воды заглушал голоса... В туалете американского клуба он вёл свой разговор с Чизхолмом 5 июля 1962 года...».

Шпион. 36. Такие осторожности воспринимались западными разведчиками как необходимость, причём оправданная.

Турнир. 36. Такие уединения вызывали подозрение у советских спецслужб: с Винном, а затем с Чизхолм - и всё один и тот же человек - Пеньковский. Было заметно его желание скрыть свои неофициальные отношения с этими людьми.

Суд. 37. « В Париже П. был назван подобранный американцами тайник в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице в Москве и объяснены правила пользования им: метка и телефонные звонки с

вызовом на операцию и удачное её проведение. Условия П. записал на листке бумаги, который был изъят у него при аресте».

Шпион. 37. Особенностью тайниковой операции на Пушкинской улице было то, что вызов на её проведение исходил от П. И он лишь раз использовал её для передачи материалов.

Турнир. 37. Условиями тайниковой операции воспользовались сотрудники госбезопасности, когда вызвали к тайнику американского дипломата и задержали его там с поличным.

Суд. 38. « …наличие у П. номеров телефонов дипломатических сотрудников не есть ещё доказательство его преступной связи с этими лицами, ибо П. по роду своей официальной службы был связан с иностранцами, бывал на дипломатических приёмах…».

Шпион. 38. Обилие официальных связей - это особенность в работе любого разведчика. П. активно использовал своё служебное положение для деловых контактов с нужными людьми со стороны западных спецслужб.

Турнир. 38. Правило работы разведчиков гласит: быть подальше от подозреваемых в связях со спецслужбами лиц - они «под колпаком». Во время посольских приёмов от наблюдения не спастись. П. и его «хозяева» пренебрегли правилом, вызвав тем самым у советских спецслужб уверенность в связях П. со спецслужбами Запада. Но этот упрощённый подход - встречи на приёмах - в то время практиковался западными спецслужбами.

Суд. 39. « Следствие не просто приняло на веру объяснения П., а подвергло их объективной проверке… 2 ноября 1962 года был проведён следственный эксперимент с соблюдением всех условий закладки в тайник, о котором сообщил П., и вызова туда разведчика. Через 30 минут после телефонных звонков помощник военно-воздушного атташе США явился осмотреть метку, а затем к тайнику прибыл сотрудник посольства США, где он и был задержан с поличным.

Шпион. 39. На Западе этот ход советской стороны назвали провокацией - ведь Пеньковский 22 октября уже был арестован.

Турнир. 39. Этот и другие факты из общения западных спецслужб с П. были задокументированы советской стороной. На Западе не знали, когда же действительно был арестован П. Хотя Винн мог понять по поведению П., что он «под колпаком». Это можно было заметить на приёмах. Выходит, что П. помогал Советам после ареста или работал в их пользу с самого начала. О точной дате ареста Пеньковского органы госбезопасности помалкивают по сей день.

* * *

Какую потаённую цель преследовал государственный обвинитель, произнося свою речь? С точки зрения построения её - она была безупречной: обстановка со шпионажем против СССР, анализ

преступлений Пеньковского и путь его от карьериста до предательства, преступления Винна, «американские и английские разведчики под маской дипломатов», юридическая составляющая преступления. Но почему из многих цитат, характеризующих разведывательный интерес Запада к советской науке и технике, гособвинитель выбрал одну - высказывание Аллена Даллеса в бытность его директором ЦРУ - об интересе американцев к нашей ракетной технике.

Выступая в январе 1960 года перед сотрудниками НАСА, Даллес заявил: «Сейчас наша главная задача состоит в том, чтобы определить, каково положение Советского Союза в ракетной технике и в других военных областях и каким оно будет в ближайшем будущем. Нас, американцев, ужасно интересуют такие вещи, как потенциальные возможности Советского Союза производить ракеты, запасы советских ракет, роль ракет в советском военном планировании…»

В это время позиции советской разведки в ЦРУ были достаточно прочными, и за этим публичным высказыванием были конкретные планы, которые американская разведка пыталась реализовать. Напрашивается вопрос в связи с этим: могла ли советская госбезопасность оставить без внимания курс ЦРУ на проникновение в советские ракетные секреты? И не был ли Пеньковский в контактах с западными спецслужбами проводником дезинформации о «роли ракет в советском военном планировании»? Ведь те материалы, которые он давал о стратегии в использовании ракет (закрытые военные журналы, устные сообщения и другие сведения), в конце 60-х годов оказались «великой ракетной дезой», реализованной советской военной разведкой с участием органов госбезопасности.

Так что же гособвинитель? Он озвучил дезинформацию: русских задел за живое тот факт, что Пеньковский передал на Запад «ракетные секреты».

Западные аналитики «дела Пеньковского» находят несоответствие в дате исполнения приговора агенту Алексу-Янгу-Герою, то есть Пеньковскому. В интервью корреспонденту «Известия» 29 мая 1963 года гособвинитель категорически заявил: «Пеньковский мёртв. Приговор приведён в исполнение во второй половине дня 16 мая…»

Но даже в официальных сообщениях не называлась точная дата. Вот какая заметка была помещена в газете «Правда» 17 мая 1963 года: «Приговор приведён в исполнение. Президиум Верховного Совета отклонил ходатайство о помиловании Пеньковского О.В., приговорённого Военной коллегией Верховного суда СССР за измену Родине к смертной казни - расстрелу».

Может быть, права «английская реакционная газета «Санди телеграф», с которой дискутировал гособвинитель? 19 мая 1963 года газета писала:

«Западные официальные лица в Москве считают, что смертный приговор Олегу Пеньковскому - чистейшая липа. Как выразился один дипломат, казнь Пеньковского «состояла в том, что его паспорт

уничтожили, а взамен ему выдали другой».

С точки зрения логики судебного процесса и выдвинутых обвинений против Запада, ведущего шпионскую работу против СССР, весьма желательно довести «дело Пеньковского» до конца - «привести приговор в исполнение». Причем немедленно - смысловая нагрузка текущего момента в этом случае понятна всем.

Но подтекст высказывания «Санди телеграф» тройственен: либо Пеньковский не был предателем? либо он предал своих западных «хозяев», сотрудничал с органами госбезопасности после ареста и ему заменили расстрел на другую меру наказания? либо он оставлен в живых для использования в качестве источника информации о формах и методах работы западных спецслужб.

Одна фраза, цитируемая в указанной газете - «его паспорт уничтожен, а взамен ему выдали другой» - говорит о том, что Запад видел в «деле Пеньковского» хорошо разыгранную советской стороной акцию, ценой которой была компрометация западных спецслужб и дискредитация посольств Великобритании и США. А в целом - дезорганизация их работы против Советского Союза.

И ещё. Как сочетается высказывание английской газеты, госбезопасности и... представителя СССР в ООН Федоренко в 1963 году, который в доверительной беседе с дипломатом одной из стран третьего мира заявил: «Не верьте всему, что пишут газеты. Пеньковский жив и здоров, он был двойным агентом, работал против американцев».

Далее попытаюсь ответить на возникшие вопросы, а также рассмотреть «дело Пеньковского» в трёх ракурсах: Пеньковский - предатель; Пеньковский - предатель, но после ареста сотрудничал с органами; Пеньковский - не предатель. Об истинной роли всего этого «дела» органы госбезопасности молчат потому, что предание гласности обстоятельств «дела» вскроет секреты методов подготовки акций тайного влияния такого масштаба. То есть нанесёт вред концептуальному подходу в дезинформационных играх, ряд положений которых актуален и по сей день.

«Феномен» против СИС и ЦРУ

Появление в 2000 году книги О. Пеньковского «Записки из тайника», подготовленной российским издательством на основе американского издания «Записок Пеньковского», придало мне новый заряд бодрости: снова можно было поразмышлять над западной точкой зрения на «дело».

Хотелось найти «зёрна истины», читая «Записки» между строк и пытаясь понять, что имела в виду западная сторона, а что - советская. К тому времени было известно, что «Записки» сфабрикованы на основе 17 бесед с Пеньковским в Лондоне и Париже, а это около пятидесяти часов времени. Мне представлялось, что в них должны быть целые россыпи интересующих меня сведений. Главное, это найти способ их обнаружения.

Для начала я взял статьи о «деле» из «Комсомольской правды»,

«Независимой газеты», газет «Совершенно секретно», «Новости разведки и контрразведки» и других и «обработал» их цветными чернилами - чёрными, красными и зелёными. В это трехцветье я вложил всё своё понимание проблемы, наполненной новыми фактами за последнее десятилетие.

Первой я выбрал статью из популярного в начале 90-х годов еженедельника «Куранты». Статья носила тенденциозный заголовок: «Был ли Пеньковский предателем?» В ней я подчеркнул чёрным цветом: «На Западе он считался человеком, сумевшим спасти мир от ядерной войны». И ещё: «Операция КГБ по разоблачению крупнейшего вражеского «крота». Красным: «На Востоке - агент двух разведок». Или: «Пеньковского сгубило не столь искусство оперативников КГБ, сколько халатность или же просто злой умысел британской спецслужбы». Наконец, зелёным цветом выделил: «Новая версия британского исследователя порождает сомнения», «в истории предательства и разоблачения похитителя «ракетных секретов» есть ещё одна мало исследованная сторона...», «возникает впечатление, что полковник ГРУ вначале действовал чуть ли не по приказу...», «подозрения, что Пеньковский ведёт двойную игру, никогда не покидали руководство ЦРУ». И далее: «Уж очень всё шло гладко», «сомнительная мотивация добровольной вербовки» - не это ли тревожило советскую госбезопасность прежде всего?!

Не мог я не обвести в зелёную рамку и такой абзац:

«Англичане знали, что Пеньковский и его связник под колпаком. Отчего же контакты с ним не были прерваны? Видимо, после многих провалов британские спецслужбы держались за свой единственный козырь, доведя агента до ареста».

Последнее замечание в этой статье говорило о том, что наша госбезопасность верно рассчитала мотивацию СИС в работе с Пеньковским. СИС не могла сознаться в своих подозрениях и вынуждена была выдавать любую информацию агента за ценную.

Итак, чёрным цветом я выделил те места, где говорилось об оценке действий Пеньковского Западом, причём в положительном с их точки зрения свете. Красным - об оценке или сами факты «разоблачения» его работы в пользу Запада нашими органами госбезопасности. (Судя по всему, наши коллеги из «семёрки» - службы наружного наблюдения - и контрразведчики работали честно и гибко, не зная кто есть кто.) Зелёным были отмечены все те моменты, где факты и их интерпретация подавались в пользу версии: Пеньковский - двойной агент, а значит, подстава нашей госбезопасности, точнее, советской стороны.

Таким образом я обработал все остальные статьи по «делу», это своеобразный тренинг нацелил меня на серьёзную работу с «Записками из тайника». Сегодня, просматривая свои пометки с анализом «Записок», понимаю, что это был в определённой степени систематизированный мой комментарий к ним, к этому западному изданию «Записок Пеньковского»

(1965).

Мои старые выписки начинались с чёрно-красно-зелёного анализа статей о «деле» в периодической печати. Затем шли пометки из книги «Шпион, который спас мир» и заметки в главе, касающейся подготовки «Записок» к изданию под редакцией ЦРУ и СИС. На отдельном листочке я нашёл следующую запись: «Мемуары содержат весьма глубокий анализ характера Пеньковского и мотивы, которыми он руководствовался, а также массу самой разнообразной информации о советских взглядах...»

В тот момент мною были выделены слова «характера», «мотивы», «взгляды». На полях же я добавил: «Это их понятие подсказанных нами мотивов, которые они хотели видеть, и мы помогли им в этом. Как и Гитлер, они просчитались в главном: народ не хочет американского образа жизни. Ему ближе понятия «коллективизм». Примеры? Гражданская война, война, восстановление».

Может быть, эти слова вернули меня в военное детство - ведь я «продукт» эпохи высоких духовных порывов народа, из которого вышло всё моё большое семейство. Сегодня мне невозможно поверить, что коллективизм нашего народа был разрушен в 80-90-х годах.

Мои комментарии по поводу «Записок из тайника» были своеобразной дискуссией с их создателем Джибни. Конечно, я обращал внимание лишь на значимые места, ибо в книге было более 400 страниц. Особенно на предисловия автора к главам - часто весьма пространные - оставив на совести Джибни его «личные» замечания о Советском Союзе, о нашей системе ценностей, о ГРУ, КГБ и тому подобное.

Вот вступительная статья «От автора». Ее написал Фрэнк Джибни, подготовивший в «соавторстве» с ЦРУ и СИС эти «записки» ещё в середине 60-х годов (1965). В моих пометках выделено из этой статьи следующее высказывание Джибни:

«Текст этой книги основан на трёх документальных источниках: на записках самого Пеньковского в том виде, как они были доставлены из Советского Союза; официальном отчёте о процессе Пеньковский - Винн, опубликованном издательством политической литературы в 1963 году, а также на сообщениях прессы и материалах дискуссий, связанных с арестом Пеньковского и судом над ним, которые появились в Европе, США и даже в Советском Союзе. Кроме того, я располагал информацией, полученной в результате продолжительных бесед с Гревиллом Винном...».

И, как видите, ни слова о сведениях, полученных ЦРУ и СИС в результате многочасовых контактов с Пеньковским в Лондоне и Париже!

Но ведь записок как таковых не было. Это синтез из его бесед с «коллегами» в том же Лондоне и Париже. А Винн мог дать Джибни лишь то, что ему Пеньковский подсказывал в силу оперативной необходимости. Западный блеф заключается в том, что Джибни и его «соавтор», беглец из КГБ, прекрасно знали откуда «записки» - это были фрагменты магнитофонных записей тех самых 17 встреч Пеньковского и четырёх офицеров спецслужб в Англии и Франции, любезно предоставленные

авторам ЦРУ и СИС.

В этих магнитофонных записях отдельные высказывания Пеньковского должны были выглядеть как экспромт. (Это мне было знакомо по беседам с канадскими контрразведчиками.) Его оперативная информация должна была прерываться комментариями из его прошлой или настоящей жизни. И это была, как я понимаю, тактическая уловка для выигрыша во времени на обдумывание ответов с уточняющими вопросами его «коллег».

Джибни пишет, что в вопросах, касающихся принципов и методов работы советских разведывательных спецслужб, а также специальной терминологии, он опирался на знания Дерябина (соавтор - беглец из КГБ). Но Пеньковский мог варьировать сведениями о разведке хотя бы потому, что предыдущие 5-6 лет на Запад работал разоблачённый предатель - офицер ГРУ и, как стало известно позднее, - неразоблачённый генерал ГРУ. Эти предатели наверняка сообщили многое о теории разведки и спецтерминах. Дерябину в этой области всё это было не под силу - он отставал в своей осведомлённости о делах КГБ лет на десять.

Комментируя «Записки», мне хотелось начать с обстоятельств их появления. Их СИС и ЦРУ пытались использовать, в частности, для вбивания клина в отношениях между нашими разведками: внешней (КГБ) и военной (ГРУ). Западные спецслужбы не могли не понимать, что наши разведки работают над чем-то стратегически важным. И были бы правы, если бы их источники могли проникнуть в эту супертайну: обе наши разведки решали одну глобальную задачу - дезинформация противника в отношении Кубы и на этом фоне решение проблемы «ядерного щита».

Предисловие Джибни к «Запискам» и мой комментарий к ним, хочу надеяться, дают ключ к пониманию всех подобных «записок», составляемых на Западе.

Приговор суда Винну - настоящий, а Пеньковскому - согласно легенде, разработанной советской стороной. К этому сложному для него моменту он шёл с 1956 года, когда по заданию ГРУ впервые пытался втереться в доверие турецких и американских спецслужб.

Отставание СССР в ядерной защите грозило дать карт-бланш американцам, поэтому советская сторона торопилась создать паритет ядерных сил, чтобы обмен взаимными ударами стал невозможен. Уже тогда, в 1956 году, выстраивалась для Пеньковского легенда: разведвозможности - это ГРУ (Минобороны), мотивы - его прошлое (отец белогвардеец) и не оценённые по достоинству заслуги в послевоенное время, материальные пристрастия (сбыт вещей на рынках Анкары), демонстративный интерес к женщинам…

Главный блеф в легенде Пеньковского - это информация об отставании Советского Союза в ракетной технике и в обмане Хрущёвым Запада в этом вопросе, ибо якобы Советы не могут нанести превентивный удар, так как сил у них пока таких нет.

Когда Пеньковскому не удалось войти в доверие в Турции, то

советская сторона решила прикрыть его действия с позиции ГК КНИР. Очевидно, было опасение и в КГБ, и в ГРУ, и у кураторов из ЦК, что американцы не «клюнут». Уж очевидно все эти действия из 50-х годов походили на подставу. К чести всех, кто был занят этим этапом акции по привлечению к Пеньковскому внимания со стороны западных спецслужб, СИС удалось расшевелить. И игра пошла…

Что давало пребывание в ГК КНИР? Возможность выездов за рубеж, где спецслужбам Запада было легче закрепить его вербовку. Однако, когда встал вопрос о компрометации конкретных лиц и дискредитации западных дипломатических миссий, Пеньковский стал невыездным, хотя и держал Запад под напряжением своих обещаний выехать в разные страны на короткий срок.

Джибни пишет: «По свидетельству советских прокуроров, информация, которую Пеньковский передавал на Запад, касалась, главным образом, экономических и технических вопросов и лишь в самой минимальной степени содержала сведения секретного военного характера…» Всё верно. На суде Пеньковский предстал в качестве «полковника артиллерии в запасе» и «гражданским служащим». Просто советская сторона не могла публично признать, что в Москве наши спецслужбы ведут разведработу с позиции ведомств государственного масштаба, каким, в частности, был ГК КНИР (мне это хорошо известно, потому что сам около двадцати лет работал «под крышей» Минвнешторга).

Можно предположить, что во время суда наша сторона стремилась создать впечатление: Пеньковский не сознался во всех «грехах», касающихся передачи документов. А именно в них содержалась главная деза стратегического значения. Нужно было подыграть Западу и убедить американцев и англичан, что они потеряли ценного источника.

Джибни говорит об этом так: «Текст обвинительного заключения разоблачал ложь о том, что не было «военных секретов», так как содержание формулировок, например, типа: «совершенно секретная информация», «документы особой важности», «экономического, политического, военного характера», «секретные разработки в области космоса», «войска в Германии». Или: «Списки офицеров и генералов ПВО, новая военная техника, материалы по ракетной технологии… атомная энергетика…» не были секретными.

Кажется, советской стороне удалось убедить Запад в отставании от американцев в ракетах и атомных зарядах. Однако не настолько, чтобы Советы не были в состоянии «огрызнуться», если США решатся напасть на СССР или страны соцлагеря.

Информация от Пеньковского заставила американцев отказаться от превентивного удара по СССР, обойтись в случае необходимости обычными видами вооружений, а главное - искать компромиссные решения для выхода из Карибского кризиса.

Военный прокурор Горный на суде говорил: «Обвиняемый

Пеньковский - отступник, карьерист, морально разложившаяся личность...» В этой игре для Пеньковского, боевого офицера двух войн, разведчика и гражданина, самым трудным было - слышать такое. Ведь были мать и жена, дочери, товарищи... И всё, что он смог сказать им в сложившейся ситуации, - одна фраза: «Так было надо!» И каждый понял её по-своему. Но к этому Пеньковского готовили - на войне, как на войне!

(Мне также пришлось бы выступить в подобной роли, если операция «Турнир» была бы реализована в полном объёме согласно задуманному долговременному плану. Полистав снова страницы судебного процесса, я мысленно возвратился ко времени, когда прошло почти десять лет после «дела». Именно тогда, привлекая к операции «Турнир», меня спросили: смогу ли я сыграть роль предателя и перенести суд, телевидение? Меня спрашивали: «а как родные?» И я отвечал: «Они поймут...» Но какие страдания это им доставило бы, даже если бы они знали, что это игра?! Особенно отцу... Да простит меня читатель, именно поэтому я не могу принять «дело» как предательство!)

Джибни провозглашает: «Олег Пеньковский в одиночку взломал систему безопасности государства...» Что же это за безопасность, если один человек может её нарушить? Такие рассуждения - это и есть «чёрная пропаганда» - для желающих быть в неведении. И далее он говорит: «Важность работы Пеньковского подтверждается теми мерами, которые были приняты сразу после его ареста...» Он имеет в виду маршала Варенцова и руководителя ГРУ Серова. И ещё: «Триста офицеров советской разведки были немедленно отозваны в Москву из дипломатических представительств за рубежом». Ну, это уже заведомо «развесистая клюква» из арсенала «чёрной пропаганды».

О реакции на предательство Пеньковского во внешней разведке я уже говорил ранее. Но лучше бы Джибни заглянул в свою записную книжку и подсчитал, сколько знакомых у него в ней значится? Не 300, а около 70 человек выехали из-за рубежа (и безо всякого ажиотажа!).

Но кто именно? Во-первых, это были активные работники разведки, серьёзно «намозолившие глаза» западным спецслужбам. В ожидании ответных мер после ареста Пеньковского их просто вывели (обезопасили) из страны. Следующая категория - это те, у кого заканчивался срок командировки. Наконец, и в ГРУ, и во внешней разведке были работники нерезультативные либо с подмоченной репутацией. Выехали также технические работники, требующие замены. Конечно, для предотвращения провокаций пришлось уехать тем, кто работал ранее с Пеньковским в Турции.

Но вот весь фокус в том, что всех их отозвали в короткий промежуток времени - до конца 1962 и до начала следующего года. Этим советская сторона создала иллюзию увязывания «провала» наших спецслужб и «ареста» Пеньковского. Все эти действия работали на легенду: Пеньковский честно сотрудничал с СИС и ЦРУ. И так в глазах Запада была, как заявил Джибни, «подтверждена важность работы Пеньковского...»

Сложнее нашей стороне пришлось с маршалом - «источником» Пеньковского, которого в этом качестве знали на Западе и ценили - «агент» вышел на самые верхи военного командования. Маршал не был в курсе дела. По заданию и плану игры Пеньковский восстановил с ним контакт лишь после выхода на англичан и американцев - так посоветовали Пеньковскому в КГБ-ГРУ. «Наказание» маршалу - понижение в должности и звании. Но это было частью игры, на что тот согласился, приняв «арест» своего в прошлом сослуживца якобы за чистую монету.

Маршал Варенцов и глава ГРУ Серов были из окружения Хрущёва. Варенцова якобы Хрущёв убедил лично как фронтового друга, попросив принести в жертву себя «публично». В отношении маршала был распространён слух, что, кроме болтовни «за рюмкой чая», никаких секретов маршал не раскрыл, но… Но всё же - ротозей. Якобы так внешне снижался информационный эффект от «предательства» Пеньковского. Как другу, Хрущёв честно пояснил маршалу: нужны «стрелочники», и среди них - он и Серов. Фактически Хрущёв «спасал» маршала от худшего: при расследовании «дела» военная прокуратура намеревалась привлечь маршала к уголовной ответственности за разглашение государственной и военной тайны. Прокуроры работали в этом «деле» «втёмную», и маршалу грозил срок лишения свободы до десяти лет. Однако Хрущёв друга в обиду не дал, приказав: «Публично наказать, но под суд не отдавать!»

И имя маршала на суде фактически не фигурировало. Лишь в интервью, которое дал главный обвинитель газете «Известия», прозвучала такая фраза: «… бывший главный маршал артиллерии С. Варенцов понижен в звании и должности за то, что, зная Пеньковского по фронту, доверился его «жалобам» на якобы незаконное отчисление его из кадров Советской Армии. С. Варенцов добился пересмотра отрицательной служебной аттестации Пеньковского и в конечном итоге содействовал его устройству по службе» в ГК КНИР.

Но «был ли мальчик»? Пеньковского из армии не уволили. После Турции он работал в Минобороны, а затем снова в военной разведке. И ГК КНИР был его «крышей». Намечалось маршала вообще «простить» и отправить на пенсию года через 2-3. Но Хрущёв ушёл с политической арены страны в конце 1964 года, и о «фронтовом друге» просто забыли. То же произошло и с Серовым, который был многим не по душе за близость к Хрущёву.

Не стану повторять, что говорит Джибни о «вкладе» за шестнадцать месяцев работы Пеньковского с Западом. Отмечу только, самое «холодное» время в «холодной войне» выпало на период Берлинского и Карибского кризиса, когда… работал Пеньковский.

Джибни, видимо, сознательно говорит о советских ракетах на Кубе как дальнего радиуса действия, но это были ракеты среднего радиуса. А ядерные заряды? Были ли они там вообще?! Генерал Плиев, отвечавший за них там, ушёл из жизни, так и не внеся ясности в этот вопрос. Возможно, это являлось частью «большого блефа» Хрущёва. Нужны ли были эти заряды на Кубе? Ведь их так и не снарядили к ракетам. В это

время на дне Мексиканского залива лежала 21 советская подводная лодка с реальными ядерными зарядами в ракетах. О подводных лодках, конечно, Пеньковский (для западных спецслужб) «не должен был знать».

Вероятно, «промах» Пеньковского с Берлинской стеной западные спецслужбы должны были воспринять с упрёком в его адрес, но всё обошлось - ведь не обо всём говорят за столом у маршала. Возможно, Пеньковский возражал, когда КГБ-ГРУ навязывали ему поговорить с «коллегами» о «стене» задним числом - это «наводило тень на плетень».

В обеих службах - КГБ и ГРУ - было радостно ощущать успех в «деле», когда советская сторона торг выиграла: Куба была спасена на неопределённый срок. «Советы» Пеньковского западным спецслужбам о позиции Хрущёва в отношении ракет в Турции Западом были учтены.

Восстанавливая события с арестом Пеньковского, можно сказать следующее. Его «арест» 22 октября был не случаен. Точнее, объявление об аресте. «Арест» начался задолго до этого: фактически весь сентябрь и октябрь Пеньковский был вне поля зрения западных спецслужб. Наша госбезопасность наблюдала, как те мечутся в поисках агента.

22 октября - это сигнал Западу в момент высшей точки напряжения в Карибском кризисе. Грань войны - кто первым нажмёт кнопку запуска МБР? Но ранее на Запад ушла информация Пеньковского, точнее, «деза»: Хрущёв к ядерной войне не готов и её не хочет. А потому Кеннеди не стал рисковать, и кризис разрешился мирным путём.

Есть такое понятие «информационный шум». Это фон, в который вкрапливаются «зёрна» нужной (в данном случае для Запада) информации или дезинформации. Пеньковскому был дан карт-бланш в этом вопросе. То есть он мог говорить обо всём, о чём считал нужным во время бесед с «коллегами», но в рамках заранее оговорённого широкого круга вопросов.

Те, кто готовил книгу «Записки Пеньковского», схватили суть верно, не предполагая, что это был «информационный шум». Пеньковский, судя по книге «Шпион, который спас мир», говорил о себе правду, лишь кое-где её изменял, дополняя деталями и усиливая акценты. Всё это работало на легенду.

Известно, что Пеньковский не был обижен памятью ещё с детства. И позднее, например в Киевском артиллерийском училище, он знал таблицы расчётов стрельбы наизусть. Но чтобы создать «информационный шум», надо обладать эрудицией. Если бы Пеньковский не был начитан, не знал литературы, истории, особенно военной, не окончил две академии, он не смог бы выдержать 17 бесед с четырьмя асами СИС и ЦРУ. На этих встречах он должен был манипулировать сведениями широкого диапазона и… не запутаться в создаваемой им паутине легенды.

В общем, как мне представляется из опыта собственных встреч с канадцами, «шум» был создан значительный (с его устными и документальными сведениями работало в США 20 человек, а в Британии - 10). Пеньковский «шумел» и в годы «турецкого периода». На него

работала атмосфера в советском посольстве в Анкаре: «напряжёнка» в отношениях сотрудников ГРУ и КГБ. Там эта «атмосфера» позволила начать поиски контактов с турецкими спецслужбами и их западными партнёрами. Мотивы? Обида за жену и грубость генерала ГРУ стучали ему в сердце. Он писал в парторганизацию ГРУ о самодурстве генерала-резидента, который своим поведением вредил оперативной работе. А вовне пошла информация о Пеньковском - сутяжнике, конфликтном человеке...

Именно это письмо, принципиальное по своей сути, заставило обратить на Пеньковского внимание руководства ГРУ, которое вместе с КГБ готовило акцию по заданию ЦК партии в плане дезинформации и дискредитации Запада в его происках против СССР. «Недовольный офицер ГРУ» был подходящим фигурантом в акции тайного влияния. А его боевой опыт говорил о возможности использования фигуранта в сложной игре с подставой.

Попытки Пеньковского выйти в Анкаре на контакты со спецслужбами могли быть проверены западными разведками - что и было сделано. По задумке КГБ-ГРУ, Пеньковский должен был исчезнуть из Турции (в ореоле выгнанного из собственной резидентуры) и ждать выхода на него противника уже на территории СССР, то есть в Москве.

Когда ГРУ и КГБ объединили свои усилия в подготовке масштабной акции стратегического значения, среди исполнителей оказался Пеньковский с его «кляузным турецким периодом». Исподволь стали готовить легенду его «контрреволюционного прошлого» - отец-белогвардеец - якобы из-за этого Пеньковский был снят с поездки в Индию, но оставлен в ГРУ как ценный специалист. А чтобы усилить его «разведвозможности», Пеньковского ввели в состав мандатной комиссии для зачисления в ВДА - разведывательную академию. Можно только удивляться, как на Западе заглотнули эту приманку. Они могли просчитать, что Пеньковского на пушечный выстрел не должны были бы подпустить (с таким-то прошлым?!) к кадрам... А тут - «щуку» с «контрреволюционным душком» бросили в реку. Затем Пеньковский стал руководить подготовительными курсами для поступающих в академию. И как представляется, когда легенда-приманка была готова, Пеньковского вывели «под крышу» в ГК КНИР в конце 1960 года. С позиции этого комитета он стал доступен для Запада.

Время шло, но официальные контакты Пеньковского с иностранцами были вне поля зрения западных спецслужб. КГБ-ГРУ хотелось выйти на ЦРУ - главного противника в борьбе советских разведок. Позднее стало известно, что настойчивые попытки Пеньковского контактировать с западными официальными представителями в Турции были замечены. Но на уровне разведывательного сообщества НАТО было принято решение: в контакт с Пеньковским не вступать - это могла быть подстава с советской стороны.

Когда через Джорджа Блейка стало известно, что в недрах спецслужб Запада имеется такое решение, то отказ Пеньковского от

поисков контактов с Западом только подтвердил бы эту версию: да, действительно, в Турции он был подставой.

В КГБ-ГРУ решили пробиваться к американцам. Так появилась серия подходов Пеньковского к студентам и западным бизнесменам. Он писал на Запад о желании работать на них. И, судя по японской поговорке: если долго стрелять в ручей, то обязательно попадёшь в рыбу, - контакты возымели успех.

В письме Пеньковского в адрес Запада содержалась мысль: радеющий за мир на планете человек и здорово обиженный Советской властью хочет разоблачить планы советского руководства, или, как говорится в книге Джибни, «снять пелену таинственности с этих планов».

Обе наши спецслужбы тщательно проанализировали ситуацию с отказом от встреч с Пеньковским и пришли к выводу, что опасения американской стороны оправданны. Особенно на фоне громкого процесса над Гарри Пауэрсом, незадолго до этого представшим перед советским судом за шпионские полёты над Советским Союзом. Родилась идея: нужно подойти к американцам… через англичан - КГБ был известен весь состав их резидентуры при британском посольстве в Москве. Англичане могли реально использовать открывающиеся разведвозможности в лице Пеньковского, ибо ГРУ и Минобороны были для них более чем привлекательные организации.

Так оно и случилось. Правда, в этом «деле» с СИС сыграли злую шутку прежние многочисленные провалы её «на британско-советском тайном фронте». Они обменяли свой престиж на «наживку» с советской стороны - эту закономерность верно уловил английский контрразведчик Питер Райт, который подробно развернул «тезис с наживкой» в «деле Пеньковского» в своей книге «Охотники за шпионами».

Сведения о структурах и личных составах ГРУ и ГК КНИР, переданные Пеньковским на Запад, не были открытием для СИС и ЦРУ. Еще до него эти «секреты» были у них на руках от перебежчиков из этих организаций. Но в списки и характеристики людей наши спецслужбы внесли коррективы. Такая «достоверная» информация стала «лакмусовой бумажкой» в подтверждении «преданности» Пеньковского Западу.

Когда англичане «клюнули» на приход Пеньковского к ним, на свет божий появилась лекция по организации связи с агентурой в США. Лекцию подготовил сотрудник ГРУ Приходько, только что возвратившийся из Штатов и известный американским спецслужбам. Приходько составил личные впечатления и рекомендации по этой проблеме и его рукопись была стремительно издана в разведывательной академии, причём специально для передачи на Запад. Конечно, не в одном экземпляре. Это была «сборная солянка» из всех материалов по США, начиная чуть ли не с 20-х годов, - эдакое рассуждение на тему. Такая лекция-пособие - обычное явление после работы разведчика за рубежом.

Рассуждения Приходько «на тему» правильно оценил Джибни: лекция носила назидательный характер с позиции человека, работавшего в США.

«Коллеги» из СИС и ЦРУ не подозревали, что подполковник Приходько, далеко не ас в военной разведке, подготовил свою лекцию в «свободном полёте» его личных взглядов. Стенограмма этой лекции нужна была для передачи в СИС, но с прицелом на ЦРУ.

Бедный Джибни! Он возвёл стенограмму лекции в культовый подход агента Пеньковского к разведработе с Западом. Вот его оценка этого факта: «Вынести секретную стенограмму лекции Приходько из ГРУ - это уже сам по себе поступок из ряда вон выходящий. Никогда раньше оперативные методы современной спецслужбы не формулировались с такой обнажённой ясностью. Редко какой документ давал более полное представление об ограниченности советского мышления, чем эта попытка нарисовать объективную картину другой страны и её культуры».

Бедный Джибни! Хотя он не такой «бедный» - он выполнял заказ западных спецслужб, готовя эти «Записки». «Бедный» потому, что мнение слабого профессионала (конечно, лекция была подкорректирована советской стороной) воспринял как образец для мыслящих сотрудников ГРУ (советской военной разведки), за плечами которых был богатый опыт войны в Испании в 30-х годах, стратегическая агентурная разведка в годы Второй мировой войны, когда, в частности, с их помощью эффективно в 1941-1942 годы работала сеть антифашистов «Красной капеллы»…

Джибни «забыл» ещё один факт: и ГРУ, и разведка госбезопасности успешно работали в «атомном шпионаже» в послевоенные годы, причём в Канаде и США. Тогда «ограниченного советского мышления» хватало, чтобы провести ищейку высшего класса в лице Гувера с его чудовищным аппаратом ФБР.

Подтекст в факте передачи англичанам «лекции» Приходько был следующим: СИС получила материал о Штатах, и этот материал помог перевести контакты Пеньковского с СИС на уровень сотрудничества с ЦРУ. Если бы Джибни (и СИС, конечно) задался вопросом: почему именно о Штатах появилась лекция на Западе? Да ещё в подлиннике? Ведь подобные лекции были и по другим странам и регионам…

Западный подход к содержанию «лекции Приходько» в изложении Джибни заключается в следующем: «…советские чиновники могут стать жертвами своей собственной пропаганды. И тогда серьёзные штабники Советской Армии, может быть, осмелятся внимательно присмотреться к обществу, на которое они сейчас мрачно взирают сквозь тонированные красные стёкла очков».

Пока Джибни и ему подобные снисходительно похлопывали советских разведчиков из КГБ и ГРУ по плечу, последние делали своё дело. Недаром президент Рейган на очередном юбилее спросил, причём не без лукавства: «Вы в ФБР - молодцы! Но почему русский «Буран» так похож на американский «Шатлл»?» Не это ли высшая оценка работы наших разведчиков! И это только в области науки и техники, в частности по космической проблематике - наиболее сложном направлении для проникновения в секреты.

В качестве «ниточки» от Пеньковского к англичанам (американцы не рискнули сами вступить с ним в контакт) был выбран бизнесмен Винн, который находился в поле зрения МИ-5 (английской контрразведки) и МИ-6 (разведки) и который регулярно посещал Советский Союз.

Самым серьёзным испытанием для Пеньковского была первая встреча с представителями западных спецслужб - двумя англичанами и двумя американцами, причём одновременно. Эта встреча определяла в отношениях сторон главное: поверят или нет, а следовательно, станут ли доверять в будущем передаваемой на Запад информации, среди которой будет «деза» с советской стороны.

В тот день, 20 апреля 1962 года, допрос длился почти четыре часа. Тактика Пеньковского была следующей: много словесных сведений, отдельные рукописные заметки и конкретные документы. Естественно, советская сторона в тот раз приготовила только реальные факты, в том числе те, которые могли быть известны Западу или подвергались бы их проверке. Цель - повышение доверия к Пеньковскому. А он не заблуждался, что его собеседники - мастера своего дела. Это, конечно, тревожило, но не расслабляло.

Устная информация - это рассказ автобиографического характера и о мотивах его прихода к спецслужбам. И в этом Джибни прав, как и в том, что уже на этом этапе контактов с противником сведения касались «советских военных секретов». Материалы на эту тему вызвали живой интерес у западных профессионалов. Джибни писал: «Западным разведчикам стало ясно, что с полковником Пеньковским им крупно повезло, сумма же, которую он запросил за своё сотрудничество, - сущий пустяк».

Джибни верно определил, что мотивы «поступка» Пеньковского неоднозначны: «непрочное» положение в ГРУ (карьера, отец-белогвардеец), «мечта» о свободной жизни на Западе, возникшая в Турции, «разочарование» в идее социализма и «вождях», о чём Пеньковский писал на Запад.

Джибни сформулировал кредо Пеньковского следующим образом: «В нём говорил человек, пытавшийся отыскать свои новые корни, солдат, стремящийся встать под новые знамёна». (Ну насчёт «солдата» и «знамени» - это у Джибни плагиат - взято из «верноподданнического» письма Пеньковского к Аллену Даллесу). Чему же поверили западные спецы от разведки? Комплексу мотивов: антисоветизм, прошлое отца, западный образ жизни, деньги...

Снисходительность Джибни в отношении «советского менталитета» (лекция Приходько) не смогла высветить в начале контакта Пеньковского с Западом ещё один, причём важный момент с точки зрения госбезопасности. Речь идёт о советской спецслужбе - ГРУ, где Пеньковский, несмотря на порочащие его факты «в биографии, пользовался доверием... и его выпустили в Англию» (Джибни).

Во время визитов в Лондон встречи завершались резюме:

Пеньковскому поверили и обучили приёмам тайной связи, задания Запада были конкретными, и он взамен попросил убежища на случай бегства из СССР, а также, для вящей убедительности, гарантию предоставления работы по профилю. Оговорена была конкретная материальная сторона его жизни на Западе.

Пока «коллеги» из западных спецслужб проявляли интерес к ГК КНИР, советская сторона понимала, что эта информация их не удовлетворит. Однако в её оценке Джибни противоречит сам себе. Сначала он говорит, что сведения из ГК КНИР интереса для Запада не представили, но буквально на следующей странице им написано: «Запад мало что знал об истиной деятельности ГК КНИР, особенно о тесном сотрудничестве его с русскими спецслужбами». Это от лукавого, ибо уже тогда в этом ведомстве работали некоторые «засвеченные» сотрудники КГБ и ГРУ. Еще до передачи сведений Пеньковского о Комитете были беглецы на Запад из работников этого ведомства.

В предисловии к одной из глав Джибни констатирует активность Пеньковского в пользу Запада: «Имея свободный доступ в Минобороны, ГРУ и свой собственный ГК КНИР, Пеньковский беспрепятственно фотографировал любые документы, преимущественно с грифом самой высокой категории - техдокументации, инструкции, руководства для персонала». Однако во всех режимных организациях - Минобороны и ГРУ - спецотделы, хранящие секретные документы, контролируются КГБ, в задачу которых входит учёт лиц, чрезмерно интересующихся информацией вне служебного положения, по должности или тематике работы. Материалы с особым грифом можно читать только в самом помещении секретного отдела, а выносить нельзя. В гражданских организациях типа ГК КНИР - тем более ничего нельзя брать с собой, даже материалы самой низкой секретности. И вообще документы с высоким грифом - штучный «товар» и доступ к нему идёт через разрешение высокого начальства. Пеньковский был, по меркам сотрудников ГРУ, фактически «рядовым подкрышником». И все эти секреты ему были ни к чему. Лукавит Джибни - точно лукавит насчёт «свободного доступа к секретным документам».

Прав был британский контрразведчик Питер Райт: Пеньковский заботился о своей безопасности, но как иначе появились 5000 кадров с документальной информацией? С нашей точки зрения - столько «информационного шума».

С Винном контакт Пеньковского выглядел как полезная связь с перспективой на привлечение к сотрудничеству по линии ГРУ, причём связь хорошо прикрытая делами с ГК КНИР.

Советской стороной Винн был оставлен в качестве связника с дальним прицелом. Нужно было создать иллюзию у Запада, что он не знал содержимого передаваемых Пеньковским материалов. И потому заявление Пеньковского на суде о том, что его связник не был в курсе содержимого их соответствовало действительности, и на Западе воспринялось как сигнал: «Я нелоялен к органам дознания и суду. Верьте

мне (моим материалам)». КГБ-ГРУ на это и рассчитывали. Возможно, в этом кроется причина: почему до сих пор «дело» - и у нас, и у них - не обнародовано.

Чтобы усилить впечатление о важных связях Пеньковского в высших эшелонах власти, в частности в ГРУ, в Лондон с ним вместе приехал начальник военной разведки Серов с женой и дочерью, которых «агент» там опекал. Джибни констатирует то, что родилось в недрах КГБ-ГРУ: «Этот факт способствовал тому, что в московских кругах высокопоставленных чиновников Пеньковский приобрёл репутацию человека, который чувствует себя на Западе как рыба в воде».

Мне жаль старину Джибни, видимо, умного и проницательного человека, издателя журнала «Шоу», автора статей в журнале «Лайф» и редактора «Ньюсуик», который описал реакцию Пеньковского на западный мир с его обществом и магазинами (до него это сделал Винн). Мне представляется, что Пеньковский к тому времени кое-что повидал, особенно в годы войны, и ему было не всё равно, как живут его сограждане - цена западного благополучия не была выстрадана Джибни, как это случилось с народом России - СССР.

Естественен вопрос: почему я вступил в «дискуссию» с Джибни, взяв за основу часть «его труда» - «Записки Пеньковского»? В том, что «Записки» - фальшивка, не сомневались и на Западе. Даже их пресса отмечала: «Только круглый идиот может поверить, что шпион вёл подробный дневник да ещё рассуждал о советской политике конца 1965 года, то есть о событиях спустя два года с лишним после судебного процесса». (К этому можно ещё добавить: только круглый идиот не уничтожил бы улики в своём домашнем тайнике, имея уже наружку «на хвосте»?!)

Бывший сотрудник американской разведки Пол Плэкстон в журнале «Уикли ревью» писал: «Утверждение издателя «Записок» о том, что Пеньковский передал рукопись на Запад ещё осенью 1962 года, звучит нелепо - в это время за ним внимательно следили, и он не стал бы подвергать себя опасности разоблачения...»

«Специалист по русскому вопросу» Зорза из английской газеты «Гардиан» заявил, что «Записки» - вымысел. Это случилось после того, как он, другие журналисты и издательства обратились к ЦРУ с просьбой показать русский текст «записок», но штаб-квартира разведки в Ленгли оригинал предъявить не смогла.

Очень антисоветская бельгийская газета «Стандард» писала: «... книга является подделкой. Часть сведений, содержащихся в ней, просто преувеличена, а другая часть - сфальсифицирована американской разведкой». Шведская влиятельная газета «Афтонбладет» шутила над американцами: «Центральному разведывательному управлению следовало бы поработать лучше...».

Оценки, даваемые фальшивке на Западе, помогали мне опровергать и уточнять действия Пеньковского по работе в пользу советской стороны.

Говорил Джибни о заданиях. Новые задания были по Вооружённым силам СССР, ракетным войскам, Группе советских войск в ГДР и по подписанию мирного договора с ней. Интересы Запада обозначались, облегчали работу Пеньковского при подготовке «информации с шумом» и, конечно, дезинформационных сведений.

Джибни, упоминая об имидже Пеньковского, называет его «западником». Так вот, этот имидж рвущегося на Запад человека Пеньковский подкреплял даже уроками танцев и фотографированием в форме полковника британской и американской армий во время визитов в Лондон.

Почему Джибни не задался вопросом: зачем Пеньковский спрятал свои фотографии во вражеской форме у себя дома? Одного этого было достаточно для обвинения советского офицера в антипатриотизме и предательстве. А ведь мог «издатель-автор-редактор» просчитать ход задумки с фотографией (и с тем, что Пеньковский сохранил в тайнике шифры, коды, инструкции, информацию и так далее) как улику против западных спецслужб. Даже можно пошутить в рифму: наш менталитет на их менталитет - обман не раскрылся с десяток лет.

Разглагольствованиями о «культе Хрущёва» (усиленными спецслужбами при подготовке книги к изданию) Пеньковский укреплял свои позиции в глазах Запада. Конечно, Пеньковский понимал, что в Союзе дела шли не так, как хотелось руководству страной. Но было и много положительного, а он в угоду Западу акцентировал свою критику на негативе. И это срабатывало. Многое из того, что он говорил и оценивал, было и его позицией, но утрировалось якобы в силу ненависти к советскому строю. Легенда отлично работала.

Джибни, думается, не попался на эту легенду, но принял антисоветизм Пеньковского как должное в его подыгрывании Западу.

Джибни отмечает: «Период с 1960-го по 1962 год был трудным в жизни профессиональных военных в СССР...» Действительно, время со второй половины 50-х годов в среде советских военных было тревожным в связи с тем, что было объявлено о сокращении армии на 1 200 000 человек! Тогда шла замена тех, кто окончил войну в 20-30 лет и остался на позициях военного видения проблем армии. Рождалась новая армия - в своей основе ракетно-ядерная. Политика внутри страны работала на эту концепцию.

Автор «Записок» ехидничает: «Советские вооружённые силы задыхались в жёстких тисках контроля со стороны партийного руководства, взявшего курс на балансирование на грани ядерной войны». «Тиски?» Такие бы «тиски» да сегодняшней нашей армии - ослабленной передрягами и некомпетентными переформированиями и внутренней «дедовщиной». А вот «на грани ядерной войны» - это западный блеф, заведомая ложь: ни одно правительство СССР не хотело войны, но вынуждено было под «давлением» Запада укреплять свою обороноспособность. В доктринах Минобороны СССР вплоть до 90-х годов

не было планов превентивной войны против Запада, тем более упреждающих ядерных ударов. В этом случае Джибни сознательно американские планы по «ядерному устрашению» и «упреждающему удару» вкладывает в уста советской стороны. Но… «чёрная пропаганда» есть «чёрная пропаганда»!

Да, действительно, военная доктрина обсуждалась в советском Генштабе - это верно подтверждает Джибни, ссылаясь на Томаса Вольфа из Кембриджа (1964). Но в Генштабе говорилось о переориентации военной доктрины страны и её Вооруженных сил в связи с появлением в мире новых видов ракетно-ядерного оружия. Это были 60-е годы, а Соединённые Штаты уже имели детально разработанные планы ядерной атаки против СССР ещё в конце 40-х годов, и они регулярно обновлялись и дополнялись (о чём активная советская агентурная сеть в США и Европе так же регулярно информировала Советы).

В этой ситуации западные «коллеги» Пеньковского получили от него «подтверждение» о разладе мнений в среде советских военных по новой военной доктрине. В их руках оказались фотокопии со статьями из закрытого журнала «Военный вестник» за 1962 год. Статьи подготовил маршал В.Д. Соколовский и другие авторы, но… не без помощи ГРУ-КГБ. Сам Джибни признавался, что год спустя после суда «те же материалы, но уже со значительными исправлениями, были напечатаны в новом выпуске журнала».

Джибни лукавил и ещё в одном случае. Даже воробьи всего мира знали, что и в Берлинском, и Карибском кризисах американские военные ставили перед президентом США вопрос о превентивном ядерном ударе. А маршал Соколовский в своей статье ставил вопрос лишь об обсуждении возможности перерастания локальных конфликтов в военные с использованием одной из сторон (!) ядерного оружия в качестве возмездия.

«Информационный шум» через Пеньковского по поводу упреждающего ядерного удара содержался и в спецвыпуске «Военная мысль» и других закрытых изданиях, подготовленных специально под контролем ГРУ-КГБ.

Джибни и стоящим за ним СИС и ЦРУ следовало бы задуматься над своими словами, сказанными в «Записках»: «Приняв решение работать на иностранную разведку, он (Пеньковский) отнюдь не преследовал цель расшатать существующий в его стране режим». Тогда зачем предательство? Ослаблении армии?! Желание использовать мини-ядерные заряды в Москве?

И последнее - опять Джибни: «Это очень не похоже на то, что писал Пеньковский». Имеется в виду дискуссия на страницах журналов об армии и упреждающих ударах. Еще бы! На Пеньковского работали аналитики ГШ, ГРУ, КГБ. А потом его назовут «шпионом, который спас мир». Только понятие «шпион» обратное - «разведчик».

Вспоминая, сколько проблем было в моей работе по подготовке к

операции «Турнир», мне понятен тот факт, что больше всего советских организаторов «дела» беспокоили вопросы безопасности. У разработчиков «дела» в КГБ-ГРУ «болела голова» о том, как воспринимают действия Пеньковского западные спецслужбы, особенно по процессу добывания информации и передачи её на Запад.

Листая западные подробные анализы «дела Пеньковского», я поражался явному нежеланию «коллег» агента замечать, сколь небезопасна была его работа при добывании устной и тем более документальной информации. Они «стыдливо» соглашались с версиями Пеньковского при получении сведений и не пытались проникнуть в обстоятельства конкретных его действий по получению их.

Конечно, каждый раз легенда его доступа к конкретным материалам тщательно отрабатывалась, но ни разу его «коллеги по разведывательной упряжке» не спросили его: как удаётся получать сведения и тем более фотографировать документы. Обычно, как пишут западные исследователи, всё ограничивалось фразой: «Будьте осторожны», «берегите себя», «вы - профессионал и хорошо знаете, как это нужно делать...»

Но был момент, как мне представляется, в его работе с Западом, когда «коллеги» Пеньковского могли заподозрить: не подстава ли он? Это могло случиться потому, что в наших высших сферах, возможно, сам Хрущёв, посчитали: превентивный ядерный удар американцы могут нанести и не с помощью ракет. В то время в американских военных кругах витала идея генералов-ястребов произвести удар по Советам портативными ядерными зарядами килотонны на две каждый.

И тогда консультанты из КГБ-ГРУ для получения от западных «коллег» Пеньковского сведений, хотя бы косвенных, о таких зарядах, стали настаивать, чтобы он предложил себя в исполнители. Намечено было: под легендой подбросить западным спецслужбам в лице Пеньковского (ценный агент Алекс) «канал» якобы для взрыва зарядов в центре Москвы.

С оперативной точки зрения работа по этому нашему заданию - это затея на грани возможного разоблачения внедрённой подставы. Но информация, в которой нуждалась советская сторона, носила характер стратегического значения. И от Пеньковского потребовали получить однозначные ответы на вопросы: есть у США такие заряды или нет? согласны американцы использовать его «канал» для целей взрывов зарядов или нет?

Появилось письмо Пеньковского в адрес спецслужбы США, которое начиналось словами: «Как стратег, выпускник двух академий...» и заканчивалось: «...взорву в Москве всё, что смогу...» Затем шесть раз Пеньковский под разными предлогами поднимал перед «коллегами» этот вопрос (и каждый раз рискуя быть разоблачённым!), предлагая себя в исполнители. И только анализ всех шести случаев, вплоть до переглядывания между собой западных разведчиков во время беседы «на

тему», позволил обобщить их ответы и прийти советской стороне к выводу: возможно, портативные ядерные заряды у США имеются, но они не стремятся обсуждать реализацию использования их таким путём. Для нас это был всё же важный результат. А риск расшифровки разведчика… Как без него?

Если подвести итог «по обеспечению безопасности» работы своего агента Алекса в информационном плане, то складывается впечатление и напрашивается вывод: «коллеги» панически боялись получить сведения о подозрениях русской контрразведки в отношении их ценного агента. Особенно в момент добывания информации. Их беспокоила вероятность потери нужного источника, но… Желание сохранить свой престиж, работая с Пеньковским, и боязнь его потерять как раз учитывались советской стороной в проведении акции по подставе и использованию канала для дезинформации Запада.

Подозрения у СИС и ЦРУ в отношении Пеньковского были. И это естественно - возможность получить в его лице подставу предрекал ещё перебежчик из КГБ Голицын, и на его мнение опирался шеф американской контрразведки в ЦРУ Энглтон, а ещё английский контрразведчик Питер Райт с его подозрениями… Но англичан и американцев устраивало: что передаёт агент, как себя агент ведёт, мотивы работы агента на спецслужбы. И даже «мёртвый лев» их устраивал - это была бы потеря ценного агента.

О парижском периоде встреч с Пеньковским Джибни говорит: «Информация, которую Пеньковский успел передать на Запад, оказалась настолько важной, что они всерьёз опасались за его безопасность». Именно там «коллеги» предложили ему остаться за рубежом, но это выглядело как дань уважения к его работе на них, но отнюдь не их желание видеть Пеньковского на Западе.

После парижских встреч консультанты из КГБ и ГРУ сделали предположение, что западные опекуны могли бы рассчитывать на провал Пеньковского как «успешное» завершение операции по проникновению в нужный им советский объект - Минобороны с его ГРУ. Провал мог выглядеть их победой в войне с советской госбезопасностью. Вот тогда, видимо, советской стороной было принято решение по началу оформления выездов Пеньковского в несколько стран, включая США (нормальная практика для тех, кто работает в ГК КНИР), хотя реально никаких визитов за рубеж в этой ситуации не могло быть. Цель - перевод всех операций по связи с ним на Москву. Нужно это было для того, чтобы максимально задокументировать факт работы ЦРУ и СИС в СССР.

Поэтому Пеньковский уверял «коллег» в своём послании, что он «солдат на передовой», их «уши и глаза» и имеет большие возможности.

Итак, сделана попытка рассмотреть «дело Пеньковского» по организации его мнимого сотрудничества с западными спецслужбами с точки зрения «творческой кухни КГБ-ГРУ». На примерах его информационной работы, способах добывания материалов, организации с

ним связи за рубежом и в Союзе показано, как имитировалась его подконтрольная активность против СИС и ЦРУ.

Проведён анализ некоторых фактов в отношениях Пеньковского с его «коллегами». В качестве инструмента была использована «логика шахматного игрока» - разведчика, самого побывавшего в роли «московского агента» западной спецслужбы под личиной предателя Родины. Я попытался стать на позицию советской госбезопасности и военной разведки при сравнении схожих ситуаций в «деле Пеньковского» и работе госбезопасности в операции «Турнир» (или операции «Золотая жила» с канадской стороны).

Теперь нужно дать обобщённую оценку работы Пеньковского в качестве подставы для дезорганизации действий спецслужб Запада. Вопросы дезорганизации будут рассмотрены в трёх направлениях.

Слово о разведке госбезопасности и военной разведке Министерства обороны

Можно было бы дать обширную справку об этих двух уникальных государственных ведомствах - действенных «инструментах» внешней политики Советского Союза и Российской Федерации. Конкретные результаты их деятельности в национальных интересах, в конечном счёте, сводятся к общей оценке их значимости для Российской государственности - советской и современной: они элементы системы национальной безопасности , начиная с 20-х годов прошлого столетия.

19 декабря 2008 года исполнилось 90 лет российскому ГРУ - Главному разведывательному управлению Министерства обороны РФ, а 20 декабря 2010 года грядёт 90-летие СВР - Службы внешней разведки РФ.

За эти почти сто лет и ГРУ и ИНО-ПГУ подвергались серьёзным преобразованиям, но военная разведка всегда входила в систему Минобороны и имела прямые выходы на первых лиц государства. А вот разведка госбезопасности в самое трудное время перед нападением Германии на наше Отечество была лишена права самостоятельно высказывать своё компетентное мнение перед руководством и военным командованием страны.

В преддверии и канун начала Великой Отечественной войны трагедия страны слилась с трагедией разведки госбезопасности: располагая достоверной информацией о характере и сроках германской агрессии на нашу страну, она не смогла доказать её оперативно значимую достоверность и актуальность.

Военная разведка и её соратница в госбезопасности сотрудничали на полях скрытых битв всё XX столетие, обеспечивая национальную безопасность государства. В годы войны обе разведки активно работали на «невидимом фронте» в тылу германских войск и за рубежом. Как представляется автору, высокого уровня это «разведывательное братство» достигло в послевоенное время.

Благодаря усилиям этих двух разведок удалось своевременно реализовать в стране собственный проект овладения атомом для мирных и военных целей, что позволило предотвратить Третью мировую войну вскоре после окончания Второй мировой. Они стали активными участниками создания отечественного ядерного щита, позволяющего и по сей день сдерживать очередной передел мира с позиции силы со стороны тех, кому не дают покоя наши природные ресурсы. Был сохранён суверенитет нашего Отечества.

О разведке госбезопасности говорилось и говорится достаточно много. Еще в середине прошлого века талантливый разведчик и крупный реорганизатор разведывательного ведомства генерал И.И. Агаянц дал чёткое и ёмкое определение главной функции разведки госбезопасности: разведывательное сопровождение дипломатии.

О работе ГРУ говорилось всегда более сдержанно, и потому хотелось бы чуть более раскрыть его участие в военно-политических делах страны.

Являясь элементом системы национальной безопасности государства, ГРУ добывает информацию о военно-политической обстановке, складывающейся вокруг России, и прогнозирует её развитие. В сфере его внимания региональные и локальные вооружённые конфликты, армии иностранных государств, их техника и вооружение, оборудование возможных театров военных действий, а также экономика, задействованная в интересах вооружённых сил таких стран.

Всё, что происходит в мире и вблизи границ нашей страны, внимательно оценивается военной разведкой. В поле зрения ГРУ находится обстановка в многочисленных зонах военных конфликтов и политической нестабильности. Новые угрозы сегодня распространяются на информационную сферу и космос.

Выполняя функции выявления и прогнозирования угроз интересам страны, обе разведки отслеживают ситуацию в «горячих точках». В эпоху глобализации «удалённых кризисов» не бывает. Косвенные последствия происходящих на других континентах событий могут самым непосредственным образом затронуть российские интересы.

И разведка госбезопасности, и военная разведка в эпоху, когда применение военной силы в обход норм международного права стало обычным явлением (вспомним Балканскую бойню, войну в Ираке и сотни «малых войн» всю вторую половину XX столетия…), утрачивается доверие к международным институтам, и ряд стран стремится обеспечить свою безопасность и суверенитет путём создания собственного оружия массового поражения.

Не потому ли внимание наших разведок, особенно ГРУ, сегодня акцентировано на угрозах, связанных с появлением дестабилизирующих вооружений, в том числе ядерных боезарядов малой мощности. Интерес распространяется на планы использования стратегических баллистических ракет с неядерными боеголовками и, конечно, проблему вывода ядерного оружия в космос.

«Феномен» - явление положительное

Проверяя Пеньковского на безопасность его работы в СССР, «коллеги» усилили бы свои подозрения о подставе. Но они на такую проверку не пошли сознательно. Западным спецслужбам, и в первую очередь СИС, была важна фигура с имиджем ценного агента, пусть даже провалившегося. Советская сторона раскусила эти настроения в стане противника.

Спецслужбы Запада не захотели изучить действия Пеньковского на признаки подставы: он - информатор (о действиях Запада), он - дезинформатор (против Запада), он - провокатор (с целью компрометации, дискредитации, дезорганизации действий противника). Этого «принципиальный» Джибни не подметил. А ведь только после Парижа КГБ-ГРУ получили целый «букет» сведений о путях передачи материалов на Запад, то есть о каналах связи.

И потому Джибни помогает всем на Западе убедиться, что Пеньковский сверхценен. «В анналах разведок всего мира это могло быть названо величайшей утечкой секретной информации», - говорит он. Но ему помогала и советская сторона: «В течение всего года советская пресса всеми силами пыталась понизить значение ущерба, нанесённого Советскому государству», - отмечал Джибни. (Вопрос: а нужен ли был столь шумный процесс, чтобы затем публично «отмываться» от факта провала советской госбезопасности с «делом»?!) А пока, в 1963 году, после суда, в глазах соотечественников Пеньковский был «рядовым служащим, круг знакомства которого не выходил за рамки ресторанов и их завсегдатаев - пьянчуг и бабников».

Легко представить, как жадно «коллеги» Пеньковского ловили его слова о связях в высших военных кругах, среди которых маршал артиллерии Варенцов и глава ГРУ Серов. Рассказ Пеньковского о том, как маршал на своём дне рождения представил его министру обороны Малиновскому как «человека Серова», «коллеги» должны были особенно оценить. И чтобы они увлеклись мыслью о его высоких связях, Пеньковский заставлял «коллег» покупать для его «знакомых» подарки. Так было в Лондоне и так было в Париже.

Парадокс, но в главу «Важные персоны» Джибни вложил чуть ли не все сведения о десятках людей, собранных СИС и ЦРУ за многие годы, и вдруг оказавшихся «связями» Пеньковского. Это уже был с «чёрной пропагандой» со стороны заказчиков на книгу и на её автора - ЦРУ и СИС - «творческий перебор».

Не следует лукавить и советской стороне при оценке книги Джибни. С антисоветской точки зрения его «Записки» сделаны почти талантливо - обилие фактов. Но пытливого читателя, тем более критика или советолога, не проведёшь. Книга-то вышла, но сразу оказалась на полках книжных магазинов под рубрикой «чёрная пропаганда». Известно, что «ошибочная информация» в отношении противника выглядит как дезинформация в адрес своей страны. Так вот, в «Записках» такой

информации - пруд пруди!

Теперь о периоде, который можно охарактеризовать как работу «под колпаком» советских спецслужб. «Подозрения» Пеньковского об их слежке за ним должны были усилить попытки «коллег» более тщательно организовывать связь с ним в Москве. Вот как он подогрел эффект его тревоги при встрече с Винном в июле 1962 года. Докладывая о встрече с Пеньковским сотрудникам из СИС, Винн сказал: «Он сильно нервничал и пояснил причины: «За мной установлена слежка». Тогда «коллегами» начался прорабатываться его «побег» на Запад, так как в подобной ситуации о выезде за рубеж по линии КГ КНИР не могло быть и речи.

Для советской стороны «подготовка к побегу» - это выявление канала через «зелёную границу» или иным путём. Пеньковский получил новый, искусно изготовленный советский паспорт. И тут начались «игры в поддавки» - было решено задокументировать «тайные встречи» Пеньковского с Винном на киноплёнке.

Я видел этот фильм. Это походило на ребячество, хотя, и это вернее всего, сотрудники наружного наблюдения просто честно выполняли задание по слежке за Пеньковским. В чём ребячество? Всё делалось на виду у сотрудников НН - визуальный контакт, сигналы рукой, мгновенный разговор и исчезновение Пеньковского в подъезде дома (весьма похоже, что такой сценарий навязал Винну сам Пеньковский). Так завершилась его последняя встреча со связником, который о тревоге агента узнал не только с его слов, но и увидел состояние Пеньковского своими глазами. «Тревогу» и собственный испуг Винн увёз в Лондон, к «коллегам» агента.

Последняя встреча с Винном, заснятая на киноплёнку, впоследствии демонстрировалась в суде. Наивно? Да. Но доказательно.

Были трудности у Пеньковского с дезинформацией Запада о советских МБР. Этих ракет в то время в Союзе было мало, но время работало на Страну Советов, как это случилось и в вопросе с отечественной атомной бомбой. Выиграть это время в обоих случаях помогла разведка.

Однако на фоне деяний «неуправляемого» (мнение Запада!) советского лидера того времени и одна ракета с ядерным боезапасом была «головной болью» для США. Переданная на Запад Пеньковским информация о том, что Советы не готовы к ядерной войне и «Хрущёв войны не хочет», сыграла важнейшую роль в Карибском кризисе. В это время Кеннеди испытывал сильнейшее давление со стороны своих военных. Но, располагая подобными сведениями от «ценного агента» ЦРУ, президент США удержался от военной конфронтации с СССР. Советский Союз вывез ракеты с Кубы в обмен на неприкосновенность режима Фиделя Кастро. И ещё выторговал себе ликвидацию ракетных баз в приграничной с Союзом Турции.

Вот какова цена одной фразы Пеньковского: «Хрущёв войны не хочет!» Были у американской стороны в это время и другие источники - официальные. Но Пеньковский числился в реестре агентов ценной

информации, исходящей из высших военных кругов Союза. И судя по её реализации, - считавшейся достоверной. Американцы поверили этой информации, а Советы выиграли партию с Кубой и МБР - с нашими ракетами стали считаться.

Слежку Пеньковский «обнаружил» ещё в начале 1962 года, но поскольку КГБ имел практику вести наблюдение за многими должностными лицами, то он сказал своему начальству в ГРУ об этом факте и довёл до сведения «коллег» на Западе, что в этом нет ничего особенного. Но «обнаружение» Пеньковским НН - этап в операции советских спецслужб против западных. Ибо их подводили к мысли о невозможности выезда Пеньковского на Запад в краткосрочные командировки (и причины для такого отказа всегда найдутся - тот же «пьяница» или «бабник»).

Джибни пишет: «Осторожный человек сразу же залёг бы на дно. Например, уже в июле Пеньковский мог бы предупредить западные спецслужбы, что он на некоторое время прекращает с ними связь. Кроме того, он должен был бы уничтожить улики - все компрометирующие его предметы, хранящиеся в домашнем тайнике». Джибни сваливает «халатность» Пеньковского на его самоуверенность и пренебрежение к опасности. (Как говорится в Греции, пренебрежение опасностью... из чувства собственного достоинства.) Так, по крайней мере, он объяснил действия профессионала со значительным жизненным опытом.

И для Пеньковского (подстава он или не подстава?!), и для других разведчиков, в том числе и для меня - автора этой книги, по роду профессиональной работы больше подходит позиция талантливого руководителя внешней и военной разведки, главы разведуправления ГШ РККА Яна Берзиня, высказанная им в 1934 году: «В нашей работе дерзость, бесстрашие, риск и решительность должны сочетаться с осторожностью. Такова диалектика нашей профессии!»

Джибни говорит, что Пеньковский забыл об осторожности - ну, как дитя руки помыть! Но, вернее всего, дело было с точностью наоборот: это качество, и другие, названные Берзинем, пригодились Пеньковскому в работе с СИС и ЦРУ - всё же он был фронтовиком и выпускником двух академий, в числе которых - разведывательная.

Легенда о том, что сотрудники КГБ обнаружили в недрах архивов сведения о его отце-белогвардейце, в адрес Запада работала, и агент стал в глазах «коллег» невыездным. Со слов СИС и ЦРУ Джибни рассматривает причины интереса к Пеньковскому со стороны КГБ. Значит, западные спецслужбы всё же анализировали возможность их собственного провала?! Но где же они были раньше? Почему не оставили Пеньковского в Париже? И снова я выхожу на тот же ответ: им нужен был провал... для поднятия собственного престижа. Почему? Вот что могли выявить западные спецслужбы, анализируя поведение собственного агента.

Первое. Частые встречи с Винном - их было множество. Винн

проходил в качестве «доверительной связи агента по линии ГРУ». Джибни говорит, что ГРУ якобы готовило вербовку Винна. Тогда почему западные «коллеги» не помогли Пеньковскому приобрести источника в Англии в лице Винна, укрепив таким образом «полезность работы сотрудника ГРУ «под крышей»? Пеньковский это предлагал? Вернее всего, потому, что Винн-подстава - хлопотливое дело, и СИС понимала, что её «информацию» из недр МИ-6 (английская разведка) аналитики ГРУ быстро обнаружат. А может быть, и не нужна была вербовка Винна? Винн был глубоко зашифрованный сотрудник СИС, иначе чем объяснить, что позднее он попал в ситуацию Питера Райта, который «вынес сор из избы». Винн опубликовал собственную книгу о работе с Пеньковским. И всё же в глазах западных спецслужб это был «камень» в пользу агента.

Второе. Стоимость подарков и сувениров превышала ту сумму денег, которые полагались Пеньковскому при выезде за рубеж. Но деньги могли принадлежать его «связям» в Москве. В «высшем свете» (сотрудники ЦК, Минобороны и другие лица из «верхушки») передача денег для заказных закупок выезжающему за рубеж лицу - это обыденное дело. И это ещё один «камень» в его пользу.

Третье. Повышенное внимание к контактам Пеньковского с английскими и американскими диппредставителями. Но это хорошо прикрытая его работа по линии ГК КНИР (а также ГРУ). Еще один «камень».

Четвёртое. Винн мог быть шпионом (так о нём думали в КГБ). Но это уже заботы и конфликт внутри КГБ-ГРУ, ибо последнее ведомство «застолбило» Винна за собой. «Камень» опять налицо.

Пятое. Не могли остаться незамеченными выходы Пеньковского на огромное количество материалов из спецбиблиотек Минобороны и Академии ГРУ. Причем эти материалы явно не имели отношения к его функциональным обязанностям. Об этом в КГБ могли узнать согласно инструкции после первого его визита в спецбиблиотеки. Значит, он мог работать под контролем КГБ с первого дня контактов с Западом, когда готовил и нёс им первую информацию из этих библиотек. Это «камень» огромного веса.

Шестое. КГБ должны были насторожить связи Пеньковского - влиятельные друзья из «верхушки». Цепочка: друзья - Пеньковский - Запад. Это близко к истине. Сомневаться и проверять - это обязанность КГБ. Ведь связи (друзья) - это утечка информации даже внутри страны. Значит, Пеньковский должен был находиться в поле зрения советской военной контрразведки. «Камень» ещё один.

Седьмое. При возникновении неясностей КГБ вёл себя осторожно. Если сомневался, то искал доказательства, которые могли перерасти в подозрения. Подозрения - это право получить разрешение на слежку, обыск в квартире, подслушивание... Причем разрешение на уровне руководства КГБ, не ниже зампредседателя. «Камень» - ого-го! Ведь дома у Пеньковского был, как говорят на Западе, «шпионский набор».

Реально СИС и ЦРУ легко могли просчитать варианты: первый (Винн), второй (подарки), третий (дипкорпус), шестой (друзья-связи). Их вывод мог быть: Пеньковский как сотрудник советской спецслужбы хорошо прикрыт, а значит защищён своими ведомствами - ГРУ и ГШ Минобороны. С точки зрения западных спецслужб, работавших с ним, - это не «камни» в его огород. Четвёртое (Винн-шпион), пятое (спецбиблиотеки) - это реальная угроза агенту. Здесь уже «глыба» с набором веских аргументов перед чинами в КГБ. И наконец седьмое (подозрения КГБ) - тут уже прямые доказательства против Пеньковского как агента Запада.

Верно говорит старина Джибни: «...они должны были обыскать его рабочий стол (в доме). И как только они вскрыли заветный ящик - всё стало ясно! Но когда это произошло, никто не знает...» Как тут не вспомнить? Пеньковский - предатель, Пеньковский - предатель, но сотрудничал после ареста с органами, Пеньковский - не предатель. Последнее означает, что начало его работы против Запада было положено, скорее всего, ещё в 1957 году в Турции.

«Суммировать накопленную информацию, - справедливо пишет Джибни, - нужно было не в КГБ, а в ЦРУ и СИС. Чтобы не оказаться в плену иллюзий в отношении честных намерений Пеньковского». Правда, обижает Джибни советскую контрразведку, когда говорит, что на утрясение и согласование вопросов о подозрениях в отношении Пеньковского, Винна и других связников уходило много времени. Когда было нужно, то на согласование требовались не дни, а часы. Это знает каждый, кто работал в контакте КГБ-ГРУ в Союзе и за рубежом. Хотя на Западе всячески навязывается мнение: эти два ведомства являются конкурирующими и в средствах подсидки друг друга не стесняются. Старая песня про «разделяй и властвуй!»

Теперь о суде. Джибни пишет: «Сам факт проведения этого суда уже сам по себе удивляет - так как других офицеров Советской Армии, уличённых в шпионаже, сразу же расстреливали». Могло быть и так, но через закрытый военный трибунал. Могли поступить так и с Пеньковским, сообщив в прессе о казни некоего П., как это сделали с Поповым, тоже офицером ГРУ.

Но стратегический замысел и этапность операции по дезинформации Запада требовали серьёзных подтверждений. Потому нужен был «суд» и «доказательства» в сверхсерьезном предательстве, - значит, информация от осуждённого за всё время его работы с западными спецслужбами была ценной. На суде, как было понято на Западе (кому это было нужно?), Винн не мог рассказать советской стороне ничего существенного - он был связником и содержание передаваемых материалов не знал. А на суде Пеньковский дал понять, что Винн сознался не во всём.

Долгосрочность советской акции подтверждается ещё и тем, что на личной встрече с Винном в тюрьме Пеньковский несколько раз повторил одну и ту же фразу, предназначенную для Запада: «Меня наверняка расстреляют», но «они обещали сохранить жизнь», правда, при условии, что Винн будет сотрудничать со следствием. Запад должен был

расшифровать сказанное таким образом: «Я не пошёл на сделку, даже ради своей жизни».

Конечно, суд в мае 1963 года был показательным. Роли были распределены, а участники использовались «втёмную». Суд был, конечно, лучше, чем в 30-х годах. Однако военные прокуроры на этом суде были заложниками своего времени и действовали так, как будто им было нужно отчитываться за каждое слово на партсобрании. Это впечатление остаётся и более чем через сорок лет, когда листаешь книгу «Судебный процесс» (М.: 1963).

Документов было предостаточно. Видимо, следуя сценарию, Пеньковский признался в «тщеславии, уязвлённом самолюбии и в жажде лёгкой жизни».

Как же прав Джибни, говоря, что «суд не мог найти логического объяснения одному: как Пеньковский, столь процветавший в этой системе, смог предать её». Как мне представляется, об этом следовало бы задуматься западным «коллегам» их агента. Но им, снова настаиваю, этого и не нужно было. Ведь формально мотивы его поведения с Западом определяли его последующие действия в работе со спецслужбами или… в игре с ними!

И гособвинитель Горный, и защитник Пеньковского Апраксин отмечали положительные стороны его карьеры. Они говорили, что его поступок остаётся неожиданным, как первородный грех, и совсем уж непонятным. Грамотный специалист, генерал-обвинитель Горный, в суть дела проник - история жизни Пеньковского не давала повода стать предателем. Он понимал и открыто удивлялся (по Джибни) «герой войны, блестящий офицер и ответственный работник солидного учреждения, способный служащий морально разложился и встал на путь предательства».

Сам Пеньковский на суде на вопрос «когда вы переродились, дал точный ответ: «В 1960 и 1961 годах, когда вступил в контакт с англичанами в Лондоне». На самом деле перерождение его началось значительно раньше - в 1957 году в Турции, но об этом на суде не было ничего сказано.

Недавно я перечитал «Судебный процесс». И остро почувствовал, точнее, попытался представить, что мог испытывать Пеньковский на скамье подсудимых в эти пять дней - с 7 по 11 мая 1963 года. Я исходил при этом из моей рабочей гипотезы: он - не предатель. А если так, то для него суд был тяжелейшим испытанием. Конечно, он готовился к нему. Но глубину трагедии судебного публичного разбирательства он смог понять на процессе. И вернее всего, в то время у него не могло быть ликования по поводу «достигнутых оперативных успехов по делу». Человек - существо коллективное, и он должен был чувствовать, как взгляды презрения давили на него.

И слава Богу, что чаша сия меня лично миновала…

И если Пеньковский остался живым, то он не смог бы залить

перенесённое на процессе алкоголем. Джибни по поводу отношения Пеньковского к выпивке отмечал, ссылаясь на мнение «коллег» из СИС и ЦРУ - он пил очень умеренно. Его «коллегам» задуматься бы: мог ли Пеньковский пить до потери над собой контроля в ситуации разведчика, действовавшего в тылу врага?!

В заключительной главе Джибни сам себя озадачивает, в то же время обращаясь и к западным спецслужбам: «…невольно возникает вопрос: как могло случиться, что сотрудники КГБ и ГРУ допустили, чтобы человек с таким «тёмным пятном» в биографии достиг в советском обществе столь высокого положения? Почему они раньше не занимались происхождением полковника? Что же произошло в их системе тотальной проверки?»

Всё верно, за исключением главного: досье «дело Пеньковского» и личное дело офицера Пеньковского - это две разные вещи. В его личном деле в ГРУ и в его деле спецпроверки в КГБ ответы на любые вопросы имеются, только в досье «дело» - в виде блестяще разработанных легенд.

Проницательный Джибни и Винн в своих книгах верно ставят вопрос: «Жив ли Пеньковский?» Однако причины оставления его в живых ошибочны (и по Джибни, и по-Винну) - в чьих «интересах было сохранить ему жизнь». Как представляется сегодня, причина оставить его в живых другая (по-нашему): игра закончена, но её результаты продолжают операцию «Дело» все эти десятилетия. И Пеньковский исчез из мира сего. Формально исчез.

На Западе его предательство нарекли «феноменом Пеньковского». Но шло время и всё чаще серьёзные и лишённые конъюнктурного подхода к оценке «феномена» исследователи - политики, советологи, специалисты по спецслужбам - обращали свой взор к такому сложному явлению, как операции по тайному влиянию.

Фактически любая литература о Карибском кризисе увязывает его разрешение с личностью Пеньковского. Когда выстраивается ряд проблем, которые решались в период кризиса, то уже не столь категорично, как это было в 1962 году, присваиваются лавры победы американской стороне.

Фактические материальные затраты в этом кризисе советской стороны - это расходы на переброску войск на Кубу и обратно (операция «Анадырь»), а политический результат… Он особенно ярко высветился с позиции прошедших десятилетий: Куба суверенна и ей не угрожает агрессия со стороны США. Советский Союз в результате операции «Анадырь» переломил ситуацию в ракетно-ядерном противостоянии в свою пользу - Соединённые Штаты с ним стали считаться, как с великой ядерной державой. И сама угроза ядерной войны как средство разрешения конфликтов между странами стала явлением бесперспективным.

Каждая из сторон - американская и советская - стремится присвоить себе заслугу в ограничении ядерного оружия. И каждая из сторон теперь может кивать на Пеньковского как на одного из фигурантов в начале

этого процесса.

Для меня лично - апологета рабочей гипотезы - Пеньковский не был предателем. «Феномен Пеньковского» имеет положительную окраску для советской стороны, и потому его «дело» может занять место среди таких акций тайного влияния советского периода деятельности наших спецслужб, как «Заговор послов», «Трест», «Снег», «Монастырь» - «Березино» и других.

Заключение. Выиграло человечество

Минуло более сорока лет с того момента, когда в мои руки попала толстая книжка карманного формата «Записки Пеньковского». Это случилось в Канаде. Тогда я не воспринял судьбу предателя Родины с особым интересом.

И только личное участие в операции по подставе канадской спецслужбе (за спиной которой стояло ЦРУ) в качестве предателя моего Отечества заставило меня заново возвратиться к мысли: кем был Пеньковский?

После девяносто первого года версия о мнимом предательстве Пеньковского стала появляться в прессе, на телевидении и в толстых книгах. Но это были не приведённые в систему доказательств высказывания «на тему». Однако две книги о «феномене Пеньковского» заронили в мою душу глубокие сомнения. Обе были американскими и «лили воду на мельницу» идеологических диверсий против моей страны.

Одна книга Джеральда Шектера и Петра Дерябина «Шпион, который спас мир» (1993) и вторая, окончательно утвердившая меня в моей версии, «Записки Пеньковского» (1965). Причем «Записки» с первых дней их появления на полках книжных магазинов мира были названы книгой под рубрикой «чёрная пропаганда».

В этих книгах желание авторов убедить, что Пеньковский был сознательно преданным шпионом в пользу Запада, наталкивалось на мои доказуемые предпосылки в пользу обратного.

Возникает вопрос: почему именно мне хотелось, чтобы он не был предателем? Эдакая навязчивая идея. Возможно, потому, что и мне была уготована подобная судьба (изгой в своей стране), если операция «Турнир» моим мнимым «предательством» была бы доведена до конца.

Далее для меня сложилась цепочка удачных совпадений: от простых разговоров «на тему» до выхода на трибуну перед маститыми профессионалами разведки. Публикация собственной версии в моей книге «Операция «Турнир» (1999) в виде отдельной главы о Пеньковском и, как следствие, пространного интервью «по делу» в газете. Наконец, на двухстах страницах была изложена моя версия (фактически в сжатом виде данная книга) в одной из книг моего сериала «Записки чернорабочего разведки» (6-я рукопись «После расстрела». СПб., 2007).

Моей опорой в поисках подтверждения версии были советские, российские и западные специалисты по разведслужбам, среди которых Филипп Найтли - крупный знаток по разным разведкам и Питер Райт - пытливый аналитик из контрразведки Британии.

И всё-таки почему в умах Запада жила стойкая уверенность в том факте, что Пеньковский был честен в работе с их спецслужбами? А слухи о его работе в качестве двойного агента до сего времени не подвергались серьёзному анализу?

Слухи на Западе клеймились однозначно: это блеф Москвы. Естественно, не поверили и советскому представителю в ООН (май 1963), восприняв такое сообщение как советскую пропаганду - ещё более поверив в честность работы с Западом этого агента. А ведь именно этот поворот «в доверии Запада к агенту» в «деле» был нужен нам, нашей стране и госбезопасности: чтобы верили «за бугром» в «честность агента».

Действительно, ну зачем главе представительства СССР в ООН нужно было «доверять» советский секрет чиновнику из третьей страны о том, что Пеньковский не был предателем?!

Часть моих аргументов в пользу версии в моей книге строилась на аналогиях с другими эффективными операциями наших спецслужб против Запада, причём начиная сразу с революционного времени. Шёл я от гипотезы до версии, от фактов к умозаключениям, от обобщений к выводам. Но философ Арпеньи несколько грубовато, но по сути верно как-то сказал: «…в конце концов всегда окажешься прав - весь вопрос в том, чтобы не сдохнуть раньше времени».

* * *

Через восемь лет после судебного процесса в Москве над агентом двух западных спецслужб Олегом Пеньковским я находился в отпуске в Советском Союзе, куда летом 1971 года приехал из Страны кленового листа.

За несколько дней до отъезда в Канаду меня вызвали к руководству внешней разведки госбезопасности и предложили сыграть роль предателя Родины в глазах канадской спецслужбы. Предлагалось навязать канадской стороне версию о моей материальной заинтересованности и создать предпосылки для вербовочного подхода ко мне со стороны канадцев.

После «удачной вербовки русского коммерсанта» я встречался с канадцами в самой Канаде, США, Швейцарии, знакомился с приёмами и способами работы западных спецслужб против советских граждан за рубежом, выявлял интересы канадцев и стоящих за ними американцев к советским секретам.

В 1978 году акция тайного влияния - операция «Турнир» была реализована. Ценой провала канадской спецслужбы в работе с советским разведчиком - их «московским агентом» стала компрометация шести

руководящих офицеров канадской контрразведки, которых в числе других сотрудников отправили на пенсию. Дискредитирована оказалась сама спецслужба в глазах правительства и общественности страны, а отдел службы по работе против советских граждан был серьёзно дезорганизован.

Но это была только часть акции, задуманной в недрах штаб-квартиры советской внешней разведки, тогда ещё размещавшейся на площади Дзержинского в Москве. Об истинных, далеко идущих целях этой операции я узнал лишь после августовских событий 1991 года. Сообщили мне об этом при условии - никогда без специального разрешения не предавать гласности задумку разведки, значительную по масштабам и времени (в ней-то я и должен был быть главным фигурантом!).

Вот тогда-то я понял, что в 1971 году принял предложение выступить не только в роли предателя, но и испить чашу возможного публичного разоблачения и суда над «изменником» Родины, как это случилось якобы с реальным шпионом Пеньковским. Понятно стало и другое: почему операция «Турнир» утверждалась на самом высоком уровне - вплоть до генерального секретаря партии.

В «деле Пеньковского» время официального признания факта, что он был подставой нашей госбезопасности и Минобороны против Запада всё ещё не настало - за этим скрывается стратегическая целесообразность, связанная с внешней политикой СССР - Россия. Истинная роль личности Пеньковского в планах КГБ и Минобороны вскроется, вернее всего, не в ближайшие годы. Думается, что скрывать это «дело» удаётся из-за резко отрицательной позиции Минобороны к преданию гласности операций ГРУ советского периода, причём в принципе. И они правы: «дело» несёт стратегическую окраску за пределами СССР и России. И по сей день не ясно - какую?

Сегодня понятно, что советская сторона в Карибском кризисе решала суперзадачу стратегического масштаба, и все службы - военные, специальные, дипломатические - лишь обеспечивали указания советского руководства, часто не зная всей грандиозности внешнеполитического замысла.

Когда пишутся эти строки, не так давно ушёл в историческое прошлое XX век с его масштабными достижениями человеческой мысли на всех направлениях. Но в веке начала покорения Космоса тревога не покидала жителей Земли - после Первой и Второй мировых войн они ожидали Третью…

Послевоенное устройство мира не всем было по душе - идеологический экстремизм внёс смятение в сердца правителей великих держав, а его собрат - политический глобализм - подвигнул военную верхушку одной из них в лице администрации США на попытку передела результатов Второй мировой войны с помощью силы.

Если нашу планету на крыльях авиации можно облететь менее чем за двое суток, то с развитием ракетной техники расстояние между двумя

столицами великих держав, а это всего лишь полпланеты, стало возможным преодолеть за считаные минуты. Мрачная тень угрозы Третьей мировой войны появилась над обоими полушариями Земли, разделённой на Запад и Восток - в силу идеологических амбиций и на сытый Север и голодный Юг - в силу экономического развития.

Воевать за мировое господство кое-кому на Западе хотелось, но беспокоили подсчёты, которые недвусмысленно показывали: в век ракетно-ядерного противостояния победителей не будет. Ибо среди прочих «отрицательных достижений» прошедшего века с его двумя войнами мир оказался на грани Третьей мировой войны. Если бы не Карибский кризис…

В этом эпохальном событии политическая ответственность глав двух великих держав победила безответственный подход к проблеме войны и мира тех, кто рассматривал мир через прицелы винтовок и ракет, ратуя за военную конфронтацию.

Много интересного завещали нам античные философы. Их логические находки поражают нас точностью восприятия мира и человеческих отношений по сей день. Да, дорогой читатель, речь снова пойдёт о «постулате разумности», по принципу которого существует всё живое на Земле, и прежде всего Человек.

Итак, цель - средство - результат.

Глобальная цель, которую преследуют «сильные мира сего» по обе стороны Атлантики, сводилась к переделу мира в идеологическом и экономическом отношениях в результате «холодной войны». Вынашивались планы и «горячие конфронтации» с применением ядерного оружия. Казалось бы, не было такой силы, которая могла бы остановить движение человечества к бездонной пропасти под названием «ядерная катастрофа».

Однако нашлось средство, остановившее это грядущее ядерное безумие. И не столь важно, по чьей вине разразился Карибский кризис, - обе великие державы испытывали друг друга на политическую прочность. Важно другое: борьба за раздел мира не переросла в военную конфронтацию с «ядерным эпилогом».

Кризис помог лидерам ведущих держав осознать хрупкость и беззащитность нашей Планеты, остановить планы по её разрушению, зарождающиеся в штабах военных.

К разрешению кризиса приложили свой многолетний опыт службы двух держав - политические, дипломатические, военные, разведывательные. Каждая из служб привнесла свою профессиональную полезность в мозаику того, что стало именоваться «успешным разрешением Карибского кризиса». Так коллективные усилия остановили ракетно-ядерное столкновение в «метре от пропасти».

Результат не замедлил сказаться: глобальная доктрина завоевания мира в интересах одной державы с опорой на «ядерный кулак» уступила

место более «мягким формам конфронтации» - локальным войнам (тут уже ничего не поделаешь - коли есть военные планы, то по ним приходится играть!).

С момента разрешения Карибского кризиса человечество уверенно пошло по пути разоружения, сокращения и ограничения всего того, что носит страшное название «оружие массового уничтожения».

Так в чём выиграла Страна Советов в Карибском кризисе? В идеологическом плане - Остров Свободы был защищён от вторжения и ликвидации правления Фиделя Кастро в будущем. И если политическая карта мира пополнилась в пользу социализма новой страной - Кубой в 1959 году, которая была сохранена в Западном полушарии в 1962 году, то затем были Чили, Никарагуа…

Но главное - это военная сторона проблемы, вернее, военно-политическая: с момента Карибского кризиса Соединённые Штаты стали вынуждены считаться с Советским Союзом как с великой ядерной державой.

Возможно, именно в такой форме будет описана через многие десятилетия в одной из энциклопедий ситуация округ Карибского кризиса. И, скорее всего, там ни слова не будет упомянуто о «краеугольных камнях» мастерства разведок в трёх ипостасях: разведчики, агенты, операции, как участников этого кризиса и особенно в его благополучном разрешении. Но пытливый исследователь тех будущих десятилетий и столетий однажды всё же найдёт факты о действиях разведок и разберётся в их эффективности на пользу мира, а значит, и скажет слово о роли России, всё XX столетие ратовавшей за него.

При всём скептическом отношении в разумном мире будущего к пагубным и менее пагубным страстям наших сегодняшних правителей, военных и разведчиков он, Исследователь, всё же вынужден будет отдать должное их искренности при попытках сохранить нашу планету от разрушения. Сохранить для вас - этих разумных людей будущих столетий.

Приложение

На страже кубинской хунты

Десятки известных документальных публикаций об одной из самых рискованных советских военных акций - размещение в 1962 году ядерного оружия на Кубе - отнюдь не снизили интереса к подробностям одной из самых критических страниц нашей послевоенной истории.

Кубинский ракетный кризис был одновременно и ярким явлением «холодной войны» двух общественно-политических систем, в ходе которой главным оружием были пропаганда и идеологические диверсии. К сожалению, в уже обнародованных свидетельствах тех событий не прослеживается действие именно этого оружия: методы и направления пропагандистского обеспечения советских внешнеполитических акций,

механизм контроля за изменением общественного сознания в пользу шагов и решений советского правительства.

Между тем в бывшем архиве ЦК КПСС (ныне ЦХСД) сохранились и недавно рассекречены некоторые документы, позволяющие ознакомиться с этой незамысловатой механикой.

Ниже публикуются докладные записки, полученные в ЦК КПСС накануне и в разгар кризиса, а также единственное решение секретариата ЦК КПСС по этому вопросу. Как видно из них, важно было склонить в лагере борцов за мир и социализм (вооружённых на всякий случай атомной дубинкой) именно зарубежную общественность. Прибегая при этом к использованию зловещих параллелей («блокада Кубы является, по существу, такой же акцией, которые осуществляли гитлеровцы...»), играя на естественном желании избежать кровавой бойни, используя внутриполитические симпатии американских граждан, бдительно контролируя любые высказывания иностранных туристов, находящихся в СССР.

Вполне вероятно, что перелом в умонастроениях руководителей вовлечённых в конфликт государств, прежде всего президента США, приведший к его мирному разрешению и укреплению идеи мирного сосуществования, произошёл не без влияния общественного мнения, а косвенно - не без участия советского пропагандистского аппарата.

* * *

Записка КГБ при СМ СССР по созданию общественного движения в защиту Кубы

Особая папка.

Совершенно секретно.

ЦК КПСС.

В связи с намерением правительства США путём установления военно-экономической блокады задушить голодом Кубинскую Республику Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР полагал бы осуществить следующие мероприятия, которые способствовали бы созданию широкого общественного движения в защиту Кубы и разоблачили бы на её примере колониалистический и агрессивный характер американского империализма. 1. Опубликовать во французской печати открытое письмо писателя И. Эренбурга, адресованное к французской интеллигенции. В письме указать, что империалистические реакционные правительства всегда стремились подавить демократические режимы, и напомнить о революционных традициях французского народа, в частности, о помощи, оказанной в своё время Францией Республиканской Испании и о героической борьбе участников движения Сопротивления во время Второй мировой войны. В письме должен содержаться призыв к широким демократическим силам Франции выступить на защиту Кубы.

2. Организовать выступления в западной печати, а также по советскому радио на страны Западной Европы и Америки композитора Д. Шостаковича. В выступлениях подчеркнуть, что возможная блокада Кубы, по существу, является такой же акцией, которую осуществляли гитлеровцы в годы Второй мировой войны в отношении Ленинграда и других городов. Д. Шостакович отметит, что возможная блокада Кубы напоминает ему личную трагедию, которую он испытал в осаждённом Ленинграде. Шостакович обратится к деятелям искусства и всем демократическим силам Европы и Америки с призывом не допустить повторения в отношении Кубы подобного варварства, являющегося позором для всего человечества.

3. Организовать обращение патриарха Алексия и Католикоса всех армян Вазгена II ко всем верующим христианам капиталистических стран с призывом поднять свой голос против возможной агрессии американцев и объявления ими экономической блокады Кубы.

4. Организовать передачу по радио и опубликование в западноевропейской и американской прессе открытого письма советских космонавтов к американским астроронавтам с призывом выступить в защиту гражданского населения Кубы, которое правительство США намерено обречь на голод и лишения.

5. Организовать посылку телеграммы команде авианосца «Кирсардж» от имени 4 советских солдат, перенёсших 49-дневное плавание в открытом океане (Зиганшин и другие). В этой телеграмме подчеркнуть необходимость проявления интернациональной солидарности и человечности в трудный и напряжённый период в отношениях между государствами. Высказать мысль о том, что советские солдаты не хотят верить в возможность жестокости тех, кто спас им жизнь.

6. Через неофициальные возможности КГБ организовать выступления некоторых видных общественных деятелей Западной Европы с призывом не допустить экономической блокады и агрессии против кубинского народа. Заявить, что в случае начала американской блокады должен быть организован единый фронт помощи Кубе и проведена неделя бойкота американских товаров с одновременным отказом во всех странах продажи американских каких бы то ни было товаров.

Прошу рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности

В. Семичастный 10 октября 1962 года.

* * *

«Куранты», 1993, 27 августа.

Письмо Пеньковского О.В. в адрес американской спецслужбы. Август 1960 года

Дорогой сэр!

Прошу Вас передать соответствующим органам Соединённых Штатов Америки следующее: к Вам обращается Ваш хороший друг, уже ставший борцом за правду, за идеалы действительно свободного мира и демократии для всего человечества, за те идеалы, которым Ваш президент, правительство и народ, ставшие теперь и моими, отдают так много сил.

Я сознательно стал на этот путь борьбы. Многое послужило тому причиной. Последние три года в моей жизни были решающими как в изменении образа мышления, так и в отношении других вопросов, о чём я сообщу позже.

Я долго и мучительно обдумывал этот шаг и принял зрелое и, как мне кажется, правильное решение, которое заставило меня обратиться к Вам.

Прошу Вас поверить в искренность моих мыслей и желаний быть Вам полезным. Хочу внести свой вклад, пусть и скромный, но, с моей точки зрения, довольно весомый, в наше общее дело, как солдат, исполняя всё, что впредь будет на меня возложено.

Можете не сомневаться, что я отдам силы, знания и жизнь, выполняя свой новый долг.

На основе вышеизложенного хочу сказать, что начинаю новое дело не с пустыми руками. Я прекрасно понимаю и отдаю отчёт в том, что правильные слова и мысли необходимо дополнить конкретными доказательствами, подтверждающими эти слова. У меня была и есть теперь определённая возможность это сделать.

Сейчас в моём распоряжении находятся очень важные документы по многим вопросам, представляющим исключительный интерес для Вашего правительства.

Я хочу немедленно передать Вам эти материалы для изучения, исследования и последующего использования. Это необходимо сделать как можно быстрее. Вы должны решить сами, каким образом Вы получите эти документы. Желательно, чтобы передача была осуществлена не при личном контакте, а через тайник.

Еще раз прошу как можно быстрее «освободить» меня от материалов, которые я приготовил, - на это есть веские причины.

Жду ответа. Пожалуйста, проинформируйте меня (желательно по-русски), используя мой тайник № 1 (см. описание и порядок использования), относительно того, каким образом, в каком виде, в какое время и где будет передан указанный материал.

Если для передачи материала Вы укажете свой тайник, имейте, пожалуйста, в виду, что в нём должна поместиться книга С. Хентова «Ван Клиберн», опубликованная в 1959 году.

После того, как Вы получите от меня документы, было бы желательно устроить личную встречу с Вашим представителем во второй половине августа этого года. Мы многое должны обсудить в деталях. Для встречи

нужно четыре-шесть часов. Мне удобно будет встретиться вечером или в выходной. Решите, как и где это будет происходить.

Начиная с 15 августа 1960 года буду ждать Ваших указаний по поводу вышеуказанных вопросов в тайнике № 1.

Прошу, чтобы при сотрудничестве со мной Вы работали «по всем правилам искусства» и безопасности, не допуская никаких просчётов. Защитите меня.

Пусть справедливость идеалов и целей, которым я с этого дня себя полностью отдаю, поможет нам в будущем сотрудничестве.

Всегда Ваш.

19 июля 1960 года

П.С. Большой привет моим лучшим друзьям - полковнику Чарлизу Маклину Пику и его супруге. Мысленно шлю привет моим друзьям Коттеру, Кёхлеру, Дитте, Беккету, Даниэлю, Глассбурку и другим. С огромным удовольствием вспоминаю то, как провёл с ними время.

Наметил встретиться с Вашим представителем и передать ему это письмо до 9 августа 1960 года, но не получилось. Теперь это надо отложить до 15 августа.

* * *

Факты, воспринимаемые западными спецслужбами в пользу честного сотрудничества О.В. Пеньковского («агент Запада»), говорящие в пользу имитации О.В. Пеньковским «честного» сотрудничества с западными спецслужбами («подстава Востока»)

Этап установления контакта Агент.1. «Турецкий период» в оперативной жизни Пеньковского (в дальнейшем П. - Авт .) подтвердил его стремление к установлению контакта с Западом.

Подстава.1. Этот период (1957) хорошо вписывается в легенду по привлечению П. к себе внимания со стороны Запада.

Агент.2. Подходы П. к иностранным гражданам с просьбой передать пакет в посольство США воспринимались в ЦРУ как его попытки вступить в контакт, но настораживали.

Подстава.2. Типичный приём: инициативщик стремится войти в доверие, привлекая к себе внимание ценными материалами, которыми он якобы располагает - выход на Минобороны и ГРУ.

Агент.3. Удачное установление контакта с советским разведчиком, решившим работать на Запад (переход в стан противника).

Подстава.3. Инициативщик - это потенциальная подстава (способ внедрения в агентурную сеть противника).

Агент.4. Подозревая, что первая беседа с П. в посольстве США проводилась в помещении с подслушивающей техникой, американская сторона всё же решилась начать работу с ним.

Подстава.4. П. быстро доказал, что он ценный источник информации, и Запад сквозь пальцы смотрел на пренебрежение им безопасностью.

Мотивы сотрудничества Агент.5. Отец П. - белогвардеец, поэтому нелюбовь П. к Советам как выходца из ликвидированного привилегированного сословия.

Подстава.5. Легенда идейной основы истоков антисоветизма.

Агент.6. Подписка П. о сотрудничестве на антисоветской основе и верноподданнические письма в адрес верховной власти и глав спецслужб Запада.

Подстава.6. Форма (письменная) легендированного озвучивания мотивов сотрудничества с Западом.

Агент.7. Запад проверил в действия П. в Турции: попытки контактов с турецкими спецслужбами против своих коллег по ЦРУ и КГБ.

Подстава.7. Была подготовлена проверяемая легенда для условий подхода к П. в Турции, либо в СССР или в другой стране со стороны спецслужб Запада.

Агент.8. На суде выступления П. воспринимались Западом как попытка дать понять, что он не всё рассказал следствию о работе со спецслужбами.

Подстава.8. Легенда того, что П. не сотрудничал с органами и не помогал им документировать свои контакты с Западом.

Агент.9. Непродвижение П. по должности и званию, хотя в прошлом он боевой офицер.

Подстава.9. Легенда о моральном неудовлетворении от пребывания в рядах армии и разведки.

Агент.10. Фотографирование П. в форме полковников армий США и Великобритании - чувство тщеславия с надеждой на будущее устройство своей жизни на Западе.

Подстава.10. Легенда демонстрации преданности Западу и стремления жить и работать там.

Агент.11. Обсуждение П. материального интереса: открытие счетов в банках Запада и гарантии иметь работу там по профилю профессии.

Подстава.11. Легенда материальной заинтересованности при сотрудничестве с Западом и обеспечение будущей жизни там.

Агент.12. Беспокойство П. о гарантиях стать в будущем гражданином США или подданным Великобритании.

Подстава.12. Легенда по благоустройству в будущей жизни на Западе.

Разведывательные возможности Агент.13. П. как сотрудник Минобороны, ГРУ и ГК КНИР имеет доступ к объектам интереса западных спецслужб.

Подстава.13. Легенда выхода на эти объекты - способ заинтересовать Запад и подтолкнуть спецслужбы пойти на риск в контактах с П.

Агент.14. Широкие разведвозможности П. придавали ему вес в глазах западных спецслужб.

Подстава.14. Легенда согласно правилу: нужно сомневаться в разведвозможностях источника информации и проверять его реальный доступ к массивам сведений.

Агент.15. Устное заявление П. о своих связях в высших кругах военных, в том числе знакомство с главой ГРУ Серовым и маршалом Воронцовым.

Подстава.15. Легенда знакомства подтверждена, когда П. опекал Серова в Лондоне, демонстрируя тем самым свой выход в верхние эшелоны власти.

Агент.16. Обилие от П. устной информации на встречах с западными разведчиками в Лондоне и Париже.

Подстава.16. «Информационный шум» с целью создать видимость откровенности П. в контактах с Западом. Сковывание действий противника путём передачи массы сведений, которые обрабатывали десятки специалистов в США и Англии. В основе «шума» лежали некоторые сведения, известные Западу от предателя из ГРУ Попова и других. Ввод таких сведений в «шум» «помогал» Западу перепроверять П. и увериться в его искренности при работе с ними.

Агент.17. От П. получены ценные сведения о структуре ГРУ и ГК КНИР.

Подстава.17. Данные были в основном известны от других перебежчиков из этих организаций.

Агент.18. П. передавал сведения о МБР и их позициях на территории СССР, а также их характеристики.

Подстава.18. По легенде его сведения о МБР отмечали наше отставание в этой области по сравнению с американцами и подтверждали значительное количественное превышение в пользу США по ядерным боеголовкам. Информация П. была частью акции «Великая ракетная деза», проводимая ГРУ против Запада. В результате вывод Запада (США): и одна советская ядерная ракета - это большая беда для Америки.

Агент.19. П. с опозданием передал сведения о решении возвести Берлинскую стену.

Подстава.19. Хотя с опозданием, но он подтвердил: доступ к информации был, но не было связи со спецслужбами. Но передать сведения он не мог потому, что акция готовилась в строжайшей секретности.

Агент.20. «Готов взорвать в Москве всё, что смогу...» - это предложение П. предусматривало использование мини-ядерных зарядов для уничтожения до 150 тысяч военных, сотрудников партаппарата и госбезопасности.

Подстава.20. Шестикратный выход на этот вопрос П. в беседах с представителями спецслужб - это активные действия П. по добыванию стратегической информации о наличии у противника портативных ядерных зарядов, а госбезопасность выявляла каналы реализации акции по взрыву.

Агент.21. Информация П. с объектов и от связей - секретная, актуальная, документальная - и, значит, с точки зрения Запада - достоверная.

Подстава.21. Однако П. передавал информацию: секретную (по грифу), актуальную (по содержанию), документальную (по форме). Это лишь была «обёртка» при отсутствии сведений, действительно наносящих ущерб советской стороне.

Агент.22. Доступ П. к закрытым материалам из спецбиблиотек в Минобороны, ГРУ и ГК КНИР.

Подстава.22. Один этот факт (массовость и разнообразие) - сигнал для сотрудников режима на этих объектах строгой сохранности секретов и сообщение интереса П. в КГБ.

Агент.23. Решительные действия П. при добывании информации и согласие П. на риск в проведении операций по связи в Союзе.

Подстава.23. Пренебрежение» безопасностью в работе может быть только в том случае, если опасности как таковой в реальности для П. не было.

Агент.24. Похищение П. подлинного документа с грифом (ГРУ об Америке).

Подстава.24. Абсолютно нереальная ситуация в условиях жёсткого режима работы спецбиблиотек в госведомствах. Появление такого документа нужно было советской стороне для привлечения внимания американцев к П.

Агент.25. Выезды П. за рубеж и работа там со спецслужбами Запада. Обещание выездов в будущем.

Подстава.25. Два этапа втягивания спецслужб Запада для работы с П.: за рубежом - завязывание контакта (вербовка) и перевод контактов на территорию СССР (документирование).

Агент.26. Винн - связник П., но его оперативная связь.

Подстава.26. Факт эффективности работы П. как разведчика ГРУ «под крышей» до сих пор никак не раскрыт (задания, связи, отдача). Иначе зачем его там держали? Винн - это оперативная связь П., которую он разрабатывал, но Запад не пошёл на его использование в качестве

подставы Советам из-за трудностей легендирования информации из Англии и потому что он был сотрудником СИС.

Агент.27. На П. вывели в качестве связников Чизхолм и других сотрудников посольства США и Великобритании.

Подстава.27. Агент КГБ Блейк знал супругов Чизхолм как разведчиков. Кроме того, они засветились в Праге. Советская сторона знала, что Запад может подозревать П. в связи с госбезопасностью, но при этом учитывала тот факт, что СИС и ЦРУ нуждались в успехе на «фронте тайной войны» с Россией. Возможно, западные спецслужбы с самого начала решили отдать П. на заклание.

Агент.28. Конспиративность действий П. и Винна в гостинице - беседа в ванной комнате при включённой воде.

Подстава.28. Такая демонстрация осторожности имеет обратный эффект. В этом случае становится ясным, что беседующим есть что скрывать от советской стороны. А это уже основание для более внимательного изучения характера связи П. с Винном.

Агент.29. П. сохранил у себя дома в тайнике полученные от спецслужб вещи, т. н. «шпионский набор»: шифры, коды, тайнопись, спецтехника, описание условий связи…

Подстава.29. Собрал и сохранил в интересах госбезопасности вещественные доказательства шпионской работы западных спецслужб с позиции посольского прикрытия для их дискредитации.

Агент.30. П. не уничтожил «шпионский набор», когда госбезопасность оказалась у него «на хвосте».

Подстава.30. Пренебрежение к безопасности - величайшая ошибка. Главнейшее правило при появлении малейшей угрозы гласит: избавиться от улик. П., будучи профессионалом, этого не сделал потому, что работал с советской госбезопасностью против «своих коллег».

Агент.31. П. был весьма аккуратен с алкоголем во время встреч с западными разведчиками (предпочитал вина).

Подстава.31. Алкоголь притупляет бдительность, поэтому П. не мог пить много, чтобы не провалить операцию. А на суде особо подчёркивалось его пристрастие к выпивке.

Общий вывод Агент.32. П. имел выходы на ведомства СССР, представляющие большой интерес для западных спецслужб. Мотивы его сотрудничества с Западом ясны: антисоветизм и т.д. Разведывательные информационные возможности значительные. Безопасность работы с ним обеспечить было можно.

Подстава.32. Анализ оперативного контакта П. с Западом по главным составляющим работы - информация, возможности, мотивы, безопасность показывает слабость аргументов в пользу его «честной» работы с западными спецслужбами.

Агент.33. П. выдал около 300 кадровых сотрудников ГРУ и КГБ.

Подстава.33. Выдал известных Западу 70 разведчиков - засвеченных и слабоэффективных. Последствий в связи с этим ни в ГРУ, ни в КГБ фактически не было. Были слухи о наказании главы ГРУ и маршала. Но это были только слухи…

Из протокола следственного эксперимента

Прокурор: Подсудимый Пеньковский, что обещали вам иностранные разведки в качестве вознаграждения за вашу шпионскую деятельность?

Пеньковский: Мне предлагались деньги в рублях. Я говорил, что мне сейчас деньги не нужны, у меня есть достаточно своих накоплений в семье и я никакой нужды в деньгах, а также в валюте не испытываю. Деньги мне предлагались несколько раз, но я не брал ни копейки. И для меня явилось неожиданностью, когда мне прислали 3000 рублей в коробке от набора спичек. Из них я купил на сумму 500-600 рублей различные подарки - серебряные чернильницы и т.д. - каждому из разведчиков, часть из этой суммы я потратил на пребывание Гревилла Винна, а 2 тысячи рублей завернул и возвратил Гревиллу Винну для передачи разведчикам.

Прокурор: Какие ещё блага вам обещали иностранные разведчики, кроме 2 тысяч долларов в месяц?

Пеньковский: Из материальных ценностей больше никакие вопросы не обсуждались. Говорилось о характере и профиле моей работы на Западе.

Прокурор: Какой характер работы вам предлагали, вернее, обещали предложить?

Пеньковский: Работу, связанную с выполнением различных заданий разведывательного порядка. Конкретная должность и работа не назывались.

Прокурор: Ведомство называлось?

Пеньковский: Да, говорилось. Центральное ведомство, или в Пентагоне или в имперском генеральном штабе, в зависимости от выбора, который я в будущем мог бы сделать, подданство Англии или гражданство США, если бы к этому подошёл.

Прокурор: Велись ли вами переговоры с иностранными разведчиками по поводу возможного вашего бегства на Запад?

Пеньковский: Это было немножко не так. Американские и английские разведчики в Париже говорили, что в случае, если моё положение будет очень опасное или тяжёлое, то существует много вариантов для того, чтобы перейти на Запад. В качестве вариантов назывались и подводная лодка, и самолёт, и переход сухопутной границы с помощью различных документов… Конкретно варианты перехода на Запад не обсуждались.

Прокурор: Вы сознаёте всю тяжесть совершённого вами

преступления?

Пеньковский: Я сознаю полностью тяжесть совершённого мною преступления, как самого гнусного и тяжкого преступления из преступлений.

Прокурор: Чем вы объясните, что встали на путь преступления? Какие ваши личные качества способствовали этому?

Пеньковский: Самые низменные качества морального распада, вызванные почти постоянным, ежедневным употреблением спиртных напитков, недовольство своим служебным положением в Комитете: не нравилась работа в иностранном отделе, плюс родимые пятна, которые были и ранее, но, может быть, не проявлялись полностью, а в какой-то степени подтачивали, и в трудные минуты получилось наваждение от алкоголя. Я потерял дорогу, очутился у края пропасти и свалился. Себялюбие, тщеславие, недовольство работой, любовь к лёгкой жизни привели меня на преступный путь. Это было действительно так, и оснований никаких нет для того, чтобы оправдать в какой-то степени моё преступление. Моральные низкие качества, полное разложение - я всё это признаю. Несмотря на то, что я не принадлежу к числу людей слабого характера, я не смог взять себя в руки и обратиться к своим товарищам за помощью. Я всех товарищей обманул, говорил, что у меня всё хорошо, всё отлично. А на самом деле всё было преступно: в душе, в голове и в действиях.

Председательствующий: Адвокат Апраксин, у вас есть вопросы к подсудимому Пеньковскому?

Адвокат Апраксин: Скажите, Пеньковский, вы участвовали в военных операциях в 1939, 1940 годах и в Отечественной войне?

Пеньковский: Да, я участвовал трижды в военных операциях: в 1939 году участвовал в освобождении некоторых районов Белоруссии в течение нескольких месяцев, в боях с белофиннами на Карельском перешейке с января по март 1940 года и участвовал в Великой Отечественной войне.

Адвокат Апраксин: В качестве кого вы участвовали в Великой Отечественной войне?

Пеньковский: Во время Великой Отечественной войны я был заместителем командира артиллерийского полка, а затем командовал истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

Адвокат Апраксин: Какими правительственным наградами вы награждены за участие в Великой Отечественной войне?

Пеньковский: Я имею четыре боевых ордена, один орден за выслугу лет, восемь медалей.

Адвокат Апраксин: За что получили боевые награды?

Пеньковский: За участие в боевых действиях.

Адвокат Апраксин: Какие ордена?

Пеньковский: Орден Отечественной войны 1 степени я получил за бои под Борщевкой, около Киева. Орден Красного Знамени я получил за бой под окружённым Тернополем, где второй истребительно-противотанковый полк, которым командовал я, участвовал в боях. Было подбито 6 танков и 9 бронемашин, один танк был подбит лично мной.

Адвокат Апраксин: Сколько вам лет было, когда вы стали командиром полка?

Пеньковский: 25 лет.

Адвокат Апраксин: А полковником?

Пеньковский: Звание полковника получил, когда мне было 30 лет.

Адвокат Апраксин: Отвечая на вопросы прокурора, вы говорили о родимых пятнах, когда эти пятна у вас появились? Что, они сопутствовали вам всю жизнь или только в последний период?

Пеньковский: Я считаю, что они появились у меня в 1960 году.

Адвокат Апраксин: Пьянство, разгул, встречи с женщинами - это что, свойства вашего характера?

Пеньковский: В определённой степени - да.

Адвокат Апраксин: В последнее время они всегда сопутствовали вам?

Пеньковский: Особенно в последнее время.

Адвокат Апраксин: Теперь скажите, пожалуйста, может быть, проявлялось у вас какое-нибудь недовольство строем, существующим в нашей стране, недовольство политикой нашей партии?

Пеньковский: Нет. В таком тяжёлом положении, в котором я нахожусь, я прошу поверить мне, как русскому, что никогда у меня не было никаких разногласий с политикой партии и правительства, никогда не брюзжал, а в своё время был активным борцом за эту политику, боролся как советский человек. 60 свидетелей показали, и собутыльники в том числе, что никогда не слышали, чтобы я высказывал недовольство.

Адвокат Апраксин: А когда собутыльники появились у вас?

Пеньковский: Когда я решил заниматься преступной деятельностью, то я начал пить...

* * *

Судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О.В. и шпиона-связника подданного Великобритании Винна Г.М. 7-11 мая 1963 года. М.: Политическая литература, 1963.

Из выступления защитника Пеньковского О.В. Апраксина А.К.

...Правильное определение мотивов преступления и мне даёт возможность с учётом чистосердечного раскаяния и признания Пеньковского своей вины ставить перед вами вопрос о снисхождении при определении ему меры наказания...

А что же привело Пеньковского в лагерь агентов англо-американской разведки?

Различие взглядов на пути развития нашего общества? Наличие каких-то политических постулатов? Несогласие с проводимой нашей партией и государством политикой построения коммунистического общества? Или ненависть к народу, сыном которого он является?

... Пеньковский на поставленный ему по этому поводу вопрос на предварительном следствии, так же как и в судебном заседании, ответил: «Никаких политических противоречий с Советской властью у меня не было».

Родился он в 1919 году. Воспитывался матерью в трудовой семье, учился в школе, которую закончил в 1937 году. Получив среднее образование, он, так же как и его сверстники, продолжал дальнейшее образование, но уже в военном училище, которое успешно окончил.

После окончания училища началась жизнь строевого офицера. Он принимал участие в освобождении Западной Украины, потом в частях действующей армии принимал участие в финской кампании 1940 года, а когда началась Великая Отечественная война, он так же, как многие другие, находился на фронте.

За короткий срок он прошёл большой путь - от курсанта-артиллериста до полковника - командира истребительно-противотанкового полка.

За участие в боях он отмечен многими наградами.

Закончилась война. Пеньковский садится за парту и снова учится. Благодаря способностям, трудолюбию и упорству - а это у него отнять нельзя - он в послевоенный период окончил два высших учебных заведения, а затем вне армии нашёл своё место в жизни и значительно преуспел на гражданском поприще. Последняя занимаемая им должность в ГК КНИР была высока и достаточно авторитетна…

...Как это установлено следствием и подтверждено здесь, в судебном заседании, он сам искал встречи с разведчиками, предложил сотрудничество с английской разведкой и через Винна установил связь, и сам, без какого-либо вознаграждения, передал первые сведения, составляющие государственную и военную тайну.

Почему же так произошло? Чем он руководствовался?

И прежде, чем ответить на этот вопрос, я должен обратить ваше внимание на показания, данные Пеньковским на предварительном

следствии, где он говорил о своих жизненных успехах:

«Был на Карельском перешейке, дошёл до Выборга, участвовал в Великой Отечественной войне. Я в какой-то степени удовлетворил своё большое желание быть на передовых участках. В 25 лет мне был доверен полк. В 30 лет мне присвоили звание «полковник». Мне Родина дала два высших образования... Меня опьянили дары Родины, а я хотел всё больше и больше».

...Привычка достигать успеха любыми путями стала неотъемлемой чертой его характера. У Пеньковского в последнее время родилась уверенность в своей непогрешимости, и это увело его в сторону от общественных интересов.

Из боевого, смелого командира истребительно-противотанкового полка в период Великой Отечественной войны, который не раз смотрел смерти в глаза и дрался с врагами своего народа, в результате мелкой, непринципиальной обиды на действия своих непосредственных руководителей, которые, по его мнению, препятствовали дальнейшему развитию его служебной карьеры, - а карьера для него была всем, - он, забыв об интересах Родины, которые руководили его поступками в годы Великой Отечественной войны, стал предателем.

Вы слушали объяснения Пеньковского и, думаю, согласитесь со мной, что среди мотивов, руководивших его поступками, не было мотивов, родившихся из нелюбви к Родине, к советскому народу.

...Был, правда, ещё один человек, который видел, что с Пеньковским происходит что-то неладное, - это его жена, которая, будучи допрошенной на предварительном следствии, показала:

«Вообще за последний год он стал нервным, подозрительным. Пеньковский по своему характеру был тщеславен, самолюбив и склонен к авантюрам. Эти отрицательные черты его характера складывались на протяжении всей его жизни. Этому способствовало восхваление его достоинств среди родственников, товарищей и друзей. Служба у него протекала довольно легко...»

...Достаточно сказать, что, поверив Пеньковскому, органы нашей разведки выявили и обезвредили шпионов с паспортами дипломатов из американского и английского посольств.

...За плечами подсудимого много хорошего, того, что даёт ему право рассчитывать на снисхождение.

Я, прежде всего, позволю себе сослаться на обзор личного дела за период его службы в армии, там написано: «В деле имеются многочисленные служебные боевые характеристики, представления и аттестации, в которых он характеризуется положительно».

А вот ещё один документ, справка-характеристика: «За весь период службы в армии характеризуется в основном положительно. Проявлял активность как в служебной, так и в общественной работе».

Я привёл вам сведения о его службе в армии. А вот как его характеризуют по последней работе в ГК КНИР: «Административным взысканиям не подвергался. По выполнению служебных обязанностей характеризуется положительно…».

Начав самостоятельную трудовую деятельность в 1937 году, он неоднократно поощрялся за хорошую учёбу и службу… За время службы в армии он имел 16 поощрений, а в период Великой Отечественной войны, находясь на фронте, за выполнение боевых приказов командования и воинское умение он последовательно награждался двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 степени, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды.

Находясь на фронте, он дважды был ранен, одно из ранений было тяжёлым…

* * *

Судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О.В. и шпиона-связника подданного Великобритании Винна Г.М. 7-11 мая 1963 года. М.: Политическая литература, 1963.

Приговор именем Союза Советских Социалистических Республик

11 мая 1963 года город Москва

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего - председателя Военной коллегии генерал-лейтенанта Борисоглебского В.В. и народных заседателей - генерал-майора Марасанова С.К., генерал-майора Цыганкова И.С., с секретарём судебного заседания майором Афанасьевым М.В., с участием государственного обвинителя - Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции Горного А.Г. и защитников - членов Московской городской коллегии адвокатов Апраксина К.Н. и Боровика Н.К. - в открытом судебном заседании с 7 по 11 мая 1963 года рассмотрела уголовное дело по обвинению: гражданина СССР Пеньковского Олега Владимировича, родившегося 23 апреля 1919 года в г. Орджоникидзе, жителя г. Москвы, русского, с высшим образованием, семейного, имеющего на иждивении жену и двух дочерей. До ареста работавшего заместителем начальника иностранного отдела Управления внешних сношений Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР, имеющего воинское звание «полковник запаса», - в совершении преступления, предусмотренного ст. 64 п. «а» УК РСФСР, и подданного Великобритании Винна Гревилла Мейнерда, родившегося 19 марта 1919 года в дер. Сент-Джордж графства Шропшир, Англия, жителя города Лондона, англичанина, с высшим образованием, семейного, имеющего на иждивении жену и сына, коммерсанта, - в совершении преступления, предусмотренного ст. 65 УК РСФСР.

Судебным следствием установлено: подсудимый Пеньковский в апреле 1961 года установил связь с английскими и американскими

разведками и до разоблачения в октябре 1962 года собирал и передавал представителям этих разведок совершенно секретные сведения, составляющие государственную и военную тайну Советского Союза.

В апреле 1961 года Пеньковский посетил в гостинице «Националь» прибывшего в Москву в командировку подсудимого Винна, с которым состоял в доверительных отношениях с конца 1960 года, и заявил ему о своём согласии сотрудничать с английской разведкой. На очередной встрече с Пеньковским Винн, действуя по указанию ответственного дипломата посольства Великобритании в Москве, предложил Пеньковскому написать автобиографию и изложить свои возможности собирать секретную информацию о Советском Союзе. Письмо Пеньковского о согласии сотрудничать с английской разведкой и его автобиографию Винн в Лондоне передал английскому разведчику Аккройду.

20 апреля 1961 года Пеньковский в составе советской делегации вылетел в Лондон и взял с собой собранные им совершенно секретные сведения. Эти сведения Пеньковский передал встретившему его в аэропорту Винну, а Винн - разведчику Аккройду.

В Лондоне Винн организовал встречу Пеньковского с представителями английской и американской разведок «Грилье», «Майклом», «Александром» и «Ослафом», и Пеньковский дал письменное обязательство сотрудничать с английской и американской разведками.

После этого Пеньковский был представлен высокопоставленному чиновнику английской разведывательной службы, который дал ему задание фотографировать секретные советские документы. Для выполнения шпионских заданий разведчики передали Пеньковскому два фотоаппарата «Минокс», фотоплёнки к ним, транзисторный приёмник «Сони», два шифровальных блокнота, записную книжку с тайнописной копировальной бумагой и обучили его пользоваться этими техническими средствами.

Имея доступ по роду своей службы к секретным материалам, Пеньковский, возвратившись в Москву, сфотографировал секретные научно-технические материалы и в экспонированных фотоплёнках вместе с письмом, исполненным тайнописью, 27 мая 1961 года передал Винну, прибывшему из Лондона в Москву якобы по делам своей фирмы.

По заданию английской разведки Винн в тот же день встретился со вторым секретарём посольства Великобритании в Москве Р. Чизхолмом и вручил ему шпионские материалы, полученные от Пеньковского. Р. Чизхолм передал Винну для Пеньковского инструктивное письмо английской разведки и фотоплёнки к фотоаппарату «Минокс».

Находясь с 18 июля по 8 августа 1961 года вторично в служебной командировке в Лондоне, Пеньковский через Винна передал английской разведке шпионские сведения научно-технического характера, пять раз встречался с английскими и американскими разведчиками и выдал им секретные сведения.

Встречи с разведчиками происходили на конспиративных квартирах английской разведки, куда Пеньковского привозил Винн. Пеньковского познакомили с разведчицей Анной Чизхолм, женой второго секретаря посольства Великобритании в Москве Р. Чизхолма, и договорились, что Пеньковский будет поддерживать с ней шпионскую связь в Москве: получать от неё инструкции и фотоплёнки, а ей передавать шпионские донесения. Кроме того, Пеньковский получил указания использовать тайник американской разведки, устроенный в Москве, в подъезде дома № 5/6 на Пушкинской улице.

Возвратившись в Москву, Пеньковский сфотографировал секретные материалы и вместе с письмом передал их английской разведке через Винна, прибывшего в августе 1961 года в Москву. От Винна Пеньковский получил новый фотоаппарат «Минокс», фотоплёнки, инструкцию разведки и коробку из-под конфет, приспособленную для передачи шпионских донесений Анне Чизхолм.

В начале сентября 1961 года Пеньковский в составе советской делегации вылетел в Париж. В аэропорту Ле Бурже его встретил прибывший туда по заданию английской разведки Винн, которому Пеньковский передал собранные им шпионские сведения. Эти сведения Винн доставил прилетевшему в Париж английскому разведчику Кингу, непосредственно руководившему шпионской деятельностью Пеньковского и Винна.

Во время пребывания Пеньковского в Париже Винн на своей автомашине несколько раз отвозил его на конспиративные квартиры для встречи с английскими и американскими разведчиками, водил Пеньковского в рестораны и ночные клубы Парижа и оплачивал все расходы Пеньковского, связанные с таким времяпровождением. Английская разведка возместила Винну его расходы.

В июне 1962 года Винн в Лондоне встретился с Кингом, который познакомил его с Г. Кауэллом, будущим вторым секретарём посольства Великобритании в Москве, для осуществления шпионской связи.

2 июля 1962 года Винн по заданию разведки, маскируясь делами своей фирмы, прибыл в Москву, получил от Пеньковского шпионское донесение и передал его Р. Чизхолму. Р. Чизхолм послал через Винна Пеньковскому дополнительные инструкции, сигнальные открытки с условным текстом и 3 тысячи рублей - вознаграждение за шпионаж.

Между Пеньковским и представителями английской и американской разведок была договорённость о возможном переходе Пеньковского на нелегальное положение. Для этой цели разведка снабдила Пеньковского фиктивным советским паспортом. В дальнейшем планировалось бегство Пеньковского из Советского Союза. В связи с этим Пеньковскому были обещаны: высокое денежное вознаграждение за период шпионской деятельности, начиная с апреля 1961 года, должность в американском или английском военном ведомстве с окладом 2 тысячи долларов в месяц и чин полковника.

Во время пребывания Пеньковского в Лондоне английские разведчики сфотографировали его в мундирах полковника английской и американской армий.

За время работы на английскую и американскую разведки Пеньковский получил от разведчиков 3 фотоаппарата «Минокс» и фотоплёнки к ним. Экспонированные фотоплёнки с секретными материалами Пеньковский передавал разведчикам: Винну, Анне Чизхолм и сотруднику посольства США в Москве Карлсону.

Изменив Родине, Пеньковский с большим усердием и преданностью служил английской и американской разведкам. Одно из последних донесений своим хозяевам, от 5 сентября 1962 года, изъятое во время обыска у Пеньковского, он начинал словами: «Мои дорогие друзья...» и заканчивал: «Крепко жму ваши руки... Я всегда чувствую вас рядом с собой. Ваш друг».

В судебном заседании Пеньковский признал себя виновным в измене Родине и показал, что преступление он совершил в результате морального разложения, тщеславия, карьеристских побуждений.

В суде установлено, что Пеньковский вёл аморальный образ жизни, пьянствовал, не имел никаких духовных интересов и запросов. Безыдейность, моральное растление, нравственная опустошённость привели Пеньковского к измене Родине.

Подсудимый Винн выполнял роль главного связующего звена между английской и американской разведками и Пеньковским и прикрывал свою преступную деятельность разведчика и шпиона деловыми встречами английского бизнесмена. Винн связал английских разведчиков в Лондоне с Пеньковским и на протяжении полутора лет, по планам разведки, осуществлял контакты Пеньковского с английскими и американскими разведчиками в Москве, Лондоне и Париже: передавал Пеньковскому инструкции, задания, технические средства, принимал от Пеньковского шпионские донесения и материалы и переправлял их разведчикам, имел в своём распоряжении полученные от британского разведчика Кинга номера телефонов американских разведчиков в Нью-Йорке и Сиэтле для передачи Пеньковскому в случае его служебной командировки в США, готовил Пеньковского к побегу из Советского Союза.

В судебном заседании Винн признал себя виновным в шпионаже и показал, что первоначально не понимал подлинного значения и характера своих действий по поддержанию связи между английской разведкой и Пеньковским, а когда понял, что занимается шпионажем, то отказаться от выполнения заданий не смог вследствие того, что «попал в тиски английской разведки».

Совершённые Пеньковским и Винном преступления подтверждаются также заключениями экспертов и вещественными доказательствами. В квартире Пеньковского, в специально оборудованном тайнике, изъяты: фиктивный советский паспорт на имя другого лица, но с фотографией Пеньковского, 3 фотоаппарата «Минокс», 4 экспонированные фотоплёнки

с секретными сведениями, 15 запасных фотоплёнок, приёмники «Сони» и «Зенит», записка с частотами радиоволн, 6 шифровальных блокнотов, 2 листа копировальной бумаги для тайнописи, 6 сигнальных открыток с условным текстом и инструкция к ним, донесение Пеньковского разведкам, которое, согласно заключению экспертов-криминалистов, было отпечатано на пишущей машинке «Континенталь» № 213956, изъятой в квартире Пеньковского.

Часть перечисленных вещественных доказательств - технические средства шпионажа - передал Пеньковскому Винн по заданию английской и американской разведок.

Согласно данному в судебном заседании заключению экспертов многие сведения, переданные Пеньковским английской и американской разведкам и подготовленные им для передачи, являются секретными и совершенно секретными, а часть из них составляет государственную и военную тайну Советского Союза.

В соответствии с изложенным, руководствуясь ст. 301-303 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР

П Р И Г О В О Р И Л А:

Пеньковского Олега Владимировича признать виновным в измене Родине и на основании ст. 64 п. «а» УК РСФСР подвергнуть смертной казни - расстрелу с конфискацией лично принадлежавшего ему имущества.

На основании ст. 36 УК РСФСР лишить осуждённого Пеньковского воинского звания «полковник запаса» и внести в Президиум Верховного Совета СССР представление о лишении его орденов и медалей.

Винна Гревилла Мейнерда признать виновным в шпионаже и на основании ст. 65 УК РСФСР лишить свободы на 8 лет, с отбыванием первых 3 лет в тюрьме, а последующих - в ИТК строгого режима.

Имущество и ценности, изъятые у Винна при задержании, конфисковать.

Срок наказания осуждённому Винну с зачётом предварительного заключения исчислять со 2 ноября 1962 года.

Вещественные доказательства, служившие орудиями преступления: 3 фотоаппарата «Минокс», радиоприёмники «Сони» и «Зенит», пишущую машинку «Континенталь» № 213956, - конфисковать.

Приговор кассационному обжалованию и опротестованию не подлежит.

Председательствующий В. Борисоглебский

Народные заседатели С. Марасанов, И. Цыганков

Судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О.В. и шпиона-связника подданного Великобритании Винна Г. М. 7-11 мая 1963 года. М.: Политическая литература. 1963.

* * *

Не верьте всему, что пишут газеты. Пеньковский жив и здоров, он был двойным агентом, работая против американцев. Николай Федоренко, советский представитель в ООН,29 мая 1963 года.

Эта служба обладает традициями, корни которых уходят в далёкое прошлое… Аллен Даллес, бывший шеф ЦРУ, 1965 год.

- Готовы ли вы, в случае оперативной необходимости, выступить в роли предателя?

- Если вы считаете, что я справлюсь, я готов.

- А вынесут ли родители, родные? Ведь могут быть публичные разоблачения, суд, телевизор…

Из беседы руководства госбезопасности с разведчиком Тургаем, главным фигурантом операции «Турнир» (1967-1971-1978).

Послесловие

Жизнь после смерти

Не очевидная, но, возможно, вероятная, жизнь Олега Пеньковского после его официального расстрела (авторская реконструкция).

…В интервью газете «Век» в 2000 году автор ответил, что «дело Пеньковского» будет раскрыто лет через пятьдесят. Подсознательно я лукавил, завышая сроки…

Дальше начинается полумистическая история. Конечно, я не решился тревожить вдову или дочерей Пеньковского. Но очень хотелось почувствовать хотя бы следы их информированности о днях, последовавших в жизни их мужа и отца «после расстрела». Даже получить намёк, что в мае после суда он был оставлен в живых.

После появления в еженедельнике «Век» моей версии на «дело» и затем краткого выступления по телевидению в программе «Доброе утро» на эту же тему (а это четыре раза было передано по всей стране) мне позвонили. Честно говоря, я ожидал чего-либо подобного. Кто-то же должен был дать знать со стороны тех, кто был причастен к «делу»?

Звонок был профессиональным по содержанию и на грани полуночи по времени. Старческий голос обратился ко мне по имени и отчеству и молвил:

- Читал вашу статью и видел вас в передаче… Спасибо за добрые слова в адрес нашего общего знакомого… Это очень смело с вашей стороны…

На этом звонок прервался. Я ждал с полчаса продолжения, но тщетно. Через день звонок повторился. И тот же голос сообщил:

- В газете «Комсомольская правда» от 22 февраля 1995 года есть

статья о самом маленьком городе России. Возможно, это вас заинтересует…

И снова гудки. Теперь в этот день я не ждал повторного звонка, хотя и надеялся ещё на одну «встречу» с незнакомцем.

А пока я обобщил два факта: кто-то, знавший Пеньковского, в иносказательной форме представился мне и почему-то назвал место на карте России. Оба факта были связаны между собой общностью, о которой я мог только догадываться и… смел надеяться. Я дождался утра и, придя на работу, разыскал подшивку нужной мне «Комсомолки». Действительно, там была статья под заголовком «Обнаружен самый маленький город России».

Речь шла… И тут у меня перехватило дыхание! Речь шла о Лихвине, родине моего отца, известного мне ещё и потому, что в десяти километрах от него у моей семьи в деревне был дом. Более того, недели через три с началом моего летнего отпуска я окажусь там и смогу посетить Лихвин, а теперь Чекалин в память о юном Герое Советского Союза.

Лихвин (от слова «лихой») был городом с родословной ещё времени Ивана Грозного, когда он назывался Девягорском. После войны он окреп, а после девяносто первого года потерял все свои трудовые места, оставив около тысячи жителей без работы, медицины и почти без школьного и профобразования. В этом вопросе городок был с типичной и незавидной долей России двухтысячного года.

Жил он воспоминаниями: случилось так, что в самом маленьком городке России родилась самая мощная русская песня «Дубинушка». Она была написана Василием Богдановым, появившимся на свет в год смерти Пушкина в этом старом городке у истоков древней русской реки Ока. Городок стоял на высоком берегу. Знаменит он был своей лихостью в защите западных пограничных рубежей Руси ещё с начала второго тысячелетия. И естественно, меня тянуло туда, а теперь просто неудержимо влекло. После телефонных звонков незнакомого доброжелателя я тешил себя надеждой: предстояла увлекательная встреча с чем-то из истории с «делом».

И вот я уже неделю в деревне. Лил дождь, наконец прояснилось.

Городок я мог видеть с пригорка нашей деревни. Точнее, то место, где он находился. Синеющий горизонт над поймой великой русской реки Оки был изломан неровностями леса. В одном месте с расстояния в десять километров просматривалась ровная линия размером с четверть спички. Это был массив городского парка, из-за которого выглядывал купол местного собора.

Ранним утром автобусом из близлежащего села я добрался до автотрассы, ведущей в Лихвин. Мы ехали со стороны реки, и городок вставал над ней высоким, крутым берегом. Старенький автобус, натужно подвывая, вынес нас наверх и замер на крохотной площади, окружённой старыми зданиями по архитектурному признаку и по ветхости ещё времён

девятнадцатого века. Обычная картина - магазинчики со всем необходимым и полное отсутствие жителей. Даже зевак.

Хорошо ухоженный маленький сквер обрамлял памятник Ленину. Чуть ниже площади - школа, типичное и хорошо скроенное здание начала прошлого века. К ней я и направился. Как часто бывает в летнее время, там шёл ремонт. И местные умельцы, явно из числа родителей, подсказали мне, где найти директрису, с которой я был немного знаком по предыдущим редким посещениям городка в поисках родных корней.

Валентина Николаевна мне обрадовалась, ибо все наши беседы отличались искренним уважением к прошлому и настоящему и её и моего родного городка. Мы сидели на улице под развесистой яблоней у дома моей собеседницы. Вдалеке синели дали, теперь уже моей деревни, место которой я мог узнать по огромному белому полю с цветущей гречихой. Однажды Валентина Николаевна предложила мне встретиться с фронтовиками и поговорить с ними о моей приверженности к истории Великой Отечественной войны. Об этом я напомнил ей в эту встречу, надеясь выйти в разговоре на след Пеньковского.

- Скажите, Валентина Николаевна, а что если нам устроить беседу, а не только моё выступление? О войне вообще, фронтовой разведке и разведке на войне в целом… Как?

- Вы думаете, так будет лучше? - спросила милая хозяйка, женщина лет шестидесяти с признаками пребывания в этих краях восточных завоевателей.

- Наверно, так будет интереснее. Например, фронтовик расскажет какой-либо эпизод… Затем выступит фронтовой разведчик… Наверно, здесь кто-либо из них живёт?

Валентина Николаевна посерьёзнела и закивала головой. На её восточного типа лице появилась тень печали.

- Да, да. Жил… До этой весны жил. Но не фронтовой разведчик, хотя и был участником войны как артиллерист…

У меня всё оборвалось: а вдруг это он? И я упустил возможность увидеться с ним? Я растерянно молчал. А Валентина Николаевна, видя такую мою реакцию на её сообщение, прояснила:

- Он пережил своё восьмидесятилетие и не дожил до дня рождения один месяц… Умер 23 марта - весна тяжёлое время для старых людей… Тем более такой сложной судьбы, которая, видимо, была у него…

Я молчал, боясь прервать мысль моей собеседницы и опасаясь, что она назовёт имя, которое не имеет отношения к человеку моего поиска. Но всё же я спросил:

- Он давно появился у вас здесь, в Лихвине-Чекалине?

- Когда я начала работать в школе, а это случилось в конце пятидесятых годов, его ещё не было. Где-то с конца шестидесятых он стал учителем в нашей школе… В старших классах…

Я снова молчал, боясь вспугнуть повествование. Хотя вопросы были готовы выпрыгнуть из меня. Но я сдержался. А она продолжала.

- Поселился он с матерью, Таисией Яковлевной. Ни он, ни она о прошлом своём не рассказывали, кроме того, что до этого жили на юге… Где вынуждены были лечиться - сын был участником войны, говорила она. Переехали они сюда, в среднерусскую полосу, по рекомендации врачей…

Вот тут и вспомнилось, что звать мать Пеньковского Таисией, вот отчество? Больше память мне не подсказала ничего. Я спросил:

- У него были ранения?

- Она говорила, что он имел последствия после контузии…

Это я знал: у Пеньковского было серьёзное ранение головы и челюсти. Контузия! От этого ранения человек может болеть всю жизнь.

Валентина Николаевна продолжила рассказ:

- Мать что-то беспокоило. Мне казалось, что она сдерживала себя в беседах о прошлом её семьи. К ним никто не приезжал и, как мне представляется, почти никто не писал. Правда, сам он в году три-четыре раза уезжал куда-то… Говорил, что к родственникам… Но это были короткие, однодневные визиты…

И вот тут искрой пробежал по мне «момент истины».

- …лет через пять-семь по приезде в город Олег Владимирович похоронил мать, а теперь вот сам лёг рядом с ней…

Я молчал, оглушённый: «Олег Владимирович?!» Такие совпадения бывают весьма редко. Это именно он. А собеседница с хорошо поставленной дикцией и логикой учителя продолжала:

- Только в пятидесятилетие Победы мы по-настоящему узнали, что Олег Владимирович - боевой фронтовик. Он награждён редким, как говорили, орденом Александра Невского….

В голове промелькнуло: опять совпадение - уже третье, если имя матери совпадает.

- …о себе он рассказывал весьма скупо. У нас была проблема - мы не смогли оповестить никого из его близких или знакомых… Не было ни адресов, ни телефонов. Да и мать он хоронил один… - моя собеседница сделала паузу. - Это выглядело странным, но… Мы пытались разыскать на почте адрес, кому он посылал раз в год телеграмму. Но послания были простыми и их не фиксировали с полной тщательностью… Тем более сейчас, после девяносто первого года… Телефонных разговоров он не вёл…

Я решил прервать монолог.

- А мы можем посетить его могилу? Или она не ухожена и неудобно постороннему идти туда? Знаете, так бывает…

- Только не у нас! - решительно прервала мои сомнения Валентина

Николаевна. - В этом отношении - всё в порядке. Могила прибрана. Скромная доска простого мрамора с надписью. На средства фронтовиков - так уж у нас принято… Они сами это делают…

Мы вышли на улицу. Прошли переулками к местному кладбищу. И здесь, на краю обрыва, оказались под сенью крупных акаций. Две могилы расположились чуть в стороне от остальных. Их отделяли от общих захоронений деревья. Тишину нарушали голоса птиц да жужжание пчёл.

Передо мной находилась общая каменная кладка в виде квадратного контура из крупного неотёсанного камня с ровным внутренним газоном травы, которая была аккуратно подстрижена, и две низкие вертикальные стелы из белого бетона с вмонтированными в них квадратными мраморными досками.

На левой: Олег Владимирович, воин чести и сын трагической судьбы.

- А фамилия? - невольно вырвалось у меня, после того как я взглянул на стелу с именем матери, где стояло: «Шивцова Таисия Яковлевна».

- Фамилии у них были одинаковые, но Олег Владимирович на своём смертном одре просил его имя на могиле не писать.

- Почему?

- Это была воля умирающего, - ответила Валентина Николаевна. - Правда, он добавил ещё, что одного имени на двоих достаточно.

- А надпись: «воин чести…»? Это чья мысль? - настойчиво выяснял я, надеясь прояснить ситуацию.

- Это тоже его пожелание. Как-то, ещё в начале болезни, он сказал мне, что… Впрочем, дословно: «моё время не наступило…» Тогда я подумала, что он говорит о смерти. Но позднее поняла, что «время» означает встречу с кем-то после его кончины. Но ясности в этом вопросе у меня нет…

Сомнения покидали меня. Мы молчали, отдавая дань памяти этому неординарному человеку, которого знали каждый по-разному. Я - по различным публикациям о нём и его жизни до шестьдесят третьего года, а она - с конца шестидесятых годов, после его гражданской смерти.

Валентина Николаевна, прервав молчание, сказала:

- Я уже говорила, что никого из близких их мы не нашли. Правда, в канун ухода из жизни, дней за пять, Олег Владимирович попросил позвонить по телефону в Москву… После его кончины…

- У вас сохранился номер? - быстро спросил я.

- Нет. Он просил позвонить и уничтожить его…

- И вы так сделали?

- Да. Это была воля умирающего. Это важный христианский обычай… - твёрдо ответила моя собеседница.

- Что он просил передать? - допытывался я.

- Только то, что его уже нет… Нет в живых. И всё.

Так вот как Олег Владимирович подал знак о себе. Своим и… мне. Он ушёл от нас и разрешил позвонить «кому-либо», возможно, мне. Как и в профессиональной работе, он действовал на упреждение.

- Валентина Николаевна, - продолжил я уточнение, - почему вы так думаете: «после кончины»?

- В другой раз, ещё раньше, он сказал, что будет однажды так: кто-то заинтересуется его судьбой. Придёт и заинтересуется. А у нас проблема - он кое-что оставил после себя и о себе…

- Рукопись? - холодея, спросил я.

- Да. И много. Причем он позвал к своей постели фронтовиков и меня. Сказал: «…это передайте в руки тому, кто будет серьёзно интересоваться моим прошлым…» И отдал две папки, упакованные в плотную бумагу… Всё заклеено…

Я молчал, заворожённо смотря на владелицу информационного богатства. И ждал её следующих слов, как путник в пустыне ждёт глотка свежей воды.

- Одну папку он сразу отдал мне: «это мои награды». И добавил: «боюсь их оставлять дома…». Видимо, он намекал на возможную кражу… Это у нас бывает. Награды! Я видела его портрет в форме - одних орденов с полдюжины, - пояснила Валентина Николаевна.

Во мне боролись чувства: признаться в том, кто я такой, или не торопить события. Я спросил:

- Кому вы вручите эти бумаги?

- Только тому, кто докажет серьёзность намерений к памяти Олега Владимировича. По их использованию, конечно… И документально подтвердившему право на ознакомление с ними, - по-учительски чётко сформулировала директриса проблему.

Что я мог представить на её суд? Ветеранское удостоверение, где говорится, что я прослужил сорок один год и имею звание капитана первого ранга? Там даже нет фотографии… Допустим: я приношу паспорт и это удостоверение. Еще - членское удостоверение Ассоциации ветеранов внешней разведки с пометкой «член правления»? А дальше? И поверит ли она в мои благие намерения?!

Но тут меня пронзила мысль: а тот ли это Олег Владимирович? Значит, и мне нужны были доказательства?

- Валентина Николаевна, можно увидеть фотографию Олега Владимировича?

Директриса внимательно посмотрела мне в глаза, помолчала, видимо, что-то обдумывая и взвешивая, и спросила:

- Вас интересует именно этот человек? Но почему?

- Коллега всё же… Может быть, в жизни пересекались наши пути… И не всегда под своим именем… - немного схитрил я.

Валентина Николаевна тронула меня за руку и по-доброму произнесла:

- А мне почему-то очень хотелось бы, чтобы вы были ранее знакомы… Пока же пойдёмте к нему домой. Дом никому не принадлежит, наследники не объявились. Да и честно говоря, отдавать мы его не хотим… Моё личное пожелание: сделать из этого дома музей Отечественной войны и ветеранов, воевавших в мирное время в горячих точках… Афганистан, Чечня…

И Валентина Николаевна назвала несколько цифр об участии граждан городка в войне и в войнах мирного времени.

- На 1200 наших жителей, по газетным данным суворовской районной газеты «Светлый путь», мы на девяносто пятый год имели живыми 55 участников войны, 25 инвалидов её, девять солдатских вдов и 65 вдов фронтовиков, умерших после войны. У нас два афганца. Много это или мало? Судите сами…

Мы двигались в глубь городка минут десять. Вышли к небольшому одноэтажному домику, возможно, ещё позапрошлого века, вросшего кирпичной кладкой в землю. Сзади дома виднелся ухоженный сад, но без хозяйской руки начинавший уже зарастать сорняком.

Маленькие окна дома смотрели на мир чистотой стёкол и аккуратными переплётами беленьких рам. Дверь была тёмно-коричневая, как бы из старого дерева. И только подойдя ближе, я понял: она пропитана отработанным машинным маслом (мне это было понятно - сам так делал). С двух сторон - от угла до угла - простиралась узкая застеклённая веранда. На внешней стороне дома царил налёт аккуратности и чёткости в линиях, а в окраске - сдержанность тонов. Даже традиционное слабое место частников - забор блистал строго вертикальными штакетниками.

Во входной двери замки были стандартными, но один из них - под крупный и нестандартный ключ. Когда мы вошли, то почувствовался стойкий запах нежилого помещения со следами лекарств.

Не спрашивая разрешения, я снял обувь и с удовольствием прошёлся по цветным дерюжным дорожкам в большую, метров на пятнадцать, комнату, как называют её в этих краях «залу».

Вошёл и застыл: на меня со стены в упор смотрел Олег Владимирович Пеньковский - его хрестоматийный портрет в форме участника Парада на Красной площади в честь Великой Победы над гитлеровской Германией. Пять орденов, медали… И строгий с еле заметной теплинкой взгляд, чуть пухлые упрямо сжатые губы. Ему было тогда двадцать шесть лет - типичное лицо русского человека, полноватое, овальное с крупным носом и волевым подбородком.

Перехватив мой взгляд и, видимо, озадаченная моей окаменелостью

перед портретом, Валентина Николаевна указала на фотографию на комоде. Там человек с чертами Пеньковского был снят рядом с пожилой женщиной, вернее всего, его матерью.

Как мне хотелось быть правым в моей версии? И теперь казалось, что я близок к её разгадке.

- Этот человек, - сделал я паузу и, глядя в глаза Валентине Николаевне, молвил, - Пеньковский!

Она удивлённо подняла и широко раскрыла глаза. И, видимо что-то с трудом вспоминая, с расстановкой сказала:

- Как? Тот самый? Суд в начале шестидесятых?

Я кивнул. А она, помолчав, добавила:

- Эту фотографию-портрет он повесил здесь, в гостиной, незадолго до смерти. С шестидесятых прошло почти сорок лет… Вот и не узнала…

- Да, Валентина Николаевна, это - он. Я изучаю его «дело» более двадцати лет. Вы ведь помните: я говорил, что занимаюсь историей моей спецслужбы?

Она кивнула, помолчала и с укоризной спросила:

- Значит, ваш приезд сюда неслучаен?

- И да, и нет, - коротко ответил я, но, видя просьбу в её глазах, продолжил: - Стечение обстоятельств… Но лучше я помолчу, хотя сгораю от любопытства. Приеду к вам завтра и кое-что покажу… Согласны?

Она с какой-то покорностью кивнула головой, мы молча вышли на улицу и покинули, можно сказать, исторический домик в три комнаты, одна из которых была вместилищем его книг и кабинетом. Это я заметил, бросив взгляд из гостиной.

Да, ключ к разгадке «феномена» был где-то здесь.

По дороге к автобусу директриса поглядывала на меня, но посчитала нужным молчать, предоставив инициативу общения с ней мне. Как мне показалось, расстались мы довольно сдержанно. Я не настаивал с расспросами, отдав ход событий в руки фактов и размышлений из области моей версии. И всё же я надеялся, что всё сделанное мною по Пеньковскому до сих пор будет моей спутницей понято правильно.

В мансарде под крышей ночь я провёл тревожно. Точнее - в бессоннице. Всё время подбирал весомые аргументы для убеждения директрисы: я искренен в истории с Пеньковским. Почему-то мне казалось, что именно в этом может сомневаться милая женщина-директриса?!

С семичасовым автобусом я отправился в путь и где-то около девяти часов был в Лихвине. Валентину Николаевну застал в огороде её дома. Она встретила меня настороженно, но согласилась выслушать.

Не говоря ни слова, я передал ей моё интервью в газете «Век», где

достаточно обширно излагалась версия о Пеньковском, как подставе Западу со стороны нашей госбезопасности. Мне нужно было сделать это ещё и потому, что там говорилось обо мне, как разведчике, и был помешен мой портрет. А это уже «визитная карточка», или, говоря языком криминалистики, идентификация личности.

Моя собеседница - учитель и представитель местной общественности, уважаемый среди горожан человек, погрузилась в чтение.

По мере чтения, напряжённость в её лице спадала. Время от времени она поглядывала на меня, словно убеждалась, что это интервью мог дать газете именно я.

Когда она закончила просматривать статью, то глубоко вздохнула и произнесла:

- Я рада, что дожила до этой минуты… Его вещие слова: «кто-нибудь придёт…» сбываются. Я знала его только с лучшей стороны. И ещё…

Я не дал ей договорить, а передал мои личные документы: паспорт, военное пенсионное удостоверение и… книгу «Операция «Турнир». Перевернув её, указал на портрет. Она внимательно прочитала текст под портретом и вслух произнесла: «…ветеран внешней разведки, почётный сотрудник госбезопасности…». А получив из моих рук ещё и удостоверение члена Ассоциации ветеранов внешней разведки, внимательно ознакомилась с ним и с остальными документами. Возвращая документы - эдакие мои «верительные грамоты», наконец-то Валентина Николаевна приветливо улыбнулась.

- Давайте двигаться в нашем деле дальше. Я сейчас зайду в школу за оставленными Олегом Владимировичем свёртками. Точнее - за одним, большим. Содержимое другого, меньшего, мне известно - там ордена и завещанные музею документы. В музее уже есть экспозиция другому герою войны - Саше Чекалину.

…И вот мы снова в знакомой гостиной. Расположились за круглым столом старинной выделки, над которым висела не менее старинная лампа с пузатым плафоном. Последнее убежище ветерана «трёх разведок» выглядело уютным гнездом.

Я с трепетом помог Валентине Николаевне вскрыть объёмистый пакет, который Олег Владимирович добросовестно упаковал в несколько слоёв обёрточной бумаги. Внутри были две папки - прочные и удобные для хранения бумаг, с тремя завязками.

На одной, что поменьше, было написано крупно и выведено не очень твёрдой рукой: «История семьи Пеньковских в фотографиях и документах». На другой: «Личная рукопись Пеньковского Олега Владимировича» и в скобках: «не предателя, не разоблачённого, не судимого, не расстрелянного».

Сделав паузу и поглядывая на папки, мы приступили к их просмотру. Начали с малой. И сразу стало ясным: человек, собравший всё это, был аккуратистом.

Сверху лежало фото со стены - в парадной форме. Затем фотографии и документы близких, военный и партийный билеты, листовка о двоюродном деде - генерале, документы и групповое фото из Киевского артиллерийского училища ещё довоенных лет, фотографии с фронта и среди них - вместе с будущим маршалом артиллерии…

Много фотографий жены и дочерей. Здесь же документы послевоенного периода: об окончании военно-инженерной академии, копия удостоверения офицера Министерства обороны.

И по работе «под крышей» в Государственном Комитете по Научным и Исследовательским Работам. Справки, подтверждающие, что Пеньковский сопровождал группы советских специалистов в Лондоне и Париже. Даже визитные карточки и спутники разъездов по странам - буклеты и открытки из-за рубежа и с нашего Юга.

В отдельном пакете - удостоверения и знаки об окончании училища и академии. Совсем почерневшие значки ОСОАВИАХИМ и ГТО. Знаки отличия артиллериста, золотые и красные нашивки о ранениях. Фотографий с товарищами по последней работе было мало - всё-таки это была разведка.

В совсем крохотном пакетике - чёрные петлицы довоенного образца с одним малиновым кубиком звания младшего лейтенанта и эмблемой артиллериста. И пара погон: полковника и… генерала! Последние как будто бы только вручённые - новенькие. Нашлась и бумага, подтверждающая, что ещё при жизни Хрущёва он получил генеральское звание.

На душе потеплело. Из западных уст было слышно: «герою войны генерала не дали…». Значит: дали. Увидев погоны генерала, Валентина Николаевна воскликнула:

- Он говорил, что его звание полковник?! Как на фото… - указала она на портрет.

Я развёл руками, но подумал, что и здесь сработал характер профессионала. Объяви он, что чин ему вышел генеральский, то затаскали бы по президиумам по всей округе - какая уж тут конспирация? Да, был профессионал до конца.

Вот так, в августе двухтысячного года мои искания привели к заветной черте, за которой тайна перестаёт быть такой…

Мне жгла руки вторая папка, наиболее вероятный кладезь сведений о «второй жизни» Олега Пеньковского - ключ к разгадке «феномена Пеньковского».

Это должны были быть настоящие записки, лично им написанные, а не сфабрикованные в штаб-квартирах СИС и ЦРУ на основе бесед в Лондоне и Париже.

Но прежде, чем вскрыть пакет, я обратился к Валентине Николаевне с вопросом.

- Вы - душеприказчица Олега Пеньковского по его наследию? Бумаг и так далее?

Моя собеседница, в свойственной ей манере, вскинула на меня взгляд, и чувствовалось, что она не сразу оценила суть моего вопроса. Но, осмыслив его и подыскав ответ, объяснила:

- Формально - нет. Но по сути - да. Фронтовики - они люди старые и доверили мне всё, оставшееся после Олега Владимировича: мне - бумаги, дом, ордена… - и чуть смутившись, добавила: - Как более молодой, что ли… Возможно, их окрылила идея с домом-музеем о фронтовиках…

Я кивнул головой в знак согласия и продолжил мысль моего коллеги «по делу».

- Верно, верно! Человеку свойственно опасение исчезнуть с лица Земли бесследно. Верно и то, что искры надежды согревают душу старых воинов. По своей работе с ветеранами знаю, как они ценят внимание и охотно делятся прошлым, даже пишут мемуары…

Мы понимали состояние старых воинов и это подогревало наши помыслы.

- Спрашиваю я не из праздного любопытства, - пояснил я, - а потому что через полгода вы формально можете заявить свои права на эти документы и реализовать идею с музеем. Кроме того, вам потребуются средства на музей, а бумаги Олега Владимировича…

- Только не это! - по-учительски строго прервала меня директриса, всплеснув в негодовании руками. - Только не это. Опасаюсь особой гласности в этом вопросе - это сокровенное…

Мне представляется, что директриса неверно поняла одно высказывание Олега Владимировича. Как-то он сказал ей, что настанет время и кто-нибудь придёт и будет интересоваться им. Видимо, это было нужно понимать так: «помогите раскрыть мою жизнь за последние годы, здесь в Лихвине». А вернее всего, он имел в виду жизнь «после расстрела». Иначе зачем эти пакеты с документами?! Вот это я и высказал Валентине Николаевне.

Она задумалась и молвила:

- Давайте не будем ускорять события. Давайте будем смотреть рукописи или что там в пакете…

Меня не нужно было уговаривать, и мы открыли вторую папку. В ней были две папочки. На одной надпись: «Из прессы и других изданий» , а на другой…

Меня обдало холодом. На ней было выведено: «Жизнь после смерти». Мы оба молчали в скорбном поклоне посланию из прошлого.

Между папочками - листок с парой десятков строк. И мы прильнули к тексту. Это не были нервные и прыгающие строки, характерные для письма, которое в октябре шестьдесят первого года Пеньковский написал

главе американской разведки. В обстановке спокойного обдумывания почерк был ровным, но в строчках буквы отличались размерами. А это, как я понимаю, было характерной особенностью письма Олега Владимировича.

Суть содержания хорошо запоминалась:

«Мне некому выразить мою последнюю волю и мысли. Только тому, кто захочет (и ему доверят) осветить мою жизнь после 1963 года. Это будет тот, кто знает события от «предательства» до «расстрела».

Хочу, чтобы к этой рукописи прикоснулась рука человека, сомневающегося в моём «преступлении». Уверен, такое лицо найдётся. Со временем найдётся. Может быть, это будет опытный (и честный) журналист либо мой коллега по профессии.

В тревожные для моей Родины дни я был, как и в войну, на передовой позиции. Подчинил свою жизнь необходимости оставаться на этой позиции, по просьбе моих руководителей и ради дела, до самой моей смерти. Свой «кирпич» в общее дело тайной войны я вложил.

Для меня в 1945 году война не окончилась, а стала продолжением в новых условиях - одна длиной в четыре года и вторая - в 55 лет, если доживу до мая 2000 года.

Ваш Олег Владимирович Пеньковский (последние 37 лет - Шивцов). 23.02.2000».

У Валентины Николаевны на глазах были слёзы. Мои также не были сухими. Уняв волнение, я сказал, чтобы несколько успокоить коллегу:

- Посмотрите на дату. Он до конца был на службе, военной… Смотрите на дату: 23 февраля… Это День Советской Армии, а ещё ранее - Красной, в которую он вступил в тридцать седьмом году!

Она кивнула и положила руку на листок-завещание. Чуть погладила его, видимо, пытаясь почувствовать теплоту рук писавшего эти строки.

Мы открыли первую папочку: вырезки и выписки из «Комсомолки», «Независимой газеты», «Совершенно секретно» и других. Но статьи из «Века» не было. И не могло быть - интервью появилось лишь в апреле двухтысячного года.

Все тексты были густо обработаны цветными чернилами - чёрным, красным и зелёным. Естественно, такая «разрисовка» заинтриговала меня, и я попросил у моей спутницы разрешения кое-что особенно просмотреть в одной из статей.

Это была заметка из еженедельника «Куранты», популярного в первой половине девяностых годов издания. Она носила заголовок дискуссионной направленности: «Был ли Пеньковский предателем?» В заметке подчёркнуто чёрным: «…на Западе он считался человеком, сумевшим спасти мир от ядерной войны». И ещё: «операция КГБ по разоблачению крупнейшего вражеского «крота». И другие.

Красным: «...на Востоке агент двух разведок». Или: «Пеньковского сгубило не столь искусство оперативников КГБ, сколько халатность или же просто злой умысел британской спецслужбы». Зелёным: «...новая версия британского исследователя порождает сомнения», «...в истории предательства и разоблачения похитителя ракетных секретов есть ещё одна мало исследованная сторона...», «...возникает впечатление, что полковник ГРУ вначале действовал чуть ли не по приказу...», «подозрения, что Пеньковский ведёт двойную игру, никогда не покидали руководство ЦРУ». Или: «Уж очень всё гладко...», «сомнительная мотивация добровольной вербовки...» - возле этой фразы рукой Олега Владимировича стояло: «нас это тревожило!» .

А вот абзац, который был обведён в рамку всё тем же зелёным цветом: «Англичане знали, что Пеньковский и его связники под колпаком. Отчего же его контакты с ними не были прерваны? Видимо, после провалов британские спецслужбы держались за свой единственный козырь, доведя агента до ареста».

И снова приписка: «Мы верно рассчитали!».

Когда я бегло просмотрел испещрённые тремя цветами статьи и выписки из книг о «деле», то, кажется, понял следующее: Олег Владимирович выделил чёрным все те места, где говорилось об оценке его действий с Западом, причём в положительном, с их точки зрения, свете. Красным - оценка или фиксация фактов «разоблачения» его работы нашими органами госбезопасности. Одна из его пометок о действиях нашей службы наружного наблюдения гласила: «они работали честно и чётко, не зная, кто есть кто!»

Наконец, зелёным он помечал, как мне представляется, те моменты, которые подавали факты и их интерпретацию в пользу версии: Пеньковский - двойной агент, а значит, подстава советских спецслужб.

Занимаясь первой папочкой, мы не успели просмотреть вторую - моя коллега торопилась. Мы лишь открыли её и убедились, что там находится рукопись, листов на сто - сто пятьдесят. Меня также время поджимало - уходил последний автобус. Да и впечатление от рукописи при её беглом просмотре не хотелось портить. И стоически терпел.

В пятницу, это уже через день после встречи с первой папочкой, я снова был в столь интересующем меня домике. К этому времени, как я понял, Валентина Николаевна уверовала в мою искренность в работе над бумагами по «делу» и оставила меня в домике одного.

Бегло просмотрев папочку с рукописями, я понял, что это был своеобразный комментарий к изданным на Западе «Запискам Пеньковского». Первые страницы рукописей начинались с выписок из книги «Шпион, который спас мир» в части, касающейся подготовки «Записок» к изданию под «редакцией» ЦРУ и СИС. Отдельно на листочке была сделана выписка такого содержания: «Мемуары содержат весьма глубокий анализ характера Пеньковского и мотивы, которыми он руководствовался, а также массу самой разнообразной информации о

советских взглядах...».

К этой выписке из «Записок» Олег Владимирович сделал пометку, подчеркнув слова: «характер», «мотивы», «взгляды». А на полях добавил: «Это их понятие наших мотивов, которые они хотели бы видеть, и мы помогли им увидеть их. Как и Гитлер, они просчитались в главном: народ не хочет «американского образа жизни». Ему ближе понятие «коллективизм». Примеры? Гражданская война, война, восстановление!» Значит, Олег Владимирович не поверил, что коллективизм нашего народа был разрушен в восьмидесятых-девяностых годах?!

Меня волновал вопрос: что он взял за основу своей рукописи? В его трактовке? И я пошёл в его кабинет - комнату метров на восемь. Хотелось почувствовать душу человека через вещи, его окружавшие.

Над столом висела карта фронтов в годы войны со стрелами в глубь Европы и Германии. Булавками с флажками, видимо, обозначался боевой путь его дивизии и самого Олега Владимировича. Рядом с картой его фотография в группе участников войны, возможно, где-то в начале сорок третьего года - погоны у всех ещё топорщились от новизны.

Стол небольшой, но выделки старой, массивный. На столе - ничего лишнего - простой глиняный кувшинчик с ручками и карандашами. Старая стеклянная чернильница фигурного литья с засохшими чернилами. Камень белого известняка с веретенообразной ракушкой в нём. На стене слева, в проёме между полками, старинные карманные часы, возможно, ещё дореволюционного времени. Кресло деревянное с овальной удобной спинкой и подлокотниками.

Книги на полках: о войне - мемуары и записки, Шолохов, Евгений Долматовский («Автографы Победы»), другие. Отдельные томики Симонова, включая его солдатские мемуары. Между книгами я увидел фотографии - это были снимки жены и дочерей. Видимо, он не решался выставлять их напоказ - здесь бывали люди и лишние расспросы ему были ни к чему.

Прежде чем оставить меня одного, Валентина Николаевна проводила меня в этот кабинет и, перехватив мой взгляд на книги, стала как бы комментировать особенности личной библиотеки Олега Владимировича.

- Вот здесь стояла двенадцатитомная энциклопедия «Вторая мировая война». В конце прошлого года он передал её в общую городскую библиотеку... Выписывал «толстые журналы» - ну там: «Новый мир», «Москва», «Наш современник»... И другие, которые, прочитав, передавал в библиотеку...

Помолчав, моя собеседница и добрый гид по домику добавила:

- Где-то в конце семидесятых, когда он остался один, подписку стал оформлять прямо в библиотеку...

- А школе он помогал? - старался я поддержать разговор о личности Олега Владимировича.

- Конечно, журналы «Знание - сила», «Техника - молодёжи», «Вокруг света» - всё шло в школу… Нам он передал подшивки этих журналов за много лет… Всё это было от него…

Оглядывая библиотеку, Валентина Николаевна продолжала:

- Более того. После девяносто первого года деньги стали стремительно терять силу. И Олег Владимирович один из первых почувствовал эту тенденцию. И знаете, что он сделал? - загадочно посмотрела на меня директриса.

Я пожал плечами, вспоминая, как я и моё окружение теряли деньги в сберкассах - хотя и не столь уж большие, но всё же накопления. И мне оставалось только развести руками, что могло означать: тогда все мы попались…

Моя собеседница меня поняла правильно и с расстановкой произнесла:

- Он свои сбережения в сберкассе и те, что, видимо, были у него дома, передал школе… Школе! Это от него можно было ожидать, но это была огромная сумма…

- И сколько, если не секрет?

- Более двадцати пяти тысяч рублей. Теми, старыми, деревянными, как ехидничают сейчас… На копейки можно было путешествовать… - в сердцах высказалась Валентина Николаевна. - Точнее, деньги он не отдал школе - они теряли силу. Но купил на них то, что я ему подсказала. По списку: кирпич, железо кровельное, краску, даже трубы для отопления… Кое-что будет лежать и ждать своего часа… Че-ло-век!

Разговор продолжался, и я спросил, указывая на словари и справочники:

- Он что, занимался переводами?

- Переводил, и именно эти деньги шли школе. Через подписку, а затем - эти 25 000…

- Но кроме английских словарей, здесь ещё и французские, итальянские и даже немецкий? Почему? - поинтересовался я.

- Матушка его знала эти языки и занималась переводами, получая по почте рукописи и возвращая их тем же путём…

Теперь, стоя перед скромным книжным богатством его кабинета, я обратил внимание, что там не было ничего о нём самом - ни одной книги. Их я нашёл в столе - это говорило о том, что он продолжал играть свою трагическую роль в уединённом уголке России. Играть, скрывая своё прошлое - ведь в книгах было полно его фотографий.

Я вернулся к столу в гостиной и принялся внимательно листать рукопись. С первых строк стало понятным, что Олег Владимирович дискутировал с создателем «Записок Пеньковского», которые у нас вышли лишь в 2000 году. Но, видимо, он их не увидел.

Как позднее я убедился, что это был фактически построчный анализ и комментарий к западной версии «Записок» (у нас «Записки из тайника»). Он даже сохранил заголовки глав, включая предисловие автора к каждой из них. Получилось всего десять глав с эпилогом «Суд».

Естественно, комментарию подверглись лишь значимые моменты, ибо «Записки» содержали более четырёхсот страниц. Позднее я понял: он работал только над предисловиями автора к главам, оставив на его совести его «личные» заметки о системе, в которой мы жили, или, например, что из себя представляло ГРУ.

Вот глава «От автора». А автор - Фрэнк Джибни, который в «соавторстве» с ЦРУ и СИС подготовил эти «Записки» ещё в середине шестидесятых годов.

Олег Владимирович обращается к Джибни:

«Джибни говорит: «…текст этой книги основан на трёх документальных источниках: на записках самого Пеньковского в том виде, как они были доставлены из Советского Союза; на официальном отчёте о процессе Пеньковский - Винн, опубликованном издательством «Политическая литература» в 1963 году, а также на сообщениях прессы и материалах дискуссий, связанных с арестом Пеньковского и судом над ним, которые появились в Европе, США и даже в Советском Союзе. Кроме того, я располагал информацией, полученной в результате продолжительных бесед с Гревиллом Винном…»

Комментарий Олега Владимировича:

«…записок как таковых не было. Это - синтез из моих бесед в Лондоне и Париже. А Винн мог дать только то, что я ему подсказывал в силу оперативной необходимости.

Блеф заключался в том, что Дерябин, беглец из КГБ, прекрасно знал, откуда «записки» - это были магнитофонные записи тех самых семнадцати бесед со мной четырёх офицеров СИС и ЦРУ в Англии и Франции.

В них, которые выглядели как экспромт, часто оперативная информация прерывалась моими комментариями из моей прошлой жизни или настоящей советской действительности. Это была тактическая уловка для выигрывания времени при обдумывании ответов на вопросы, которые мне ставили мои «коллеги» по западным службам.

Я мог варьировать сведениями о разведке хотя бы потому, что за последние пять-семь лет на Запад работал предатель - офицер ГРУ Попов И., как стало известно позднее, генерал Поляков…

О каких «подстрочных комментариях Дерябина» говорит Джибни? Подстрочные примечания - это плод сотрудников ЦРУ и СИС, а Дерябин - ширма для наивного читателя… Этот перебежчик отстал от своего «офиса» в КГБ лет на десять… И по теории разведки и по спецтерминологии…»

Далее я не буду отмечать, когда говорит Пеньковский, а когда я вставляю свои высказывания - лучше всего: пусть говорит он!

Итак, отрывки из «Рукописи Пеньковского», им самим составленные «после расстрела»:

«Комментируя «записки», инспирированные на Западе, мне хотелось начать с обстоятельств их появления. Уже тогда ЦРУ и СИС пытались использовать «записки» для вбивания клина между нашими разведками - военной и госбезопасности.

Но, как и в прошлые годы, две разведки решали одну, причём глобальную задачу: стратегическая дезинформация противника по сохранению Кубы независимой и, как следствие, на фоне возможной ядерной конфронтации, решение проблемы «ядерного щита» моей страны. Поэтому комментарий к «предисловию к книге» имеет особое значение: даёт ключ к пониманию всех остальных «записок», состряпанных на Западе.

Первое. (У Пеньковского это слово было подчёркнуто дважды.) Суд с приговором Винну - по-настоящему, а мне - согласно разработанной легенде. К этому сложному для меня моменту я шёл с 1957 года, когда по заданию ГРУ впервые пытался втереться в доверие турецких и американских спецслужб.

Мы торопили события: отставание в ядерной защите грозило дать «карт-бланш» американцам. Ведь если мы создадим паритет ядерных сил, то процесс обмена взаимными ядерными ударами станет невозможным!

Уже тогда, в 1957 году, выстраивалась моя легенда: мои возможности - это ГРУ (Минобороны), мотивы - моё прошлое (отец-белогвардеец) и не оценённое по достоинству моё военное время с добавлением материальных пристрастий (сбыт вещей на рынках Анкары). Позднее - похоть к девицам.

Главный блеф: «мы отстали, и Хрущёв обманывает Запад в том, что мы в состоянии нанести превентивный удар (или ответный) - у нас таких сил нет…»

Когда не удалось войти в доверие в Турции, то решили действовать с позиции Москвы, прикрыв меня ГК КНИР. Очень опасались, что американцы не клюнут! Очень это походило на подставу! Но удалось расшевелить англичан, и игра пошла!

Второе. «Крыша» ГК КНИР давала возможность для выездов за рубеж, где закреплялась моя «вербовка» спецслужбами, но нужна была компрометации их работы в СССР, и я стал невыездным, хотя и говорил, что вот-вот поеду за рубеж снова.

Джибни пишет:

«По свидетельству советских прокуроров информация, которую Пеньковский передавал на Запад, касалась, главным образом, экономических и технических вопросов и лишь в самой минимальной

степени содержала сведения секретного военного характера…»

Всё верно. На суде я предстал в качестве «полковника артиллерии в запасе» и «гражданским служащим». Просто советская сторона не могла публично признать, что в Москве наши спецслужбы ведут разведработу с позиции ведомств государственного масштаба. Ведь в то время официально ни ГРУ, ни разведка КГБ не существовали!

С другой стороны, во время суда мы стремились создать впечатление, что я не сознался во всех «грехах» в вопросах передачи документов. А именно в них содержалась главная деза - стратегическая. Нужно было подыграть Западу и убедить американцев и англичан в том, что они потеряли «ценного источника».

Джибни об этом говорит так: «…текст обвинительного заключения разоблачал ложь (не было военных секретов), так как содержал формулировки, например, типа: «совершенно секретная информация, … документы особой важности… экономического, политического и военного характера… Секретные разработки в области космоса… войск в Германии» Или: «…списки офицеров и генералов ПВО, новая советская техника, материалы по ракетной технологии… атомной энергетике…»

Мы убедили Запад, что отстаём от американцев в ракетах и атомных зарядах. Но не настолько, чтобы хотя бы не «огрызнуться», если они всё же решатся напасть на нас согласно уже разработанным ими планам. Вернее всего, эта информация позволила американцам не принимать решение наносить превентивный удар по СССР, предпочтя обойтись, при необходимости, обычными видами вооружений.

Третье. Военный прокурор Горный говорил: «Обвиняемый Пеньковский - отступник, карьерист, морально разложившаяся личность…» В этой игре это было самое трудное: слышать такое! Ведь в зале сидели матушка, жена, дочь, товарищи… Всё, что я мог сказать им - «так было надо!»

И уверен: каждый понял эту фразу по-своему. Поняла меня во время встречи в тюрьме мама, и после «расстрела» она ни о чём не расспрашивала. Семьёй пришлось пожертвовать. Но к этому меня готовили - на войне как на войне!

Попытка сохранить семью не удалась. Моя дочь не имела права знать даже части правды об игре. Жена знала, но безжалостная логика прикрытия игры потребовала от неё отказаться даже от моего имени. Мы виделись, но всё реже, когда у неё был отпуск. Она приезжала в Ейск на берег Азовского моря, где мы с мамой жили первое время. И мы всё больше отдалялись друг от друга.

Четвёртое. Вот Джибни провозглашает: «Олег Пеньковский в одиночку взломал систему безопасности государства…» Что же это за «безопасность», если один человек может это сделать?! Наивные рассуждения! Далее: «…важность работы Пеньковского подтверждается теми мерами, которые были приняты сразу же после его ареста…» Речь идёт о маршале артиллерии Варенцове и руководителе ГРУ Серове.

И ещё: «...триста офицеров советской разведки были немедленно отозваны в Москву из дипломатических представительств за рубежом...». Вот так клюква?! Развесистая!

Лучше бы Джибни заглянул в свою записную книжку и подсчитал: сколько знакомых у него в ней помечено?! Не триста, а около семидесяти выехало из-за рубежа, большинство из которых согласно обычной практике кадровых перестановок.

Но кто именно? Во-первых, это были активные работники, которые серьёзно намозолили глаза западным спецслужбам. В ожидании ответных мер после моего «ареста», их просто вывели (обезопасили) из страны. Следующая категория - это те, у кого истекал срок командировки. Наконец, были нерезультативные сотрудники или с морально подмоченной репутацией. Кроме того, технические работники, требующие замены.

Но с нашей стороны весь фокус заключался в том, что... их отозвали в узкий период времени - до конца 1962 года. Этим мы создали иллюзию привязывания «провала» их спецслужб и моего «ареста». И все подобные шаги работали на главную нашу задумку: я честно сотрудничал с СИС и ЦРУ.

Пятое. Сложнее получилось с маршалом - моим «источником» информации, как знали на Западе, в самых верхах военного командования. В отличие от Серова, он не был в курсе «дела», и по плану игры я восстановил с ним контакт лишь после выхода на меня американцев и англичан (или меня на них). Так мне посоветовали в ГРУ-КГБ. «Наказание» его - разжалование и понижение в должности - это также часть игры, на что он согласился, приняв мой арест за чистую монету. Он и Серов были из окружения Хрущёва. Варенцова якобы убедил лично, как фронтового друга, сам Хрущёв, попросив принять эту публичную жертву.

В отношении маршала был распространён слух, что, кроме болтовни за «рюмкой чая», никаких секретов маршал не раскрыл, но... Но всё же ротозей. Якобы так внешне снижался для суда информационный эффект от моего «предательства». Как другу, Хрущёв честно пояснил маршалу: нужны «стрелочники» и среди крупных - он и Серов. Фактически считалось, Хрущёв «спасал» маршала от худшего.

Так вот, при расследовании «дела» военная прокуратура намеревалась привлечь маршала к уголовной ответственности за разглашение государственной и военной тайны. Ему грозил срок лишения свободы до десяти лет (как этот слух радовал сердца сотрудников СИС и ЦРУ!). Однако Хрущёв не дал друга в обиду. Он приказал публично его «наказать, но под суд не отдавать!».

Не стану повторять, что говорит Джибни о моём «вкладе» за шестнадцать месяцев работы Пеньковского с Западом. Отмечу только: действия в самое «холодное» время «холодный войны» пришлись на мою работу периода Берлинского кризиса и Карибской эпопеи.

Торг был выигран нашей стороной: Куба была спасена на неопределённый срок. Мои «советы» спецслужбам о позиции Хрущёва в отношении ракет в Турции Западом были учтены. Ракеты (а были ли вообще ядерные заряды?!) Хрущёв с Кубы вывез в обмен на гарантии безопасности режима Фиделя Кастро и ликвидацию ракетных баз в Турции.

Шестое. 22 октября! Мой «арест» в этот день был не случайным. Точнее: объявление об аресте. «Арест» произошёл, но задолго до этого, фактически весь сентябрь и октябрь, я был вне поля зрения СИС и ЦРУ. Мы наблюдали, как они мечутся в поисках своего «ценного агента»…

22 октября - это сигнал Западу в момент высшей точки напряжения в Кубинском кризисе. Грань войны - это кто первым нажмёт кнопку с МБР?! Но ранее на Запад ушла моя информация, точнее, деза: Хрущёв не готов к ядерной войне, а главное - он её не хочет. Как потом оказалось, Кеннеди также не хотел рисковать, и кризис разрешился мирным путём.

Седьмое. Мне был дан «карт-бланш» в вопросе: что говорить. Есть такое понятие «информационный шум». Это фон, в который вкрапливаются зёрна «нужной» информации (в данном случае - для Запада). Мне было дозволено говорить обо всём, что я считал нужным во время бесед с западными «партнёрами».

И вот те, кто готовил книгу «Записки», верно схватили суть сведений, не предполагая, правда, что всё это был в значительной степени «информационный шум». В общем, как мне кажется, «шум» был создан значительный.

«Шумел» и в годы «турецкого периода». На меня работала атмосфера в посольстве в Анкаре: напряжёнка в отношениях ГРУ и КГБ. Там мне «атмосфера» позволила начать «искать» контакты с турецкими спецслужбами и с западными их партнёрами.

Мотивы? Якобы обида за жену и грубость генерала ГРУ стучали мне в сердце. Я писал в парторганизацию ГРУ о самодурстве генерала-резидента, который вредил оперативной работе.

Именно это письмо, принципиальное по своей сути, позволило обратить на меня внимание со стороны руководства ГРУ, которое в связке с КГБ готовило дискредитацию спецслужб Запада и дезинформационную игру в масштабе страны.

Мои попытки выйти в Анкаре на спецслужбы могли быть проверены западными разведками. Но я исчез из Турции и стал ждать выхода на меня уже на территории Союза. Вот так, когда ГРУ и КГБ объединили свои усилия в подготовке акции стратегического значения, среди исполнителей оказался и я с моим «кляузным» турецким прошлым.

Восьмое. Исподволь стали готовить легенду моего «контрреволюционного прошлого» - отец-белогвардеец. Я был снят с поездки в Индию, но оставлен в ГРУ, как ценный специалист. И чтобы усилить мои «разведвозможности» ввели в состав мандатной комиссии

для зачисления в ВДА - разведакадемию.

До сих пор удивляюсь, как Запад ухватился за эту приманку? Они могли просчитать факты, говорящие о том, что меня на пушечный выстрел не должны были допустить к кадрам. А тут «щуку» с «контрреволюционным» душком бросили в «реку» - я стал руководителем подготовительных курсов для поступления в академию.

И наконец, когда легенда-приманка в конце 1960 года была готова, меня вывели «под крышу» в Комитет по науке и технике, с позиции которого я стал доступен для спецслужб наших противников. Однако время шло, и мои официальные контакты с иностранцами не давали результата. А хотелось выйти на ЦРУ. Правда, мы тогда не знали, что мои манёвры в Турции были замечены и было принято решение: в контакт со мной не вступать - могла быть подстава с советской стороны.

И когда через разведчика-«крота» в СИС Джорджа Блейка стало известно, что в недрах спецслужб НАТО имеется такое их решение, то мой последующий отказ от поиска контактов с Западом только подтвердил бы их версию: да, действительно, речь идёт о подставе Советов.

В КГБ-ГРУ было принято решение пробиваться к американцам. Так появилась моя серия подходов к студентам и западным бизнесменам. Я писал на Запад о желании «работать» на них.

В письмо в адрес Запада была вложена мысль: ратующий за мир на планете и здорово обиженный советской властью человек хочет разоблачить военные планы советского руководства, как говорил в книге Джибни: «снять пелену таинственности с этих планов».

Но к этому времени американцы были напуганы громким судебным процессом над лётчиком-шпионом Гарри Пауэрсом и идти на контакт со мной не спешили. И вот тогда родилась мысль: нужно подойти к американцам через англичан, весь состав резидентуры которых в Москве нам был не только известен, но и прекрасно охарактеризован изнутри. Посчитали, что англичане могли реально воспользоваться открывающейся разведвозможностью в моём лице, как сотрудника ГРУ, которая была для них весьма привлекательной организацией.

Так оно и случилось. Правда, в этом нашем «альянсе» с СИС злую шутку сыграли многочисленные провалы у этой спецслужбы на «британо-советском фронте» тайной войны. Им нужен был немедленный престиж, и они променяли его на нашу «наживку». Эту закономерность верно уловил опытный английский контрразведчик Питер Райт, подробно развернув этот тезис в «деле Пеньковского» в своей книге «Охотники за шпионами».

Девятое. Структура и личный состав ГРУ и Комитета по науке и технике, переданные мною на Запад, не были открытием для СИС и ЦРУ. Еще до «моего предательства» эти секреты оказались у них на руках от перебежчиков из ГРУ и этого Комитета. Но мы внесли некоторые коррективы в списки и характеристики людей. Такая «достоверная» информация стала «лакмусовой бумажкой» в подтверждение моей «преданности» Западу.

Когда англичане начали со мной работать, на свет божий появилась лекция «О связи с агентурой в США» Приходько, которую стремительно издали в разведакадемии специально для передачи на Запад. Конечно, не в единичной копии и для учебных целей. Но это была «сборная солянка» из множества материалов по США, начиная чуть ли не с двадцатых годов. Причем далеко не всегда подготовленных разведчиками и для профессиональных целей.

Рассуждения Приходько «на тему» правильно подметил Джибни: лекция носила назидательный характер с позиции человека, работавшего в США. Мои «коллеги» по СИС и ЦРУ не подозревали, что подполковник Приходько подготовил лекцию в «свободном полёте» его личных взглядов, причём далеко не аса военной разведки. Стенограмма же лекции была нужна для передачи моим «коллегам».

Бедный Джибни! Он возвёл эту стенограмму лекции в культовый подход агента Пеньковского к работе с Западом. Вот его оценка: «Вынести секретную стенограмму лекции Приходько из ГРУ - это уже сам по себе поступок из ряда вон выходящий. Никогда ранее оперативные методы современной спецслужбы не формулировались с такой обнажающей ясностью. Редко какой документ давал более полное представление об ограниченности советского мышления, чем эта попытка нарисовать объективную картину другой страны и её культуры».

Так «объективная» либо «субъективная»?! И бедный ли Джибни? Не такой уж и бедный - он выполнял заказ спецслужб, готовя «записки». «Бедный» потому, что мнение слабого профессионала воспринял как образец мыслящих разведчиков ГРУ. Но он забыл одно: и ГРУ и КГБ, например, успешно действовали в «атомном шпионаже»! Причем в США и Канаде. Тогда «ограниченного советского образа мышления» им хватало, чтобы провести ищейку высшего класса Гувера с его чудовищным аппаратом ФБР.

Оперативный подтекст появления стенограммы Приходько в руках СИС был следующим: материал-то был о Штатах! То есть этот материал переводил контакт с Пеньковским через СИС на ЦРУ. Если бы Джибни (и СИС, конечно) задался вопросом: почему именно о Штатах появилась лекция?

Западная сущность «Записок Пеньковского» в изложении Джибни заключается в следующем: «…советские чиновники могут стать жертвами своей собственной пропаганды. И тогда серьёзные штабники Советской Армии, может быть, осмелятся внимательно присмотреться к обществу, на которое они сейчас мрачно взирают сквозь тонированные красные стёкла очков».

Пока Джибни и ему подобные снисходительно похлопывали советских разведчиков из ГРУ и КГБ по плечу, последние делали своё дело. Недаром президент Рейган на очередном юбилее спросил, причём не без строгого ехидства: «Вы молодцы в ФБР. А почему русский «Буран» так похож на наш «Шаттл»?» Не это ли высшая оценка работе наших разведок?! И это

только в области науки и техники.

В качестве «ниточки» от меня к англичанам (американцы не захотели вступить со мной в контакт, а может быть, не смогли) был выбран бизнесмен Винн, который масштабностью своих контактов с ведомствами в СССР не мог не быть в поле зрения контрразведчиков из МИ-5 и от них - СИС.

Десятое. Самым серьёзным испытанием для меня стала первая встреча с четырьмя представителями спецслужб - двумя англичанами и двумя американцами, причём одновременно. Эта встреча определила в наших отношениях главное: поверят или нет, а значит, станут ли доверять передаваемой в будущем информации, среди которой будет вкраплена наша деза.

20 апреля допрос длился четыре часа. Наша тактика была следующей: много словесной информации, отдельные заметки и конкретные документы. Естественно, в этот раз - только реальные факты и сведения. В том числе те, которые могли быть известны Западу или были доступны для проверки по другим каналам. Цель - вызвать ко мне доверие с их стороны. Я не заблуждался в том, что мои собеседники были асы своего дела, и ни на миг не расслаблялся.

Устная информация - это «пространный рассказ о себе и мотивах моего поступка». И в этом Джибни прав, как и прав он в том, что сведения уже на этом этапе касались «советских военных секретов». Мне было любопытно видеть, что материалы вызвали живой интерес у западных профессионалов. Как писал Джибни: «Западным разведчикам стало ясно, что с полковником Пеньковским им крупно повезло. Сумма же, которую он запросил за своё сотрудничество, - сущий пустяк».

Джибни верно подметил тот факт, что мотивы моего «поступка» не однозначны: это - «непрочное» положение в ГРУ (карьера и отец). Тот же отец и его выбор в пользу Белого движения (?) Мечта о свободной жизни на Западе, понятая в Турции. «Разочарование» в идее социализма и «вождях», о чём я писал в письме на Запад.

Джибни сформулировал моё кредо следующим образом: «…в нём говорил человек, пытавшийся отыскать свои новые корни, солдат, стремящийся встать под новые знамёна». (Ну, насчёт «солдата» и «знамён» - это у Джибни плагиат, взятый из моего «верноподданнического» послания Аллену Даллесу!) И я с удовлетворением через несколько лет «после расстрела» читал эти строки: значит мотивы (в комплексе) - антисоветизм, отец, западный образ жизни, деньги… выбраны были верно. Они поверили!

Встреча во время этого визита в Лондоне завершилась резюме: мне поверили и обучили приёмам тайной связи. Задание Запада было конкретным, а я взамен просил убежища на случай бегства из СССР. И ещё для вящей убедительности была запрошена гарантия: в процессе работы с ними только по моему профилю знаний. Материальную сторону «коллеги» подкрепили по моей просьбе уймой подарков якобы для

нужных людей.

Пока их задание было в рамках Комитета по науке и технике, но мы понимали, что спецслужбы этими сведениями не удовлетворятся. И тут Джибни в оценке информации противоречит сам себе, когда говорит, что сведения по Комитету для Запада не представили интереса. Но буквально на следующей странице: «Запад мало что знал об истинной деятельности ГК КНИР», особенно о тесном сотрудничестве его «с русскими спецслужбами». Но это лукавство: уже тогда в Комитете работали засвеченные сотрудники ГРУ и КГБ. До моих сведений - были беглецы на Запад из состава сотрудников Комитета.

Одиннадцать. В одном из предисловий к главе Джибни констатирует мою активность в пользу «свободного мира»: «…имея свободный доступ в Минобороны, ГРУ и свой собственный ГК КНИР, Пеньковский беспрепятственно фотографировал любые документы, преимущественно с грифом самой высокой категории - техдокументации, инструкции, руководства для персонала».

Однако во всех режимных организациях вёлся строгий учёт личностей, интересующихся «несвоей» информацией. Работать в кабинете с такими документами было нельзя, а особо высокого грифа мне всё не могли давать (не было необходимости) - разве подержать в руках и то с санкции высокого начальства. О каком-либо фотографировании не могло быть и речи.

Но об этом знали (должны были знать!) в СИС и ЦРУ - тогда почему они верили мне? Только одно объяснение: такой «ценный агент», как Пеньковский, им был нужен для оправдания своего престижа…

Прав старина Райт: Пеньковский не заботился о своей безопасности. Но иначе не появились бы 5 000 кадров с документальной информацией, точнее, «информационного шума»!

Двенадцать. В вопросе с Винном, формально, наш контакт выглядел как моя полезная связь на вербовку по линии ГРУ и хороший деловой контакт по линии Комитета науки и техники. Мы оставили его только в качестве связника с той целью, чтобы создать иллюзию: Винн не знал содержания материалов, передаваемых мною на Запад.

И это сыграло свою роль в будущем, причём важнейшую. Дело в том, что игра с моей стороны была продолжена и после «моего ухода из жизни» - Запад должен был предполагать, что в процессе следствия я не во всём сознался (моё заявление на суде, что Винн не знал о характере материалов, было воспринято моими западными «коллегами» как сигнал в моей нелояльности к органам дознания и суду). ГРУ-КГБ на это рассчитывал, и в этом кроется, видимо, причина: почему до сих пор «дело» не раскрыто (не обнародовано). Чтобы усилить впечатление о моих важных связях в верхах, в частности в ГРУ, в Лондон со мной приехал начальник ГРУ Серов с женой и дочерью, которых я опекал. Джибни констатирует то, что родилось в недрах ГРУ-КГБ: «Этот факт способствовал тому, что в московских кругах высокопоставленных

чиновников Пеньковский приобрёл репутацию человека, который чувствует себя на Западе как рыба в воде...»

Мне жаль старину Джибни, видимо, умного и проницательного человека, - издателя журнала «Шоу», автора статей в журнале «Лайф», редактора «Ньюсвик», который повторил за Винном мою реакцию на западный мир с его обществом и магазинами.

Но я кое-что уже повидал, особенно в годы войны, и мне было не всё равно, как живут мои сограждане. После 1991 года я оказался прав, сформулировав для себя: ступив в «открытое общество», Россия из небогатой превратилась в страну нищего народа. Теперь мы действительно живём как на Западе: товары есть, а зуб неймёт...

Джибни подыгрывал тем в СССР, кто затем разрушил нашу страну идеологически и экономически в полном соответствии западной программе «Истина», родившейся в недрах американских спецслужб вкупе с западными социологами.

Естественен вопрос: почему я вступил в «дискуссию» с Джибни, взяв за основу «его труд» - «Записки Пеньковского»? В том, что «Записки» - это фальшивка, не сомневались и на Западе. Даже их печать отмечала: «... только круглый идиот может поверить, что шпион вёл подробный дневник да ещё рассуждал о советской политике конца 1965 года, то есть о событиях спустя два с лишним года после судебного процесса». (К этому ещё могу добавить: только круглый идиот не стал уничтожать улики в моём тайнике в доме, имея уже наружку «на хвосте».)

Бывший сотрудник американской разведки Пол Плэкстон в журнале «Уикли ревью» писал: «...утверждение издателей «Записок» о том, что Пеньковский передал рукопись на Запад ещё осенью 1962 года, звучит нелепо - в это время за ним внимательно следили, и он не стал бы подвергать себя опасности разоблачения...»

«Специалист по русскому вопросу» Зорза из серьёзной английской газеты «Гардиен» заявил, что «Записки» - вымысел. Это случилось после того, как он, другие журналисты и издательства обратились к ЦРУ с просьбой показать русский текст, но штаб-квартира разведки в Ленгли оригинал предъявить не смогла. Очень антисоветская бельгийская газета «Стандард» писала: «Книга является подделкой. Часть сведений, содержащихся в ней, просто преувеличена, а другая часть сфальсифицирована американской разведкой». Шведская влиятельная газета «Афтонбладет» упрекала американцев: «...Центральному разведывательному управлению следовало бы работать получше...»

Разоблачая фальшивку, мне было легче опровергать и уточнять, чем пространно объяснять и повествовать.

Тринадцать. Новые задания по ВС СССР, ракетным войскам, ГСВ в ГДР и по подписанию мирного договора с ней - интересы Запада обозначались и облегчали работу по подготовке «информационного шума» и дезы.

Джибни говорит о моём имидже «западника». Так вот, этот «имидж

рвущегося на Запад человека» я подкреплял даже уроками танцев и фотографированием в форме полковника вражеской армии - английской и американской. И вот что выглядит странным: зачем Пеньковский спрятал фотографии во вражеской форме у себя дома?

Одного этого факта было бы достаточно для обвинения меня советской стороной в предательстве?! А ведь мог «издатель-автор-редактор» просчитать ход с фактом, что фотографии (и с тем, что у меня в тайнике, - шифры, коды, инструкции, информация и т.д.) сохранялись... как улики?! Ну как тут не пошутить: их менталитет на наш менталитет - обман не раскрылся много лет!

В угоду моим «коллегам» я акцентировал критические высказывания о советской действительности. Многое из того, что я говорил и оценивал, было и моей позицией, но утрировалось якобы из ненависти ко всему советскому. Легенда отлично работала. Джибни принял как должное в моём подыгрывании Западу в вопросах антисоветизма.

Джибни: «Советские вооружённые силы задыхались в жёстких тисках контроля со стороны партийного руководства, взявшего курс на балансирование на грани ядерной войны...» «Тиски»? Такие бы «тиски» - да нашей армии сегодня!

«На грани ядерной войны»! - это западный блеф, западная ложь: ни одно правительство СССР не хотело войны, но вынуждено было под давлением Запада укреплять свою обороноспособность. В доктринах нашего Минобороны вплоть до 90-х годов не было планов превентивных ядерных ударов. В этом отношении Джибни сознательно американские планы по «ядерному устрашению» и «упреждающему удару» вкладывает в уста Советского Союза.

Да, действительно, военная доктрина обсуждалась в нашем ГШ - это верно подтверждает Джибни, ссылаясь на Тома Вольфа из Кембриджа (1964). Но ведь там говорится о переориентировании военной доктрины страны и её ВС в связи с появлением в мире новых видов ракетно-ядерного оружия. И вот тут-то мои западные «коллеги» получили от меня «подтверждение» о разладе мнений в среде военных по новой доктрине. В их руках оказалась фотоплёнка со статьями в закрытом журнале «Военная стратегия» за 1962 год. Статьи подготовил маршал Соколовский и другие авторы, но... не без помощи ГРУ-КГБ. А сам Джибни признается, что год спустя (после «суда») «... те же материалы, но уже со значительными исправлениями, были напечатаны в новом выпуске журнала».

Сколько разговоров идёт из-за переданных мною на Запад 5 000 кадрах (по две страницы на каждом)?! Но один спецсборник (под редакцией ГРУ-КГБ) - это уже 200-300 страниц.

Джибни лукавит и ещё в одном случае. Даже воробьи сего мира теперь знают, что и в Берлинском и в Карибском кризисах американские военные ставили вопрос о превентивном ядерном ударе. А Соколовский лишь говорил в дискуссионном плане о возможности перерастания

локальных военных конфликтов в конфликты с использованием одной (!) из сторон ядерного оружия и то в качестве возмездия.

Мой «информационный шум» по поводу упреждающего ядерного удара содержался в спецвыпуске «Военная мысль» и других изданиях, специально подготовленных для передачи на Запад.

Джибни сознательно приписывает «каннибальские» планы американцев по упреждающему ядерному удару русским. И это не случайно: Россию не любили и разрушали и в Первую мировую войну и во Вторую. Россия, как огромная страна с мощным потенциалом, якобы опасна для Запада, а не СССР с его идеологией.

Мир страшится США, которые всегда опасались России, если она встанет во весь рост. А потому ослаблять Россию (СССР) было мечтой всех правительств США. Не в этом ли заключается Великая Миссия России: продолжать оставаться буфером для всех народов против пресловутого «американского образа жизни»?!

Джибни и стоящими за ним ЦРУ-СИС следовало бы задуматься над словами инспирированного ими автора «Записок»: «…приняв решение работать на иностранную разведку, он (Пеньковский) отнюдь не преследовал цель расшатать существующий в его стране режим». Тогда зачем предательство?! Ценой ослабления армии?! Уничтожения с помощью «мини-ядерных зарядов» системы управления страной в случае войны?! И последнее - опять Джибни: «это очень непохоже на то, что писал Пеньковский». Имеется в виду дискуссия об армии и упреждающих ядерных ударах. Еще бы! На Пеньковского работали аналитики ГШ, ГРУ и КГБ. А потом это назовут: «шпион, который спас мир». Только знак в понятии «шпион» обратный - разведчик.

Четырнадцать. Что больше всего беспокоило организаторов «дела» с советской стороны? Вопросы безопасности. У ГРУ-КГБ болела голова в заботах: как воспринимаются мои действия западными спецслужбами? Особенно в процессе добывания информации и способах передачи её на Запад? Известно, что «работать» пришлось на личных встречах с представителями ЦРУ и СИС, через моментальные встречи и тайники. То есть удалось вынудить их проводить операции по всем видам каналов связи (а значит, изучать и контролировать их действия). Даже канал моего экстренного вывода за рубеж: морем - подлодка, через сухопутную границу и по воздуху.

В Англии и Франции со мной проводились личные встречи (17), а в Москве - 14 личных встреч (разведчики), «моменталки» (Чизхолм и другие), тайники и посреднические (Винн), односторонние радиопередачи (разведка-агент) и тайнопись (через посредника). Всё указанное выше документировалось силами наших спецслужб и кое-что было представлено на суде. Так затем свершилась дискредитация двух спецслужб и выдворено из СССР два десятка сотрудников посольств США и Англии (разведчиков и причастных к «делу»).

Мои «коллеги» «стыдливо» соглашались с моими версиями получения

информации и не пытались проникнуть в обстоятельства конкретных моих действий на этом «скользком» поприще. И хотя каждый раз легенда моего доступа к конкретной информации тщательно отрабатывалась, ни разу «коллеги» не спросили: как удаётся получать материалы и тем более их фотографировать. Обычно всё ограничивалось фразой: «будьте осторожны», «берегите себя», «вы - профессионал и хорошо знаете, как это нужно делать».

Всех нас поражал - меня как главного фигуранта и профессионалов из ГРУ и КГБ - факт явного нежелания моих западных «коллег» разобраться, сколь высоко сохраняется безопасность для меня при добывании документальной, да и устной информации. Но был в работе с Западом момент, когда мои «коллеги» могли заподозрить меня: не подстава ли я? Случилось так, что где-то в высших сферах, возможно, сам Хрущёв, посчитали, что ядерный удар американцы могут нанести не с помощью ракет. Тогда в военных кругах среди американских генералов-ястребов витала идея превентивного такого удара, используя портативные ядерные заряды килотонны на две.

И вот мои консультанты из ГРУ-КГБ стали настаивать на получении от американцев сведений, хотя бы косвенных, о том, что вражеская сторона располагает такими зарядами и готова воспользоваться, например, «каналом Пеньковского» для подрыва нескольких из них в центре Москвы возле важных государственных объектов.

Важна ли такая информация? Конечно. Но с оперативной точки зрения в работе с Западом на данном этапе - это опасная затея. От меня требовали получить однозначный ответ: да или нет? Согласны американцы использовать «мой канал» для этих целей? Шесть раз под разными предлогами поднимал я перед «коллегами» этот вопрос, предлагая себя в исполнители. И только анализ всех шести случаев, вплоть до оценки их переглядываний между собой во время беседы, позволил обобщить их ответы и прийти к выводу: возможно, заряды у них имеются, но они даже не готовы обсуждать реализацию их таким путём. Для нашего дела - это уже был положительный результат.

А подводя итог по «обеспечению безопасности» моей работы на ЦРУ и СИС в информационном плане, был сделан вывод: они панически боятся получить сведения о подозрении нашей контрразведки в отношении меня. То есть их беспокоила потеря агента меньше, чем вопрос: не подстава ли я.

Так складывалось в нашей среде убеждение, что престиж работы с «ценным агентом» вплоть до его провала устраивал их спецслужбы. И это становилось стимулом в акции ГРУ-КГБ по дезинформации Запада.

Подозрения у ЦРУ и СИС были. И это вполне естественно в столкновении интересов спецслужб, а возможность найти в моём лице подставу предрекал ещё перебежчик Голицын, и на его мнение опирался шеф американской контрразведки в ЦРУ Энглтон. Однако американцев и англичан устраивало: что передаёт источник, как себя ведёт, каковы

мотивы его работы на спецслужбы.

Джибни отмечает о моём парижском периоде: «...информация, которую Пеньковский успел передать на Запад, оказалась настолько важной, что они всерьёз опасались за его безопасность». «Коллеги» предлагали мне остаться за рубежом, но это была дань уважения к моей работе на них, а отнюдь не желание видеть меня на Западе.

После парижской встречи мои консультанты из ГРУ и КГБ сделали предположение, что западные опекуны, видимо, рассчитывают на мой провал в качестве «успешного» завершения операции по работе с ценным агентом?! Ведь даже провал мог выглядеть их победой в войне с советской госбезопасностью - разведкой и контрразведкой.

И тогда было принято решение меня оформлять в несколько стран, даже в США, но никуда не выезжать. Цель - перевод всех операций по связи со мной на территорию СССР, в Москву. Это было нужно для документирования фактов работы ЦРУ и СИС в нашей стране. Поэтому я снова стал уверять западных «коллег» в моих посланиях: «я - солдат на передовой», «их глаза и уши», имею большие возможности.

Итак, прослеживалась чёткая линия поведения западных спецслужб в этом «деле»: на проверку они не идут, им важна фигура в их агентурной сети с имиджем ценнейшего агента, пусть даже мёртвого. Наша сторона раскусила эти настроения в стане противника.

Пятнадцать. Запад не захотел изучать мои действия на признаки подставы, причём с их точки зрения для советской стороны их «ценный агент» - это: я - информатор (о действиях противника), я - дезинформатор (в интересах нашей стороны), я - провокатор (с целью компрометации, дискредитации, дезорганизации противника). Этого «проницательный Джибни» не подметил. А ведь только по данным из Парижа мои коллеги в Москве раскрыли пути передачи материалов на Запад.

Джибни помогает нам убедить Запад, что Пеньковский - сверхценен. «В анналах разведок всего мира это могло быть названо «величайшей утечкой секретной информации»», - говорит он. Но ему помогала и наша сторона: «...в течение года советская пресса всеми силами пыталась понизить значение ущерба, нанесённого им государству». В глазах моих соотечественников я был: «рядовым служащим, круг знакомств которого не выходил за рамки ресторанов и их завсегдатаев - пьянчуг и бабников...».

Мы понимали, как жадно «коллеги» ловили мои слова о связях в высших военных кругах, среди которых маршал Варенцов и глава ГРУ. Мой рассказ о дне рождения маршала, где именинник представил меня министру обороны как «человек Серова», «коллегам» особенно понравился. И чтобы увлечь их мыслью о моих высоких связях, подарки для них покупали сами «коллеги».

В главу «Важные персоны» Джибни вложил (явно по заданию ЦРУ и СИС!) чуть ли не все сведения о десятках людей, собранных спецслужбами за многие годы и вдруг оказавшихся «моими связями». Это

- очередной перебор!

Не хочу лукавить: с антисоветской точки зрения книга Джибни сделана почти талантливо - обилие фактов. Но пытливого читателя, тем более советологов и критиков, не проведёшь. И потому как только книга «Записки Пеньковского» вышла, то сразу оказалась на полках книжных магазинов под рубрикой «чёрной пропаганды». Но известно, что материал «чёрной пропаганды» содержит ошибочную информацию, направленную против противника как дезинформация. Так вот, в «Записках» такой дезинформации - пруд пруди.

Шестнадцать. Теперь о периоде, который можно охарактеризовать как работу «под колпаком советских спецслужб».

Мои «подозрения» о слежке за мной должны были изменить порядок организации «коллегами» связи со мной в Москве. Вот как я усилил эффект от моих тревог при встрече с Винном в июле 1962 года. Я «сильно нервничал и пояснял причину - за мной установлена слежка». Так начал прорабатываться мой «побег» на Запад, так как в подобной ситуации о выезде за рубеж официально не могло быть и речи.

Для нашей стороны «подготовка к побегу» - это выявление канала через «зелёную границу», например. Я получил новый, искусно изготовленный паспорт. И тут началась «игра-в-поддавки»: мы решили задокументировать характер «тайных встреч» со мной Винна. Это было почти ребячество, но такой сценарий предложили люди из КГБ, занимающиеся наружным наблюдением. Тогда и произошла последняя встреча с Винном. Контакт с Винном в ресторане «Пекин» был заснят на киноплёнку и демонстрировался в суде. Наивно? Да. Но доказательно. И Винн мой испуг увёз к «коллегам» в Лондоне.

Удалось дезинформировать Запад о наших проблемах с МКБР - они у нас были, но их было мало и время работало на нас. На фоне «неуправляемого» лидера Советов и одна ракета с ядерной боеголовкой была головной болью для США.

Переданная на Запад мною мысль о том, что мы не готовы к ядерной войне и Хрущёв этого не хочет, сыграла важную роль в Кубинском кризисе. И Кеннеди, испытывая давление своих военных, которым «хотелось пострелять», на конфронтацию с ядерным эпилогом и даже без него не пошёл. Мы вывезли ракеты с Кубы в обмен на неприкосновенность режима Кастро. И ещё выговорили себе ликвидацию ракетных баз в приграничной с нами Турции.

Такова была цена только одной моей фразы: «Хрущёв войны не хочет!» Конечно, были у американцев и другие источники, в том числе и официальные, но я числился в тот момент в реестре их агентуры ценным источником. Они поверили, а мы выиграли партию с МБР и Кубой.

Согласно легенде слежку я «обнаружил» за собой в начале 1962 года, но поскольку КГБ вёл наблюдение за многими должностными лицами, то «не усмотрел» в этом ничего особенного. В этом я с Джибни согласен. Но «обнаружение» НН - это этап в работе нашей стороны с моими

«коллегами»: их подводили к мысли о моём невыезде на Запад. Джибни пишет: «…осторожный человек сразу же залёг бы на дно. Например, уже в июле Пеньковский мог предупредить западные спецслужбы, что он на некоторое время прекращает с ними связь. Кроме того, он должен был бы сразу уничтожить все компрометирующие его предметы, хранившиеся в домашнем тайнике…». И вот Джибни «мою халатность» сваливает на мою самоуверенность и пренебрежение чисто по-гречески опасностью… из-за чувства собственного достоинства. Так он объясняет действия, грозящие смертельным исходом, профессионала со значительным оперативным и жизненным опытом?!

По роду работы и жизненным правилам мне больше подходит позиция главы ГРУ (в 1934 году - разведуправление) Яна Берзиня, талантливого руководителя военной разведки. Его высказывание приводит Джибни: «В нашей работе дерзость, бесстрашие, риск и решительность должны сочетаться с осторожностью. Такова диалектика нашей профессии!» Но Джибни говорит, что я забыл об осторожности? Как дитё мыть руки?! Всё - с точностью наоборот: это качество и другие, в словах Берзиня, пригодились мне в работе с ЦРУ и СИС, особенно осторожность. Легенда, что сотрудники КГБ обнаружили в недрах архивов якобы факт службы моего отца в Белой армии, сработала в адрес Запада - и я стал невыездным.

Со слов ЦРУ и СИС, Джибни рассматривает причины интереса ко мне со стороны КГБ. Значит, мои «коллеги» всё же анализировали свой собственный провал? Но где же они были раньше? Почему не оставили меня в Париже? И снова я нахожу тот же ответ: им нужен был даже провал их «ценного агента»… для поднятия собственного престижа. Почему так?

Частые встречи с Винном (подчёркнуто) - их было множество. Сам он проходил в качестве моей «доверительной связи» по линии ГРУ. Джибни говорит, что якобы ГРУ готовило вербовку Винна. Тогда почему западные «коллеги» не помогли мне приобрести источника в лице Винна ещё во время моего первого посещения Англии? Я ведь предлагал. Вернее всего потому, что агент-подстава - хлопотливая штука, требует уйму согласований с другими ведомствами, и СИС понимала, что его «информацию» из недр английской разведки аналитики ГРУ быстро обнаружат. А может быть, и не нужна была вербовка? Винн был глубоко зашифрованный сотрудник СИС. Иначе чем объяснить тот факт, что он позднее попал в ситуацию Питера Райта, который вынес «сор из избы», опубликовав, как и Питер, собственную книгу о работе с Пеньковским. И всё же - это камень в мой огород.

Подарки и сувениры на боìльшую сумму , чем та, что полагалась мне во время визитов за рубеж. Но суммами могли располагать мои «связи» в Москве. «В высшем свете» это было обыденно для сотрудников ЦК, Минобороны и других лиц верхушки. И это ещё один камень.

Повышенное внимание к моим контактам с британскими и американскими диппредставителями. Но это была хорошо прикрытая моя

работа по линии ГРУ. Еще один камень.

Винн мог быть шпионом (так о нём думали в КГБ). Но это уже конфликт мнений и заботы внутри КГБ-ГРУ, ибо последнее «застолбило» Винна за собой. Камень опять налицо.

Не должен был остаться незамеченным мой выход на огромное количество материалов в спецбиблитеке Минобороны и ГРУ. Причем явно не имеющих отношение к моим прямым функциональным обязанностям. Об этом КГБ мог узнать чрезвычайно легко - буквально после моего первого визита в такую библиотеку. Значит, я мог работать под контролем КГБ с первого дня контактов с Западом. Это камень огромного веса!

КГБ должны были насторожить связи Пеньковского - влиятельные высокопоставленные друзья. Цепочка: друзья - Пеньковский - Запад. Это близко к истине, но КГБ обязано сомневаться и проверять. Ведь связи - это источники информации, возможно, невольные даже внутри страны. Значит, я должен был быть, даже без подозрений, в поле зрения нашей контрразведки. Еще один камень.

При возникновении неясностей КГБ вёл себя осторожно. Если сомневался, то искало доказательства, которые могли перерасти в подозрения. А подозрения - это право получить разрешение на обыск в квартире, причём разрешение на уровне высшего руководства КГБ. Камень - ого-го! Дома хранился, как говорят на Западе, «шпионский набор».

Реально ЦРУ и СИС должны были сами просчитать варианты первый, второй, третий, шестой - в них Пеньковский хорошо прикрыт, а значит, защищён своим ведомством ГРУ и ГШ Минобороны. С их точки зрения - это вовсе не камни в мой огород. Четвёртое и шестое и, как следствие, седьмое - это реальная угроза «агенту» в моём лице. Это уже «глыбы» с набором возможных аргументов перед старшими чинами в КГБ и затем (седьмое) - прямые доказательства.

Верно говорит Джибни: «…они должны были обыскать его рабочий стол (в доме). И как только они вскрыли заветный ящик, всё стало ясно! Но когда это произошло, никто не знает…». Я знаю: задел был сделан ещё в 1957 году, в Турции.

«Суммировать накопленную информацию», пишет Джибни, нужно было не в КГБ, а в ЦРУ и СИС, чтобы не оказаться в плену иллюзий в моих частных намерениях. Обижает Джибни нашу контрразведку, когда говорит, что на согласование вопросов о подозрениях в отношении Пеньковского - Винна уходило много времени. Когда было нужно, то на согласование уходили не дни, а часы. Это я констатирую как офицер военной разведки из другого «конкурирующего» ведомства.

Теперь о суде. Джибни пишет: «…сам факт проведения этого суда уже сам по себе удивляет, так как других офицеров Советской Армии, уличённых в шпионаже, сразу же расстреливали…». Вполне могло быть и так. Я имею в виду наше «дело». «Расстреляли бы» и в прессе сообщили,

как о казни некоего П. - так сделали с Поповым.

Но этапность и стратегический замысел операции по дезинформации Запада требовал серьёзных подтверждений. Потому и был «суд»! И «доказательства» в сверхсерьезном предательстве, а значит, информация от предателя была ценной.

На суде Запад (кому это было нужно) понял, что Винн не мог рассказать ничего существенного - он был всего лишь связным и о содержании передаваемых за рубеж материалов не мог знать. На «суде» я дал понять, что Винн сознался не во всём.

Долгосрочность нашей акции подтверждалась ещё и тем, что во время следствия на личной встрече с Винном я несколько раз повторил одну и ту же фразу, предназначенную для Запада: «меня наверняка расстреляют» и «они обещали сохранить мне жизнь». Правда, при условии, что Винн будет сотрудничать со следствием. Запад должен был расшифровать это так: «я не пошёл на сделку, даже ради своей жизни».

Конечно «суд» был показательным. Роли были распределены. Но всё же он был лучше, чем суды тридцатых годов. Однако военные прокуроры на этом «суде» оказались заложниками своего времени и действовали так, как будто им нужно было отчитаться за каждое своё слово на партсобрании. Эта неуклюжесть была заметной. Доказательств было предостаточно. Следуя сценарию, выданному мною для нашей общественности и западной публики, я признался в тщеславии, в уязвлённом самолюбии и жажде лёгкой жизни. Джибни прав, говоря, что «… суд не мог найти логического объяснения одному: как Пеньковский, столь преуспевающий в этой системе, смог предать её…». Именно об этом следовало бы задуматься спецслужбам, работавшим со мной. Но им, снова настаиваю, этого и не нужно было. А мотивы моего поведения с Западом определяли все мои последующие действия в «работе» или игре!

И обвинитель Горский, и защитник Апраксин отмечали положительные стороны мой карьеры. Они говорили, что мой поступок остаётся всё-таки неожиданным, как первородный грех, и совсем уже непонятным.

Грамотный специалист обвинитель - генерал Горский всё же в суть дела проник - история моей жизни не давала повода стать предателем?! Он понимал и открыто удивлялся, как (по Джибни) «герой войны, блестящий офицер и ответственный работник солидного учреждения, способный служащий морально разложился и стал на путь предательства?»

Для меня «суд» стал тяжким испытанием. Но глубину трагедии публичного судебного разбирательства понял на процессе. В тот момент во мне не было ликования по поводу «оперативных успехов в деле». Ведь человек - существо коллективное, и я чувствовал, как взгляды презрения давят на меня.

Я мог бы утешиться, хотя бы на время «суда» (и после) с помощью выпивки, но алкоголь - не моя стезя. Он всегда не был моим «кумиром».

Правильно отмечает Джибни, ссылаясь на мнение моих западных «коллег»: я пил очень умеренно. Им бы задуматься: мог ли я пить (то есть терять над собой контроль) в ситуации разведчика, действовавшего в тылу врага?!

В заключительной главе Джибни сам себе задаёт вопрос, который в то же время обращён к западным спецслужбам: «...невольно возникает вопрос: как могло случиться, что сотрудники КГБ и ГРУ допустили, чтобы человек с таким «чёрным пятном» в биографии достиг в советском обществе столь высокого положения? Почему они раньше не занялись происхождением полковника? Что же произошло с их системой тотальной проверки?».

Всё верно, за исключением главного: в моём деле, личном офицерском и в деле спецпроверок КГБ-ГРУ, ответы на все эти вопросы имеются... в виде хорошо разработанных легенд.

Проницательный Джибни и амбициозный Винн в своих книгах верно ставят вопрос: «жив ли Пеньковский?» Однако причины оставления меня в живых у них ошибочные - «в интересах было сохранить ему жизнь». Как понимается сегодня из этой рукописи, причина другая - игра закончилась, но её результаты продолжили операцию все эти десятилетия.

После «суда» я убыл в тихую заводь на краю Московии. Здесь была река, лес и дача. Сюда привезли мою маму - Таисию Яковлевну. Но прежде постепенно её подготовили к тому, чтобы открыть частично не только тайну моей работы против западных спецслужб, но помогли понять необходимость моего нового положения: «нелегала» в собственной стране. Мама никогда не верила в моё предательство, и всё поняла, хотя далось ей это с большим трудом. Ее больше всего мучил один вопрос: почему именно её сыну выпала такая доля?! Ее не утешали мои слова: «если не я, то кто-то должен был это сделать...».

Здесь, на даче, мне помогли справиться с психологическими стрессами, изменить внешность - волосы, бородка, манера говорить...

Ко мне приезжали товарищи по оружию - из ГРУ и КГБ. Я получил высокие награды и среди них знаки отличия по линии этих двух ведомств. Мне вручили орден Красного Знамени и присвоили звание генерала, дали повышенную пенсию. С моими наставниками мы тщательно проработали легенду дальнейшей моей жизни: место, работа, пенсия и связь со службой.

Местом мы с мамой выбрали городок Ейск на Азовском море. Давно хотелось погреться у южных берегов. Когда-то я был там в юности и проникся к этому городку любовью. Занимался я учительством - было о чём поведать молодёжи. Работал в техникуме и институте. Но юг быстро приелся и мне и маме. Причина? Здесь не было настоящей зимы.

Так в конце шестидесятых годов я оказался в Лихвине, где до выхода «на учительскую пенсию» и после этого события учительствовал. Дополнительные деньги я получал, бывая в разных городках вблизи этого города. Это - как в разведке: связь через почту четыре раза в году. Ко мне

шли письма, но без обратного адреса. Сам я письма посылал из тех же городков, благо автобусное сообщение было отменным. Переписка сокращалась «естественным путём» - мои ровесники были из двадцатых годов.

Я увлёкся собиранием книг о спецслужбах - профессионально это мне было близко, искал острые ощущения, как это случалось во время «ближнего боя». Появился видеомагнитофон - это уже фильмы.

В сентябре 1999 года меня вызвал на связь один из кураторов в ГРУ (участник по дезинформации Запада). Так я узнал о книге сотрудника внешней разведки КГБ «Операция «Турнир». Мой коллега сообщал, что высылает книгу в мой адрес: «Будет интересно посмотреть небольшую главу «Пеньковский». Глава меня устраивала.

К этому времени у меня уже накопилось несколько переводных книг о «деле Пеньковского». Однако это были книги в пользу моего «предательства» и лишь крохи сомнения в этом. А эта глава, мне показалось, говорила о иной оценке моего «предательства». Выходило так, что по моим следам мог идти человек, который сам был «предателем» и, возможно, лучше других понял мою судьбу и ложность положения после «предательства», в котором он сомневался.

Мне подумалось, что мой коллега из разведки госбезопасности сможет быть объективным в вопросе моего жизнеописания. И я принял меры к его появлению в Лихвине. Я поручил моему коллеге из ГРУ связаться с автором и навести его на наш городок. Но только после моей кончины.

Он должен появиться. И я вверяю ему, в его руки, мою судьбу и вторую жизнь после официальной смерти!

Сентябрь 1999 года, Лихвин».

На этой оптимистической ноте закончил свои настоящие записки старый ветеран войны, военный разведчик и учитель в мирной профессии Олег Пеньковский - «Феномен XX века» в области «тайной войны».

Мистики не получилось: профессионал, которым становятся и качества которого остаются при нём навсегда, и здесь предусмотрел необходимые условия связи с выходом на его наследие… после смерти.

Я ещё раз посмотрел на заголовок на папке с рукописью: «Жизнь после смерти». Что бы это значило? Почему слово «смерть» без кавычек? Задумался и очнулся от какого-то наваждения: заголовок к рукописи, сделанный рукой Олега Владимировича, завораживал меня своим потаённым смыслом.

И уже позднее, работая над рукописью и сам с собой обсуждая её прямой и скрытый смысл, я вдруг прозрел: «Жизнь после смерти», «Жизнь после смерти?», «Жизнь после смерти!» Эврика! Вздрогнуло в моей душе: он закодировал смысл его личной человеческой трагедии…

Быть живым и не быть самим собой! Личности свойственно пройти в

своей судьбе рука об руку в трёх ипостасях: Это - Человек; Это - Гражданин; Это - Профессионал.

У Олега Владимировича вся его жизнь имеет этапы: когда он был самим собой - до войны, в войну и после неё в ГРУ за рубежом и в Москве под «крышей». В ГРУ - две жизни одновременно. Затем: три жизни в лице сотрудника ГРУ, ГК КНИР и «агента» западных спецслужб. Наконец, жизнь «после расстрела», который для всех его знавших, унёс понятие «Пеньковский», как Гражданина и Профессионала, добавив к понятию «Человек» зловещее «Предатель» - существо, которому уготован самый худший из кругов в аду.

* * *

Желание в книгах, изданных за рубежом, доказать, что Пеньковский был сознательным шпионом в пользу Запада, наталкивалось на мои аргументируемые предпосылки в пользу обратного.

Моей опорой в поисках подтверждения версии были советские и русские публицисты и журналисты, западные специалисты по разведслужбам, среди которых - биограф Кима Филби Филипп Найтли (крупный аналитик мира разведок) и Питер Райт, пытливый контрразведчик из Британии.

Почему в аналитических умах Запада жила стойкая уверенность, что Пеньковский был честен с их спецслужбами? А слухи о его работе в качестве двойного агента даже не подвергались проверке? Они, слухи, клеймились однозначно: это - блеф Москвы! Естественно, не поверили и советскому представителю в ООН (май 1963). Восприняли как пропаганду Советов и ещё более уверовали в честность работы «их агента» с Западом. Но ведь именно это было нужно нам, Советам!

Возникает вопрос: почему именно мне хотелось, чтобы Пеньковский не был предателем? Эдакая навязчивая идея?! Возможно, потому что и мне была уготована подобная судьба - изгоя в своей стране, если бы операция «Турнир» с моим «предательством» была доведена до логического конца! И тогда автору пришлось взойти на «голгофу» суда, общественного презрения и… исчезнуть!

И потому, дорогой читатель, последний раздел рукописи «Жизнь после смерти» - это остро переживаемое автором прогнозирование его собственной судьбы, к счастью не состоявшейся!

Библиография

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. (Биографические очерки о разведчиках) М.: Гея-Итерум. 2000, 2001.

Блейк Дж. Иного выбора нет. Автобиография. М.: Международные отношения. 1991.

Бобков Ф. КГБ и власть. М.: Ветеран МП. 1995.

Бодров М. (Максимов А.) ГРАД действует… (Записки чернорабочего разведки) Книга 6. СПб.: Галлея Принт. 2007.

Бюкар А. Правда об американских дипломатах. М.: Литературная газета. 1949.

«Век». 2000, № 14.

Ветераны внешней разведки. (Краткий биографический справочник). М.: Пресс-бюро СВР. 1995.

В пламени «холодной войны». Судьба агента. М.: Русская разведка. 2000.

География милитаризма. М.: Мысль. 1984.

Гражуль В. Тайны галантного века. М.: Гея. 1997.

Даллес А. Искусство разведки. М.: Международные отношения. 1992.

Джанибекян В. Провокаторы. М.: Гея-Итерум. 2000.

Дело Ханссена. «Кроты» в США. М.: Олма-Пресс. 2002.

«Записки Пеньковского». (Под редакцией Джибни Ф.). Нью-Йорк: Дабл Дей компани. 1965.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. М.: Олма-Пресс. 2001.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: спецоперации советской разведки. М.: Олимп и Астрель, АСТ. 2000.

Кравченко В. Под именем Шмидхена. М.: Советская Россия. 1973.

Лонсдейл Г. Моя профессия - разведчик. М.: Орбита. 1990.

Максимов А. Операция «Турнир». (Записки чернорабочего разведки). М.: Гея-Итерум. 1999.

Найтли Ф. Шпионы XX века. М.: 1986.

О некоторых приёмах и методах борьбы контрреволюции против советской власти. (Материалы по истории ВЧК-ОГПУ-НКВД) М.: 1939.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1-4. М.: Международные отношения. 1996, 1997, 1999.

Павлов В. Операция «Снег». М.: Гея. 1996.

Павлов В. Трагедия советской разведки. М.: Центрполиграф. 2000.

Парламентская газета.

Пеньковский О. Записки из тайника. М.: Центрполиграф. 2000.

Полмар Н., Аллен Томас В . Энциклопедия шпионажа. М.: Крон-Пресс. 1999.

Пороскоов Н. Пеньковский - подстава. М.: Время новостей. 17 мая 2008.

Райт П. Охотники за шпионами. Нью-Йорк, 1988.

Судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина Пеньковского О.В. и шпиона-связника подданного Великобритании Винна Г.М. 7-11 мая 1963 года. М.: Политическая литература. 1963.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. (Записки нежелательного свидетеля) М.: Гея. 1996.

Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. М.: Олма-Пресс. 1997.

Фараго Л. Война умов. М.: АН СССР. 1956.

Филби К. Моя тайная война. М.: Военная книга. 1987.

Чернявский В. Мифы и реальность внешней разведки (?) М.: Молодая гвардия. 2007.

Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. М.: Международные отношения. 1993.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачёва. Лондон: Нота Бена. 1992.

Яковлев Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда. 1983.